

Memorandum

Annotation

Её жизнь была жизнью непримечательной травницы из глухой деревушки, когда в ней появились метаморфы. И все изменилось. Привычный уклад был разрушен тьмой и предательством. Как справится с этим хрупкая девушка, обнаружившая, что в её крови есть тьма?

Глава 1. Встреча

В лесу было холодно, я зябко ёжилась и куталась в шубейку, корни той самой травы упорно не находились. Я уже час бродила среди деревьев, но видимо сегодня духи леса не хотели быть ко мне благосклонными. И вот выйдя на опушку и побродив по ней в безуспешных попытках, я спустилась снова в лес и замерла. Передо мной стоял барс. Снежно-белый и красивый, чуть поодаль из-за кустов вышла, кажется, волчица, отливающая серебром. Оба зверя уставились на меня, а я на них. Затем я вдруг произнесла:

— Удачной дороги.

И развернувшись, продолжила свой путь, сердце колотилось, как сумасшедшее, и я пыталась уговорить себя, что все будет нормально. Я ведь не трогала их и не лезла в их дела, и даже не нападала на них, а значит они не должны преследовать меня. Зачем им это делать? Я прислушалась к шуму позади себя, не сбавляя шага. Сзади было тихо, ни шага, ни дыхания. Не сдержавшись, я все же обернулась. Никого не было. Облегчённый вдох помимо моей воли вырвался из меня. Я ходила по лесу, раздумывая о том, что это странно, что барс, такой прекрасный и гордый зверь, бродит тут, в захолустье? Допустим, волк ещё понятно, здесь часто их видеть стали. Не нападают, просто видят людей и уходят. Кстати, как раз волчицу и видели... я призадумалась.

Забыв про всякие уже корешки, я решила двигаться домой, сегодня погода не радовала совсем, дул промозглый ветер и от него задубели руки так, что я не чувствовала пальцев. Неожиданно я словно почувствовала какую-то волну воздуха, едва не сбившую меня с ног и ещё холод, не такой, который был вокруг, а такой холод, от которого поднимаются волосы на ногах дыбом. Я поёжилась и беспомощно оглянулась, и даже вздрогнула, когда раздалось волчий вой.

Та волчица... неужели что-то случилось? Чтобы могла означать эта волна?

До дома оставалось совсем немного, когда вдруг передо мной выскочила та самая волчица, она резко затормозила, и мы пару мгновений смотрели друг на друга, затем она подскочила ко мне и вцепилась в полу шубейки. Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но волчица явно не собиралась меня кусать, она тянула меня за собой. Первые мгновения мне захотелось оттолкнуть её любыми силами, но видя её какое-то отчаяние и слыша странное по-собачьи поскуливание, я вдруг сдалась, и мы понеслись по снегу в глушь леса. Она неслась впереди, иногда останавливаясь, чтобы посмотреть добежала ли я. Я бежала следом, мне было жарко, а горло обжигал холод, я взмокла и покраснелась наверняка, и меня мучили всякие мысли. Я и представить не могла, что может случиться с гордым и большим в принципе зверем настолько плохое, что его не смогла спасти волчица, и она попросила помощи у меня, маленькой травницы из глуши, скачущую по сугробам в рваной шубейке не со своего плеча.

Мы неожиданно вылетели на полянку, волчица затормозила у дерева и, скуля подползла к сугробу, и тихонько завывала, вся её поза вызывала боль и тревогу. Я медленно подошла, это был не сугроб, а барс, но его тело почти было не заметно на фоне снега, лишь когда он раскрыл свои глаза и посмотрел на меня, я заметила его среди этой белизны. Я упала рядом с ним на колени, ему было больно, я почти физически чувствовала эту боль, но меня больше терзало отчаянье. Я не могла ему помочь. Осмотр ничего не дал, никаких повреждений, а его дыхание становилось все слабее. А глаза бледнее. Что с ним? Что?

Волчица снова завывала, да так, что мурашки взметнулись вверх, я положила руки на тело барса и, закрыв глаза, поводила ими над ним. Станный способ, но говорят у женщин есть интуиция, и она часто помогает лечить людей. Правда он не человек, впрочем, он и не похож на обычного зверя. Звери такого плана не ходят странными компаниями по заснеженному лесу и не воют так от боли и страданий, я думаю.

Я приоткрыла глаза и ойкнула, отдёргивая руки. Видение пропало. Просто тело, ничего больше, я снова прикрыла глаза и постаралась настроиться как в первый раз. Приоткрыв глаза, я внимательно всмотрелась в то, что меня так напугало сначала. Тёмное пятно прямо напротив сердца, похожее на ураган. Оно кружилось, словно поглощая тело барса и на фоне его белой шерсти казалось ещё более темным. И оно становилось больше. Я не могла его коснуться, хоть и старалась.

— Не трогай его!

Я вздрогнула и, обернувшись, отползла немного в сторону. Среди деревьев появился парень, высокий и тёмный, он тяжело дышал и переводил взгляд с меня на барса, потом на волчицу и опять на меня. Я подняла в примиряющем жесте руки. В его руках было что-то, шар..? Похоже он маг...

— Отойди от него, ты!

Я медленно начала вставать, его шар был направлен прямо на меня, но вдруг передо мной встала волчица, словно бы защищая меня и опять завывала, я опомнилась.

— Ему нужна помощь, но я не могу ему помочь.

— Помощь? — Парень нахмурился ещё сильнее и посмотрел на меня так, словно пытаюсь прочитать у меня лбу, вру я или нет, потом перевёл тяжёлый взгляд на волчицу.

— Да... Она меня сюда привела... к нему, но я не могу помочь ему, правда. На нем нет ран.

Про пятно тьмы я говорить не стала, это звучит слишком... странно, что ли? Нет, магия — это конечно здорово, но я не слишком опытна в этом деле и не могу сказать точно, что я видела. Может мне вообще показалось... парень, не слушая меня, потушил магический шар в своих руках и бросился к барсу. Осмотрев его, он видимо пришёл к тем же выводам, что и я, потом снял с себя накидку и бросил мне, и подхватив браса, потащил его с опушки. При чём сделал это так легко словно не нёс гигантскую кошку на руках, а просто прогуливался по лесу. Я присоединилась к нему, неся его куртку. Наверняка он наложил на себя какое-то заклинание, вряд ли бы такому не слишком выдающемуся силой парню удалось бы поднять барса без этого. Волчица неслышно бежала за нашей странной процессией.

Вскоре мы подошли к portalу, и парень вместе с волчицей просто скрылись в нем. Я задержалась немного перед ним, чтобы попытаться всё обдумать, но мне было слишком любопытно, да и к тому же я почему-то действительно переживала за этого барса. Портал принял меня как родную и схлопнулся за моей спиной, словно там никогда и не было сияющего круга-двери в другое пространство. Мы прибыли в точно такой же, по моему мнению, лес, только ветра тут было меньше, а я пришла как раз вовремя чтобы застать злые слова мага и потерять от них дар речи:

— Ты тупая дура.

Чего? Я запнулась и уставилась на этого странного незнакомца, потом он, заметив мой возмущённый взгляд, лишь бросил «Это не тебе», чем привёл меня ещё в большее изумление и даже лёгкий испуг. Если не мне, так кому? Я обернулась к волчице, она прижала уши и выглядела весьма и весьма опечаленной. Это он ей? Он разговаривает с волчицей? Похоже

парень где-то умом повредился, я промолчала.

— Когда твой брат узнает, он тебе голову оторвёт и правильно сделает. — Опять начал бубнить маг, — а если он ещё узнает, что ты шашни с котом этим переростком замутила, так вообще...

Я молчала, понимая, что процессия и правда странная... И этот маг меня начинал пугать, мне уже не казалось такой уж хорошей идеей шагнуть за ним в портал. Кроме того факта, что он разговаривал с волчицей, так ещё и говорил с ней так, словно она разумное животное и что-то да понимает, ах да и ещё шашни водит с вот этим данным барсом. Ну все... надо уходить, пока ему деревья отвечать не начали.... Волчица в ответ на его отповедь тихо зарычала.

— Я-то не расскажу, успокойся, думаю он и сам сообразит, что к чему. Ну надо же было додуматься! А если он умрёт? — Парень обернулся к волчице и зло взглянул в её глаза. — Это будет на твоей совести, так и знай.

Дальше шли в безмолвии. Потом я начала словно бы отставать, планируя сделать вид, то запнулась, а потом потеряться совсем.

— Не отставай, — Когда мой план почти удался, парень поймал мой взгляд, — мне ещё понадобится твоя помощь. Она, — он кивнул на волчицу, — все равно пока ничем не может помочь.

План провалился, и я была признаюсь ужасно расстроена этим, мне казалось, он совсем меня не замечает и слишком увлечён распинанием волчицы и своей ношей.

— Почему ты с ней разговариваешь? — Все же не выдержала я, поравнявшись с магом, он был выше меня, тёмные каштановые волосы были неопрятными и слишком длинными, сзади они были перехвачены наполовину тонким ремешком, видимо, чтобы не лезли в глаза. Лицо было смугловатым и каким-то жестоким, оно мне не нравилось, откровенно говоря, но все же это пока был единственный мой собеседник, я послала волчице косой взгляд. С ней я пока я не собиралась разговаривать, по мне это было чересчур. До такого я ещё не докатилась, впрочем, волчице было не до меня.

— С кем?

— Ну с ней... — я смутилась, может, это я чего-то не понимаю, — она же зверь...

Парень посмотрел на меня очень внимательно, и вдруг ответил вопросом на вопрос:

— Ты думаешь, он тоже просто зверь?

Я осторожно кивнула, ну конечно я подозревала что-то тут не так, но все же не догадывалась, что именно.

— Это не так. Он метаморф, и она тоже.

— Метаморф? Что это значит?

— Это значит, что он человек, который по своему желанию может перевоплощаться в животное.

— В какое-то одно?

— Да.

— Как оборотень?

— Не совсем, но да...

— То есть она девушка на самом деле?

Я попыталась представить, что это не волчица передо мной, сверлящая меня взглядом голубоватых глаз, а девушка, которая может в любой момент сбросить свою шкурку, как в сказках и заговорить, и барс... я тоже перевела на него взгляд. Он станет парнем? Таким же

белым?

— Да, я же сказал, — раздражённо буркнул парень.

— Невероятно...

— О, да, просто магия, бум... — саркастически прокомментировал мой недовольный собеседник. — Беги вперёд, там впереди будет избушка, стучи туда и скажи Генри, что Саймона сейчас принесу, и он ранен.

Я кивнула и неловко побежала вперёд, куртка парня изрядно мешала бегу. Но я старалась, и больше всего боялась заблудиться, потому что это совсем не тот лес, который я знала. Это было совершенно другое место. Наконец, к моему облегчению из деревьев показался деревянный сруб, из трубы которого вился дым. Я, задыхаясь, примчалась и с грохотом обрушила свои кулаки на деревянную дверь. Мне открыли сразу, и там, на пороге, возник мужчина, больше похожий на лесоруба или кузнеца, чем на того, кто мне поможет помочь.

— Мне нужен Генри... там Саймон... он ранен.

— Что? — Глаза мужчины под густыми нахмуренными бровями сверкнули и снова потухли. — Где он?

— Он там с парнем в чёрном, кажется, магом... и волчица ещё. Они идут сюда, — оборачиваясь и показывая на лес, сообщила ему я. После он скрылся за дверью, оставленной незакрытой. Из дома пахло деревянной стружкой и ещё травами, как в моей избушке. Я бросила куртку мага на табурет около входа.

— Распахни дверь, — скомандовал мне Генри из глубины сруба, что я и сделала, сначала с любопытством заглянув внутрь. В избушке было тесновато, хоть и мало мебели. Генри подошёл к столу и смахнул все со стола и расстелил на нем ткань, похожую на скатерть, потом начал рыться в сундуке, звеня какими инструментами. Неужто лекарь?

— На нем нет ран, — вдруг почему-то сообщила я, все также стоя на пороге тёплой избушки и чувствуя себя несколько неуютно. Мужчина прервался и посмотрел на меня:

— Правда?

— Да, я осматривала его...

Мужчина бросил искать и доставать инструменты, а вместо этого выудил холщовый мешочек из сундука и стал доставать из него кристаллы по комнате их набиралось много. К тому времени как он закончил, из леса показалась волчица и за ней парень с барсом Саймоном.

— Генри, — кивком парень поприветствовал лекаря, тот не обратил на него внимания, даже принимая тело уже бессознательного барса и выкладывая его на стол. Я стояла, прикрыв дверь, и мялась на пороге, не зная, что делать. Вдруг дверь открылась, едва не задев меня краем, на пороге появилась девушка, она куталась в короткую куртку из-под которой виднелась длинная белая рубаха явно мужского кроя. Её лицо было заплаканным, пепельные волосы спутанными и распущенными.

— Где Рэйн? — Её голос дрожал.

— Он на охоте, — не отрывая взгляда от барса, проговорил парень в тёмном. Она тихо всхлипнула. Похоже это была та самая волчица. Они все были так обеспокоены, на их лицах были страх и сомнения за здоровье друга, это трогало моё сердце, но чем я могла им помочь? Генри установил кристаллы и те кружили над телом барса, едва помещавшегося на столе, маг стоял неподалёку, переминаясь с ноги на ногу, волчица плакала. И вдруг я увидела это снова. Тьма образовала словно дыру в его груди и высасывала из него что-то. Что это

было? Я видела, как Генри словно пытается что-то сделать с этим, залатать эту дыру, но все без толку.

— Что это? — Мой голос прозвучал в тишине как-то печально и слишком громко, все обернулись ко мне, потом раздался сдавленный шёпот девушки:

— Что ты видишь?..

— Воронку... чёрную... она словно высасывает из него жизнь... а ты видишь? — Я обернулась к ней, её глаза вдруг расширились... потом она выпалила:

— Генри! Это поцелуй тьмы! Это не цветок!

— Черт! Много уже? — Генри выжидательно посмотрел на меня, я поняла, что боюсь этого всепоглощающего внимания со всех сторон, но меня вытолкали поближе к середине комнаты, где лежал барс. Я оглядела его, воронка занимала примерно всю его грудину и доставала до шеи почти. Я молча показала руками размер, а потом быстро отдернула руку, потому что воронка жглась. В прошлый раз, когда я пыталась нащупать её, она была чуть тёплой, сейчас же жглась как сумасшедшая. Генри заковыристо выругался. Девушка зашлась в оглушающих рыданиях. Что-то было не так, парень в тёмном стоял, сцепив руки, и на его лице отражалась боль. Видимо они не могли уже ничего делать, раз просто стояли, когда умирал их друг и любимый. Хм... в голове промелькнула идея. Я сбросила шубейку с плеч и попробовала снова коснуться воронки, она жглась больно, но все ещё терпимо. Я тянула руку к середине воронки, откуда бил скрученный луч жизненной энергии Саймона. Я смогла его коснуться, по ощущениям, это был тёплый канат. Когда я коснулась его, я почувствовала жар, любовь, трепетность, боль, словно сами чувства Саймона проходили через меня потоком. Мне даже казалось я вижу обрывки его воспоминаний. Я прикрыла глаза, его душа... Да, наверное, это была она и она словно билась в испуге, я протянула руку и коснулась маленького огонька, интуитивно погладила его, посылая ему лучи любви и спокойствия. Его энергия, она уходит, ещё немного и огоньку будет нечем питаться. Я обхватила этот канат и дернула изо всех сил, Саймон издал глухой полурык-полустон. Я дернула увереннее, канат поддавался. Хм...

— А ножницы или нож есть? — Мой вопрос повис в воздухе, а лица окружающих отражали недоумение и страх, все смотрели на мои руки. Да уж...

— Зачем? — Рыдания девушки затихли ненадолго.

— Я... — я смутилась, — Я обрежу этот канат, чтобы он больше не высасывал энергию из него и все...

— И все? — Генри, насупившись, посмотрел на меня, — это может убить его, но может и сработает... У нас все равно нет выбора, держи.

Мне вручили тяжеленный нож. Руки жгло сильнее, и я морщилась, когда снова пришлось погружать их в воронку тьмы. Я сильно дернула за канат вниз, словно пытаюсь сбросить какого-то человека, ползшего вверх. Канат поддался на мгновение, и тут я резанула ножом. Ещё мгновение ничего не происходило, но воронка ослабла, а потом растаяла совсем. А барс в одну секунду словно задёргался на столе, из его пасти потекла кровь, зверь словно пытался соскочить со стола. Я отшатнулась от него в испуге. Но он дышал... тяжело с хрипотцой, но дышал.

— Саймон! — Крики слились воедино, его все тискали и обнимали, и напряжённость, стоявшая в избушке, растаяла в тот же миг. Они были счастливы. Внутри кольнула зависть, у меня таких друзей сроду не было, чтобы в огонь и в воду...

— Он будет жить, — утирая скупую слезу, сообщил Генри, подтверждая мои

собственные мысли, — помят, но жить будет...

Следующей для обнимания оказалась я... Меня грубо сжали в тисках, от чего мои лёгкие, признаюсь, были не в восторге, я охнула и когда меня все же перестали хлопать по спине и плечам и поздравлять, слиняла из избушки на улицу, выдохнуть. Там я с наслаждением сунула руки в снег. Они не выглядели обожжёнными, но все равно саднили. Я не знаю, сколько сидела за избушкой, я уже стала подмерзать, когда вдруг позади раздались шаги, я резко встала, руки были красными от снега. Передо мной стоял высокий парень в темной одежде с мехом, его лицо было перекошено от гнева, и он в ярости сжимал кулаки. Увидев меня, накал его страстей поубавился.

— Здравсте... — тихо поприветствовала я его, вспомнив о приличиях, а сама подумала, как потактичнее свалить отсюда.

— Ага здрасте, — он отвернулся, затем все же вернулся ко мне взглядом, — это ты спасла что ли Саймона?

— Ага... — кивнула я, опуская взгляд долу.

— Спасибо... — его сдержанное спасибо кажется было куда большим внутри, я подарила ему улыбку и отвернулась, снова опуская руки с снег.

— Ты здесь ещё долго будешь? Холодно же...

— Там слишком шумно и... радостно.

Я надеялась, что моя заминка не будет замечена, поэтому просто продолжала разглядывать снег. Вдруг на плечи лёг тулуп, я удивлённо приподнялась.

— Это похоже надолго, ну шумно и радостно, — он послал мне веселую улыбку, я робко улыбнулась в ответ, — возвращайся скорее, хорошо? А то замёрзнешь, да и мы будем ждать тебя.

— Ждать? — я была озадачена, но тот похоже озадачился моим озадачиванием ещё больше.

— Ну да, ты теперь наша героиня, не можем мы тебя просто так отпустить. Впрочем... если бы не некоторые, то всего можно было избежать... — словно снова надевая маску гнева, проговорил парень, — но как есть, так пусть и останется.

С этими словами он ушёл, я смотрела ему вслед, машинально поправив сползающий тулуп. По-моему, это Рэйн, пронеслась мысль, тот самый, что брат волчицы. Интересно он тоже волк?

Я ещё некоторое время простояла на улице и все же рискнула вернуться обратно, где меня ожидал новый мир, встретивший меня улыбками и одобрением. Этот новый мир был потрясающим, и он поглотил меня на долгие месяцы. Моя избушка была теперь моим пристанищем только на ночь, а все оставшееся время я проводила у них, куда меня любезно переправлял тот вечно недовольный и хмурый парень по имени Лойель. Обычно мы оставались либо в доме у Генри, либо в доме у Лейлы, той волчицы, и её брата Рэйна. Саймона отправили отдыхать и восстанавливаться куда-то далеко, и я почти о нём не слышала сначала. Потом правда Рэйн отобрал у Лойеля какой-то магический шар и с помощью него я могла отправлять Саймону сначала записки, а потом целые письма.

Я наслаждалась каждым днём. Я была шаманкой и травницей, но это не афишировала, причем, у кучи метаморфов как-то не было к ним неприязни, а вот к темным — да. Кто такие эти тёмные конкретно и что их отличает от нормальных людей, я не слишком поняла, а уточнять не стала, потому что я и так просила все разжёвывать, чтобы понять, и Рэйн периодами смотрел на меня как на несмышлёного ребёнка. А мне это не нравилось, мне

хотелось выглядеть перед ним самым лучшим образом.

В последнее время мы с Рэйном проводили много времени вместе. Гуляли, смотря друг на друга и даря глупые улыбки, но первое время, когда ещё с его уст не снизошли слова о симпатии ко мне, мы просто бродили по заснеженному лесу и разговаривали. Тогда я и узнала о темных подробнее. Есть какой-то культ, как я поняла, которые занимаются запрещённой и не очень хорошей магией. Эта магия очень разрушительна и требует много энергии, а в качестве носителя энергии для своих очень больших и ресурсозатратных экспериментов — они ловят метаморфов, а их и так не очень много, и они редко открываются кому-либо. Боятся. Вот то, что было с Саймоном, — это было проклятие, которое высасывало его энергию и передавало им, напитывая их его жизнью. Звучало жутко. В других случаях они обычно просто похищают метаморфов и тогда они уже не возвращаются обратно. Никогда. Как мне удалось прервать столько опасный и дико сложный процесс — не знаю, но видимо, как сказал Генри, у меня просто не было осознания, что не получится, и я не знала, что это сложно. Потому и получилось. Рэйн считал меня феей добра, чем вызывал каждый раз у меня улыбку.

Рэйн... да, за эти седмицы, чтобы мы прогуляли вместе и проболтали, мы так привязались друг к другу, что его признание лишь открыло нам новые горизонты и сблизило нас ещё больше. Однако я так и не ответила ему «Я тебя тоже», просто не смогла. Он нравился мне, это была правда, но не до такой степени. Правда я решила не акцентировать на этом внимание и просто позволила всему идти так, как будет. Потом был первый поцелуй и ещё один, и ещё. Нам было хорошо вместе. Лейла шутила, что мы точно нашли друг друга, потому что она никогда не видела своего брата таким счастливым. Счастье все длилось и длилось и, казалось, ему не будет конца.

Но у всего бывает конец.

Он настал в снежный вечер. Снег шёл весь день, покрывая новыми слоями деревья перед моей избушкой, сейчас же только редкие снежинки кружили над землёй и тихо ложились на сугробы. Я тихо напевала и пряла нить, было тепло и тихо, когда посреди этой тишины раздался стук. Деревенские часто приходили ко мне по вечерам, потому без страха или удивления я встала и открыла дверь. На пороге стоял высокий парень, закутанный в плащ с шарфом из грубой вязки на шее, из его рта вылетали клубы пара. Я задумалась, но никак не могла его вспомнить.

— Чем могу помочь?

— Аселия? — Парень стянул капюшон и с тёплой улыбкой взглянул на меня, он был худощав, лицо с острым подбородком, измождённые черты лица, словно после долгой болезни, голубые глаза и тёмные короткие волосы. Но я все ещё не узнавала его.

— Да...

Кого он мне напоминает? — Мелькало в голове, но я никак не могла понять, кого...

— Я Саймон.

Глава 2. Тьма наступает

Я замерла, глядя уже совсем другим взглядом на него. Саймон? Никогда бы не подумала, что такое худощавое тело, может превратиться в гигантскую белую кошку. Если Лейла и Рэйн хоть немного советовали своим реальным обликам и животной наружности, то тут совпадений не было никаких.

— Саймон? Это ты?

— Да, — снова тёплая улыбка.

— Божечки, — я босиком кинулась к нему и обняла, на плечах его был снег, мне было холодно и зябко, но мне так хотелось, наконец, увидеть его реального, а не слушать о том, как у него все хорошо там, где-то. Его объятия были нежными, даже, по-моему, нежнее, чем у Рэйна порой.

— Спасибо. — Тихий шёпот в самую макушку, все-таки он куда выше меня и даже выше Рэйна. Я хихикнула и подняла на него голову, было немного странно вот так стоять и обнимать его, а руки он с меня не убирал. Его лицо было так близко, он осмотрел меня своими тёплыми как летнее небо глазами.

— Хм... а ты красивее, чем мне рассказывали о тебе. — Я смутилась, отступая... — Что же мы тут стоим?

Лёгким движением меня подняли на руки и перенесли внутрь. При чём Саймон сделал это всё так непринуждённо и словно знал, что я не буду протестовать и кричать, что я тут мол невинная девица, к которой пришёл малознакомый гость. Мне нравилась его странная уверенность, что он все делает правильно, признаюсь, у меня мелькнули мысли о том, что вот этой кошачьей грации не хватает Рэйну и вот этой уверенности тоже. Меня осторожно поставили на пол, прикрыли дверь, и он начал снимать одежду. Он был высок и складен, но всё же из-за болезни, наверное, так худ, что мне искренне захотелось его накормить. Впрочем, без верхней одежды он мне нравился больше.

— Нравлюсь? — поймал мой взгляд Саймон, я смутилась и отвернулась к печке.

— Кушать будешь?

— С удовольствием, ты же готовила. — Он прошёл и сел за стол, наблюдая за мной с какой-то странной улыбкой, от которой у меня дрожали руки, и я едва не уронила горшок с щами.

— Помочь? — Я вздрогнула от испуга и помощь мне всё-таки понадобилась, я почти все уронила. Как он так бесшумно передвигается? — Прости, я не хотел тебя напугать.

— Но напугал... — сердце билось как сумасшедшее, я прижала к груди руку, слушая как оно трепещет внутри.

— Прости, — его рука задержалась на моем плече, пожалуй, дольше, чем стоило, прежде, чем он убрал её, помогая мне накрыть на стол.

Ели в тишине. Мне периодами и правда казалось, что сквозь него просвечивает большая кошка, столько грации было в его движениях, столько игривости во взгляде. Ни дать, ни взять большой кот.

— Я тебя совсем по-другому представляла, — наконец, закончив нагло разглядывать его, сообщила ему я.

— Правда? — Не поднимая глаз, осведомился пожиратель третьей тарелки щей.

— Да... просто ты же белый в другой ипостаси... — я смутилась от чего-то, — да и в письмах ты мне тоже по-другому представлялся.

Его хитроватые глаза все же оторвались от тарелки.

— Оригинал лучше преставлений или хуже?.. — Он едва сдерживал улыбку, я тоже улыбнулась ему в ответ.

— Лучше.

— Я рад. Как я уже говорил, мне тебя примерно так и описывали, но забыли добавить, что ты так красива...

Саймон так говорил это, словно это было так обычно. Даже Рэйн и тот говорил мне это всего пару раз за все время нашего знакомства, а тут... видимо, он и правда так считал. Как приятно...

— Ты правда считаешь меня красивой? — Мне не терпелось узнать ответ. Он помолчал, вытер губы и задумчиво наклонил голову, словно осматривая меня. Я напрашивалась на комплимент. Это было нечестно, и он это знал и, эта игра сводила меня с ума.

— Да. Длинные волосы, очень приятные наощупь, вкусно пахнешь, вкусно готовишь, добрая, улыбчивая и тёплые золотые глаза. Ну сокровище же.

Я поняла, что краснею, и явно сильнее, чем я прошлые разы. Я попыталась встать и уйти из-за стола под предлогом уборки посуды. Но мне не дали, Саймон успел поймать меня за руку, наклоняя ближе к себе.

— Ты просто очаровательна... — прошептал он, потом его рука осторожно коснулась моей щеки. — Если бы не твои письма, я бы сошёл с ума в этом лазарете, там крошечная скука была. Признаюсь, ты скрасила многие деньки мне... — Его ладонь была горячей, а глаза словно гипнотизировали меня. — И я все ещё не поблагодарил тебя за мою жизнь...

Сердце пропустило удар, ещё один... он поцеловал меня. Не в губы, а куда-то в уголок губ, чем вызвал оторопь во всем моем теле. Это было неправильно и правильно одновременно. Рэйну понадобились недели, чтобы я поняла, что немного симпатизирую ему и недели же, чтобы он решился на что-то серьёзное взгляда, и то только с моего разрешения и покраснений с обеих сторон. А тут... никогда не думала, что меня будет тянуть к кому-то с такой силой, и этот почти украденный поцелуй, сказал мне больше, чем Рэйн за все эти недели.

Я отодвинулась, разрывая контакт с Саймоном. Он смотрел на меня и улыбался, он не смутился и даже не чувствовал себя виноватым, просто он сделал, что хотел и что ему нравилось, а теперь наслаждался результатом: смущённой и оторопелой мной. Но он не настаивал, будто бы поняв что-то, и дальше держался на расстоянии со мной. Оставшийся вечер прошёл без инцидентов, он не касался меня, хоть порой и поглядывал так с интересом, и признаюсь, мне хотелось от него больше настойчивости, но я даже не подавала виду. К ночи он ушёл, напоследок сжав мою руку сильнее, и я успела ответить ему тем же, на что он замер, и как-то очень внимательно оглядел меня. Мне показалось это очень важным моментом, поэтому в тишине ночной я подошла к нему и обняла напоследок.

— Удачи.

Мне казалось, что этим я словно даю ему разрешение на что-то, что не должна... но мне этого так хотелось, в голову лезли умные мысли, но я отгоняла их, глупо и счастливо улыбаясь вслед уходящему Саймону. Видеться с Рэйном не хотелось, я чувствовала лёгкую вину по отношению к нему, с остальными тоже, поэтому я не пошла к ним, весь день просидев дома и втайне надеясь, что он вернётся.

И он вернулся.

На следующий вечер он пришёл снова, разговор был ни о чём, хотя иногда он поглаживал мою руку так осторожно. Но я не забирала её, хотя, как гласила моя совесть — должна была. Я не заметила, как разговор зашёл о его спасении.

— Расскажи, как у тебя это получилось, раз уж даже Генри, наш верный спаситель побитых молью шкур, не справился, — я расхохоталась от такого описания Генри и отпила глоток тёплого травяного чая.

— Даже не знаю... вот когда я тебя в первый раз увидела, — я бросила на него взгляд, — я... увидела над тобой словно пятно тёмное... я думала, мне показалось. А потом, когда Лойель перетащил тебя к Генри, он был похож на ураган тёмный, а из него бил луч света...

Я затихла, вдруг вспомнив тот день, у меня могло не получиться и тогда бы он не сидел тут.

— Ты его видела?

— Да, как тебя сейчас. — Я отогнала плохие мысли в сторону и снова выпила чаю. — Я отрезала луч света и все. Ты пришёл в себя...

Мне стало грустно от этого рассказа, всё же мысли не оставляли меня в покое, я повыше натянула плед на себя. Саймон сидел рядом, смотря в бревенчатое окно, увидев же, что я кутаюсь все больше, он придвинулся на кровати, где мы сидели, попивая чай, приобнял меня и подбадривающе сообщил:

— Никто так не может, ты знаешь? Даже Генри и то не видит так хорошо их... эту тьму... никто, кроме тебя.

— Это плохо? — Я повернулась и заглянула ему в глаза, мне вдруг стало страшно.

— Не думаю.

Мы помолчали, потом разговор снова вернулся к этой теме, но Саймона интересовали детали, наверное, в душе он был исследователем, потому ему это было так интересно и, хотя половину деталей я не могла вспомнить, ему все равно это нравилось, и он слушал это почти с восторгом. Уходя, он долго стоял на пороге и держал мои руки в своих, чем смущал меня невероятно, но руки я не забирала.

— Ты настоящее сокровище, так и знай. И никогда не сомневайся в этом.

Он чмокнул меня в макушку. Пару раз он уже проделывал это, и это было куда проще воспринимать, чем поцелуй в щеку или что-то ещё. Он уходил, а я все стояла и думала о том, что я ему нравлюсь. Мысленно я испытывала стыд от того, что я ничего до сих пор не сказала Рэйн, и даже радовалась, что так и не сказала ему о своей симпатии. Потому что после этих двух вечеров я всё равно забрала бы свои слова обратно... Саймон покорила моей сердце. Впрочем, возможно я была не права. Я ждала завтрашнего вечера.

Но он не пришёл. И на следующий день тоже. И на следующий.

Прошла седмица, но ко мне не приходил никто: ни Рэйн, который часто это делал без повода, ни Лейла, ни Саймон — никто. Меня это не на шутку встревожило, но связаться с ними сама я не могла. Тот шар, что позволял мне отсылать письмо Саймону в лазарет, я отдала уже, а больше никакого средства связи у меня не было. В голове я перебрала кучу вариантов событий, и самая страшная из них была, что их все же поймали... если они уж напали на Саймона тогда, то могли напасть и ещё раз... было жутко. Напридумывав себе большую часть, я тихонько оплакивала уже умерших в моих мыслях друзей. В темноте ночи, в холоде я зябко куталась в три одеяла и роняла горькие слёзы. Мне было так одиноко, что не

передать словами, и очень страшно, а потому стук в дверь вызвал у меня дикую панику и желание поглубже закопаться в одеяла. Но стук повторился снова и снова, и я все же вылезла из-под тёплых одеял в холод дома. Мурашки захватили моё тело, когда я осторожно подошла к двери и открыла её, оттуда в дом ворвался холодный воздух и лунный свет. Стало холодно так, что застучали зубы.

На пороге стояла высокая фигура, фигура обернулась ко мне — Саймон... луна ярко освещала меня, но его лицо оказалось скрыто от меня.

— Аселия?.. ты чего? — Он подхватил меня на руки, когда я кинулась к нему несмотря на холод и расплакалась, обнимая так, словно он и правда вернулся с того света. Саймон ловко зашёл внутрь и как-то в темноте закрыл дверь. — Ну чего же ты, сокровище моё...

— Я думала, вы все погибли... — сквозь всхлипы удалось все ж мне сообщить ему. Я не отпускала его ни на секунду, искренне радуясь тому, что, прикрывшись слезами, могу беззастенчиво обнимать его и наслаждаться его объятиями и поглаживаниями

— Ты вся дрожишь...

— Просто никто не приходил ко мне, и я испугалась, что вас поймали тёмные...

— Да?... подожди я сниму одежду.

Я отстранилась, подождав, пока он снимал шарф и плащ, размазывала слезы по щекам. Потом он в полумраке нашёл меня и крепко прижал меня к себе. Его лицо было не слишком видно, но мне это и не надо было, мы сидели вместе, обнимаясь, и я была так рада, что он жив и он тут.

— Прости... прости, что не пришёл раньше. Переживала, да?

Я кинула.

— Я не мог раньше...

— Почему?

Я обняла его за шею, приникая ближе, мне хотелось быть с ним, быть частью него... Мысленно я сделала уже свой выбор.

Саймон затих, его руки нежно и ласково обнимавшие меня ещё секунду назад, замерли, мне захотелось включить свет и посмотреть на его лицо.

— Потому что меня не пускали.

Другая? Я хотела оттолкнуть его, отступить, но он не дал, все-таки прижимая меня к себе, я отклонилась немного, все же пытаюсь разглядеть хоть чёрточку в промозглой тьме.

— Кто?

— Все... поэтому я тут... — его голос был обречённым и печальным. Что-то было не так, а его объяснения так и не сделали ситуацию понятнее, хотя мне было легче, что это не женщина.

— Что-то случилось?..

— Да.

Я вздрогнула. Мне не хотелось знать ответ, он был печальным, но все же, наверное, стоило.

— Скажи мне. — Мой голос был тих, повышать его не хотелось.

— Я... я не хочу... это я виноват в этом.

Саймон снял меня с колен, встал, сделал несколько нервных шагов и наконец в бессилии опустился на скамью, его голова была опущена в ладони, а спина сторблена словно он был стариком. Что же случилось? Я ведь думала, что он негибает, что он бесстрашен, но видно и у таких как Саймон, есть слабые места. Интересно, какое его слабое место?

— Скажи. — Я старалась, чтобы мой голос звучал ласково, и в нем не так чувствовалась тоска, гложущая меня изнутри.

— То, что ты видела тьму во мне, которая меня поглощала, это признак того, что... — Голос Саймона был гулким, тихим и безжизненным, он судорожно вздохнул. — что ты тёмная. Не целиком, а где-то возможно кто-то из твоих родственников был таким вот и все... я подумал, что это так здорово, это может спасти столько жизней и так помочь нам, метаморфам. Глупец! — Он встал, его глаза сверкали, — но когда я рассказал об этом нашим с тобой друзьям, они... они запретили мне с тобой общаться, сказали, что раз в тебе есть тьма, то... то ты тёмная, и ты тоже опасна...

Сердце бухнуло, стало дурно, голова вдруг стала такой чугунной, я схватилась за неё, Саймон пересадил меня к себе на колени и сжал в объятиях.

— Прости... что говорю тебе это. Что твои друзья отреклись от тебя и послали меня сообщить тебе, что они больше не хотят тебя видеть... прости, что я им сказал...

Сердце ухало в груди. Голова гудела, но страх пропал. Страх был перед неизведанным. А тут... а тут все было очень даже понятно.

— Ты тоже так считаешь...

— Нет. То, что в той крови есть тьма, не делает тебя темной.

— Я хочу услышать это от них.

— Что?

— Пусть они мне сами это скажут... в лицо.

— Ты уверена? — Он повернул мою голову к себе. Я кивнула и прижалась к нему губами. Наш первый серьёзный поцелуй был солёным от моих слёз, с привкусом внутренней боли отчаянья. Мы словно утопающие хватались друг за друга в этом запойном поцелуе. Мне было страшно.

Я одевалась на автомате и в темноте, в темноте же мы покинули мой домик, и он перенёс меня к дому Рэйна и Лейлы, когда мы зашли внутрь, к нам навстречу с улыбкой вышла сама Лейла а потом и Рэйн. Только их улыбки погасли. На тишину повёлся и Лойель, случайно затесавшийся у них, и Генри. Как мне повезло. Я сложила руки на груди, обвела их взглядом, особенно остановившись на Рэйне, но он отвёл глаза.

— Слушаю.

— Слушаешь что? — Делегатом выступила Лейла.

— Вы послали Саймона мне кое-что сообщить, так вот я хочу, чтобы вы это сказали лично.

Лейла бросила взгляд на Саймона, что я стоял рядом со мной, потом вернулась ко мне и произнесла.

— Как скажешь. Прости, но тебе больше тут не рады. Ты тёмная и скрывала от нас это.

— Я даже не знала об этом! — Всплеснула руками я в ответ.

— Как об этом можно не знать? — вступил Лойель, — тьма пришла бы за тобой ещё раньше, а может ты шпион тьмы?

— Что?.. — Какая нелепость...

— А что? Это очень логично, — теперь уже Рэйн смотрел на меня не симпатизирующим взглядом, а осуждающим и очень печальным. — Прости, но это правда. Тебе здесь не рады.

Это было больно. Ладно Лейла, мы общались, но у нас никогда не было действительно тёплых с ней отношений, хотя она мне и нравилось, а от Рэйна... больно. Мне стало тяжело

дышать, грудь сдавило.

— Просто уходи и все.

Я бросила беспомощный взгляд на Саймона. И вдруг поняла, что он разрывается между мной и друзьями, с которыми уже целую вечность. Мне хотелось, чтобы он выбрал меня...

— Саймон, ты с нами или как? — Припечатала Лейла, в её голосе был яд. Я знала, что ей нравится Саймон, очень нравится, но то, что Лойель тогда в первый день нашего знакомства назвал «шашнями» не было тем, о чём я подумала. Лейла предпочитала молча восхищаться Саймоном издалека, даже не намекая ему о своих чувствах. И сейчас похоже это была ревность... дикая ревность... — Саймон?

Я видела в его глазах боль и то решение, которое он бы все равно принял. Сердце резануло болью. Я выбежала в холодную ночь.

— Аселия! Прости... я...

— Хватит!

Обернувшись, я взмахнула рукой, на снегу перед его ногами образовалась шипящая прогалина.

— Хватит. Ты сделал свой выбор. — Слезы застилали мне глаза, в теле чувствовалась слабость, — Отправь меня домой.

Молча я перенеслась к своему домику и проследовала к кровати, где и закончила свою ночь также, как и начала — слезами по утраченным друзьям и отчаянием.

Глава 3. Разрыв

Мои дни снова вернулись к жалкому подобию существования. Я сидела в домике, собирала травы и помогала людям с хворями. Ни Саймон, ни Рэйн, ни кто-либо ещё не являлся ко мне. Первые дни мне было больно, странно и одиноко. Но я смогла пережить это, переступить практически, просто не думать так часто и много об этом и жить дальше. Да и работа с деревенскими помогала отвлечься. А её вдруг стало многовато...

Марлина пришла ко мне уже второй раз за неделю, с её сыном творилось неладное, и она не знала, что... мальчишка чувствовал себя плохо и симптомы были, как у отравления, если бы не тот факт, что он раньше практически не болел и вообще был очень здоровым по жизни. В первый раз я долго ломала голову, так и не зная, что с ним, я не сталкивалась с таким, но потом мне вспомнился один случай. Когда Саймон лежал в лазарете, ему запретили обращаться в свою вторую ипостась, и кто-то из них тогда сказала, что это добавит новых симптомов лишь ему, потому что в звериной шкуре он поправиться ещё быстрее. А если ему запрещать организм начнёт бунтовать. Так что может быть?..

— Метаморф? — Устало уточнила я, ночью поспать не удалось, опять снилось что-то жуткое. Так что что к лирике и тонкостям я сегодня не была предрасположена. Марлина испуганно глянула на меня, потом как-то обречённо кивнула. Много их, и что-то часто они стали мне встречаться. Наугад уточнила. — Волк?

Опять кивок. Так вот кого видят все же соседи по лесам. Волчицу и волчат.

— Нормально обращается? Проблемы есть?

Марлина кивнула, опуская глаза.

— Он не может обратиться... у него не получается...

В голове снова пролетели разные обрывки знаний о метаморфах, об их строении, все что я могла услышать.

— Догадки есть?

— Наверное, из-за споров с братом... они часто соревнуются, и у старшего выходит лучше.

Она озабочена выглянула в окно, я посмотрела вслед за ней, Алек бегал по снегу со своим братом, медленно с отдышкой, но бегал., - пытаюсь вспомнить что мне говорил об этом: Саймон или Рэйн.

— Ладно, Марлин, давайте так сделаем, вот вам травы, они тонизирующие и успокаивающие, а Алеку скажите, что она поможет ему перевоплотиться. Ему это необходимо, его организм бунтует.

— Похоже... я не сталкивалась с таким ещё. А вы неплохо разбираетесь даже в этом.

— Просто удалось познакомиться поближе с несколькими метаморфами, — я выдавила из себя улыбку.

Пока она одевалась, я провожала её взглядом, мальчишки были все в снегу, румяные с мороза, я улыбнулась им. Хорошенькие такие. Когда они уже почти ушли, я сказала им вслед:

— Не выходите за деревню, я слышала там были тёмные, — мальчишки испуганно переглянулись, теснее прижимаясь к матери, Марлин побледнела, но все же кивнула. — Я поставлю барьеры вокруг деревни так, что все будет нормально...

— Спасибо тебе...

Они ушли, я же зевая отправилась спать. Спала я долго и слава богу без снов, затем меня затянули домашние хлопоты и лишь после обеда я вспомнила про своё обещание. Я оделась и вышла из домика. Барьеры ставились долго, я до самого вечера ставила и ставила по кругу барьеры, только и думая о том, как спасти трёх волчат и их маму, которые живут в моей деревне и за которых я теперь отвечаю. Когда барьеры были сделаны я устало шла вдоль одного из них, чтобы проверить стык конца и начала защитного круга. Барьерам научил меня Лойель, как маг специализирующийся на защите от темных и всем, что с этим связано. Мысль о друзьях заставила меня поморщиться и ускорить шаг, но ноги заплетались, и я, спотыкнувшись о корягу, полетела вперёд, не удержав равновесие. Мою левую руку обожгло болью, я коснулась в полете барьера, да не просто так, а всей поверхностью ладони. Я встала с земли, шипя от боли и трясая рукой, на ней начали проступать волдыри. А кулон, к которому была привязана барьерная ешь, неистово сокращался. Я снова зашипела, но уже от другого чувства и снова шарахнула по барьеру рукой. Боль ударила с новой силой почти роняя меня колени, я держала руку словно горящую огнем... барьер от темных же... Неужели всё таки?..

Сзади раздался тихий скулёж, сквозь слезы я обернулась и увидела улепётывающих волчат. Вот черт... до дома я добралась быстро, потому что почти летела в избушку, да и разговор от боли на руке постоянно нужно было поддерживать, а иначе руку жгло. Но едва я зашла внутрь, на пороге распахнутой избушки появилась Марлина, её лицо было перекошено от боли и страха, увидев меня, она некоторое время просто стояла и сверлила меня взглядом.

— Ты тёмная. — Наконец выдавила я из себя сквозь зубы.

— Лишь капля, — раздражённо бросила я.

— Это не так уж важно.

— Разве? — Сейчас я была зла, а она злила меня ещё больше, руку дёргало, а отвар и мазь мало помогали, так как вся ладонь была покрыта волдырями. Ух угораздило же меня... чёртовы метаморфы, что б вам...

— Твоя мама всего была странной, очень странной. Якшалась с темными, точнее с одним... Да, ты очень на него похожа, — я прервалась и обратила на неё внимание, — А твоя бабка её покрывала. — Горечь и яд, сочившиеся из уст женщины благодарно обнимавшей меня совсем недавно, дававшей лечить её детей, сжали моё сердце ещё большей болью, словно заново я переживала предательство, но теперь и уже не друзьями...

— Она не якшалась...

— Тогда твоя бабка!

— Я помогала тебе.

Марлин отвернулась на секунду, но снова вперила в меня яростный взгляд, она был на грани перевоплощения:

— Ты обманула нас. Теперь уходи. Уходи и никогда больше не возвращайся сюда. Ты... иначе, — волчица развернулась, собираясь покинуть мой дом, и напоследок добавила, из её рта вырвалось почти рычание, — иначе ты здесь не выживешь и все узнают о том, что в тебе тьма.

Она ушла. В избушку залетал холод и снежинки, и даже рука перестала болеть так сильно, но хотя возможно просто боль внутренняя, терзавшая меня, была гораздо больше и ярче, чем та, что терзала мою руку. На то, чтобы собрать вещи у меня ушло не так уж много времени, после этого я легла спать. Снов не было, я словно плавала во тьме и пустоте,

поэтому утром я не чувствовала себя выспавшейся, наоборот ещё более уставшей. Вещи были собраны, и я вышла с котомкой из домика, в моих руках пылала свеча. Я забросила её в домик, огонь сначала не поверил своему счастью, а потом занялся ковриком у входа, полом, перекинулся на шторы и скатерть. Я не знала, как смогла решиться на это... как я могла уничтожить то, что связывало меня с этим миром. Дом, что стал приютом для меня моей мамы и моей бабушки и возможно даже и прапрабабушки, теперь алел гигантским огненным цветком, и мне было даже радостно, словно я мстила кому-то из своих родственников за то, что они подарили мне тьму, которая разрушила мое счастье. Дважды.

Я ушла, когда почти все догорело, я просто сидела на пенёчке и смотрела на огонь, поедавший мой дом, в полдень я ушла в ближайший к нашей деревеньке город, он был паре часов езды от нас и звался Лисий Хуторок. Как рассказал мне владеющий местной таверной Проори, то что раньше это был скромный хуторок, где было много лис, и сюда ездили на охоту. А позже город стал разрастаться и лис становилось все меньше. И сейчас лис там уже нет, но город все равно так зовётся. Этот же Проори нашёл мне работку, когда я мило общалась с ним уж неделю подряд и намекала что денежки кончаются и было неплохо где-то подзаработать. Работа оказалась неплохой, а главное прибыльной, хотя поразила что меня вообще взяли. Чистая случайность, что меня деревенщину взяли гувернанткой к барышне, впрочем, мне сказали, что гувернантки у неё не приживались и так что возможно работа окажется не по мне. Но это было не так.

Работа мне понравилась и Оливия тоже. Она была яркой, живой и взбалмошной, она меня обучила как делать причёски, как стирать, приводить в порядок вещи и многим ещё мелочам, а также этикету и всем тем шгучкам. Полгода у неё, и я вышколенная гувернантка, сжеживающая улыбки в кулак от всех выкрутасов барской дочки. Оливия мне нравилась, и я ей тоже и впервые за долгое время её родители могли выдохнуть, потому что теперь у неё была верная подруга и соучастница, как со вздохом сообщила мне её мать барыня Шерпская. Мне снова подарили шанс на счастье и я снова собиралась от него взять по полной, даже если в конце меня ожидал провал.

Я вышла из кареты и помогла спуститься Оливии, она брезгливо переступила через лужу ровно перед которой стоял лакей и свысока поглядывал на неё.

— Посидишь в карете, как и договаривались, я не долго, — Оливия радостно подмигнула мне и, все также брезгливо посматривая под ноги, пошла по ступеням.

Я сидела в карете, как мне и было сказано, рассматривала дам и их кавалеров, отмечая красивые платья, украшения и искусные причёски. Вдруг среди гостей, поднимающихся по ступеням вверх, мелькнуло знакомое лицо. В голове пронеслось — МАМА?! Конечно же, я задней мыслью понимала, что мама никоим образом не могла здесь находиться, она погибла в тот день, когда родилась я, её могила находилась недалеко от того домика, где мы жили с бабушкой. Она часто носила туда цветы... И всё же это лицо я знала очень хорошо. На чердаке у бабули находился портрет, написанный её рукой, на нем бережно было выведено «Мэриэнн» — полное имя моей мамы. Картина была хороша, на ней была изображена женщина, моя мама, смотрящаяся в зеркало, только вот в зеркале женщина смотрела в другую сторону и улыбалась даже по-другому, но бабушка говорила, что это она специально так нарисовала. Я верила ей. Нежные тонкие черты, которые я разглядывала долгими чертами, веснушки на прямом, точёном носу, лукавые карие глаза и темно-рыжие волосы, до которых мне так хотелось до коснуться в детстве, да и сейчас. Я заучила эти черты наизусть, запечатлела в своей памяти, и эта женщина, проскользнувшая сейчас внутрь, была точно она, я была уверена в этом также хорошо, как в самой себе. Но как? Промелькнула предательская мысль о том, что, возможно, мама жива каким-то чудом...

Я вышла из кареты, мне нужен был воздух, я смотрела туда, где в темнеющем и становившемся холоднее воздухе сиял ярким светом проход на светский раут. Неужели и правда она? Неужели я?.. А если ошиблась? Я не могла... Я так разволновалась, что мне перестало хватать дыхания. Я ухватила за край перил лестницы и начала дышать глубокими вдохами, но все равно в глазах как-то сгустилась тьма и в ушах зашумело.

— Ох этой даме плохо! Ей плохо! — Словно сквозь вату проскользнули чьи-то слова. Я почувствовала сильные руки, подхватывающие меня и несущие куда-то. Голова словно пребывала в калейдоскопе.

— Вы в порядке? — Голос прорвался ко мне сквозь пелену, и я уставилась в золотые глаза, а затем вскрикнула и отстранилась. Да, эти глаза были красивы, но они были так похожи на мои...

— Спокойно я не причиню вам вреда, — его голос бархатным и очень приятным для слуха. Я обратила внимание на обладателя этих глаз, я хотела вернуться к изучению его лица, но его руки, поднятые в успокаивающем жесте, привлекли моё внимание. Точнее это пятно на ладони. Родимое.

— Нет-нет-нет, — я встала и отгородилась от него ладонями в таком же жесте, как и он, при чём сделала это не специально, но похоже взгляд мужчины упал на мою ладонь, также как и секунду до этого мой — на его.

— О нет, — мужчина шарахнулся от меня назад, покачав головой, мы одновременно посмотрели друг на друга и хором закончили:

— Нееет.

— Чарльз, в чем дело? Что-то случилось? Мне сказали ты тут.

Я оглянулась, мы были недалеко от входа в дом, там, где мне вдруг стало дурно, меня посадили на скамейку, и сейчас я стояла рядом с ней напротив меня странный мужчина, а к нам подошла та женщина... Та самая. Мама...

Женщина удивлённо покосилась на меня, кажется я произнесла это вслух.

— Чарльз, идём, нас ждут.

— Ах да, конечно...

Мужчина устало потёр глаза, затем снова взглянув на свои руки усмехнулся, женщина взяла его под руку, и они собирались уйти.

— Энн? — Я шагнула им вслед, пытаюсь в отчаянии использовать свой последний шанс, единственную ниточку.

— Боюсь, вы обознались, милочка, — проговорила женщина, окидывая меня оценивающим взглядом и поглядывая на своего кавалера. — Идём же, Чарльз.

Я осталась стоять в сумраке наступающей ночи, чувствуя, как ветер холодит застывшие слезы. Это было глупо, но это были похоже мои родители. Ну по крайней мере отец точно, те же глаза и черты, Марлина сказала, что я очень похожа на него, но даже если это и можно было списать на совпадение, то родимое пятно. Он узнал его, и он понял, кто я... И это его не интересовало. Я даже не знала, что большее, не знать его столько лет или видеть, как он понимает, кто я, и всё же не хочет общаться со мной. А эта женщина она так похожа на маму, но если бы она была моей мамой, она не могла не узнать меня, однако она очень тревожно поглядывала на меня, словно все же что-то знала. Почему они так быстро сбежали...? Я должна подойти ещё раз к ним. Мне нужен ещё один шанс.

Почти полвечера я проторчала у выхода, замёрзнув в конец, Оливия даже если и сказала, что ненадолго, всё равно наверняка увлеклась кавалерами и танцами, так я не беспокоилась об этом. Да и в случае чего она бы поняла меня. Мне улыбнулась удача, когда я совсем потеряла всякое терпение, и готова была уйти в карету, дверь приоткрылась и оттуда вышла Она. Она была одна и очень задумчива, она спустилась в парк и пошла по одной из мощёных дорожек. Я шла за ней некоторое время и наконец окликнула:

— Подождите.

Женщин вздрогнула и с удивлением обернулась, и её лицо вмиг стало испуганным, едва она взглянула на меня. А я, подходя ближе, жадно разглядывала её черты. Не такие молодые как на картине, но такие знакомые...

— Вы ошиблись, я же сказала вам.

— Я так не думаю Мэри. — В голове пронесись тысячи мыслей, я сказала это наобум, просто доверившись своей интуиции, это была просто недостающая деталь мозаики, которая бы все прояснила. Женщина вздохнула и сгорбилась, словно из неё вытащили внутренний стержень, потупившись, Мэри потянул меня за рукав к ближайшей скамейке и села. Я села рядом.

— Вы сестра моей мамы... — Поражённо прошептала я, рассматривая снова и снова эти черты, они недовольно кивнула, поджимая губы.

— Не просто сестра, сестра близнец.

— И ваши имена... они одинаковые?

— Не совсем... — Мэри поморщилась, мне не нравилось видеть это недовольство на мамином лице, оно должно было улыбаться всегда. Ведь мамы всегда улыбаются, да? — Наша матушка считала, что это очень удачный каламбур. Она ждала одну дочь и назвала её

Мэриэнн, а когда родилось двое, то она обоих так и назвала. Но всю жизнь мы живём под разными именами — Энн и Мэри. Никто даже и не в курсе мамино каламбура.

Она покачала головой.

— Но почему я о вас совсем ничего не слышала?

Кажется, эти слова оскорбили её, потому что лицо Мэри приобрело нахмуренный и грозный вид и, если честно, я немного испугалась. Мне совсем не хотелось её обижать.

— Спроси лучше у неё об этом сама.

Я не могу, — просто ответила я, вдруг поняв, что она не знает... — Я не умею разговаривать с мёртвыми....

— Мёртвыми? — Голос моей родной тёти зазвенел и затих, грозный вид растворился и на лице проступила боль, боль и горечь, губы скривились, и из карих глаз градом полились слезы. Я тронула её за руку, не зная, как утешить её в этой потере. Она достала из кармана большой платок и вытирая переспросила:

— Давно?

— Родами.

— О, Энн... О, моя дорогая Энн... мне так жаль... — Она порывисто взяла мою руку, её рука была тёплой и мягкой и заставила моё сердце биться так быстро. — Я... Я... поссорилась с ней, когда в последний раз её видела... Это было очень давно, так давно... она тогда уехала, и я думала, что она поселилась где-нибудь как наша мама в глуши и живёт там, не зная прелестей и благ цивилизации, я не думала, что она... Я не успела с ней проститься... — Мэри снов покачала головой в расстройстве, — Сколько тебе? Как тебя зовут?

— Аселия, мне 18.

— Да, мы поссорились так давно, получается... за год до твоего рождения, значит, она... бедная... Но откуда тогда ты знаешь, как выглядит Энн?

Я улыбнулась ей:

— Портрет, у бабули на чердаке был ваш портрет. Странная картина, там была изображена очень красивая девушка, которая смотрится в зеркало и подпись была МэриЭнн, только я не сразу поняла, что имелись вы обе сразу.

— Ах да... Эта картина, мама нарисовала её, прежде, чем её дочурки вылетели из гнезда, чтобы разлететься по всему миру, — мне показалось, что в голосе Мэри прозвучала горечь. Она жалела, что покинула дом матери? — Подожди, ты сказала у бабули? Ты жила с нашей мамой?

— Да... После смерти моей мамы, у меня больше никого не осталось. Она воспитала меня, мы жили в том же доме, что и вы.

— А твой отец?

Я пожала плечами, решив умолчать о Чарльзе.

— Какой кошмар, бедный ребёнок... Мне тебя очень жаль, — Все ещё всхлипывая, но все же уже не так сильно, сказала сестра-близнец моей мамы. — Никогда не любила это место. Промозгло, сыро и древние отсталые людишки, считающие тебя ведьмой. Я так рада, что смогла выбраться оттуда.

— Мне там нравилось, — растерянно ответила я. Мои догадки о том, что Мэри жалела, что покинула родной дом, растаяли словно дым.

— Вся в мать., Энн... она обожала это место, так что нисколько этому не удивлена. Как и тому, что с ребёнком она пришла туда, к маме.

— А Чарльз, он кто?

— Чарльз? — Удивлённо переспросила Мэри, — Ах, Чарльз, он мой муж... Да, муж... мы здесь проездом. Но больше я в этот город ни ногой, а то в следующий раз, чувствую, встречу маму здесь. А этого мне хотелось бы меньше всего на свете.

Мэри встала со скамейки, отряхивая платье, промокнула ещё раз глаза, когда она закончила приводить себя в порядок, она встретилась взглядом со мной. Некоторое время мы просто молчали, а потом Мэри, отведя глаза, уточнила плаксивым голосом, в котором снова намечались слезы:

— Когда?

— Год назад...

Она снова села на скамейку, и её плечи затряслись от рыданий. Как можно жить в одном мире с родными и не знать, как они и даже пропустить момент их ухода.

— Отчего?

— Просто пришло время.

— Она всегда отворила, что именно так всё и будет... — Сквозь всхлипывания проговорила Мэри, она улыбнулась мне и снова залилась слезами. Потом, поплакав некоторое время, молча, я в это время гладила её по спине, она вдруг спросила:

— Осенью, да? — Я осторожно кивнула, — и Энн тоже да? — опять кивнула. — Это были самые ужасные две осени в моей жизни. Мне было очень плохо, но я совершенно не могла понять, в чем дело... Я все время плакала и была в таком подавленном состоянии...

Проплакавшись, Мэри встала и помогла встать мне. Она готовилась попрощаться.

— Мне жаль, я не могу приютить тебя, мы и сами кочуем из города в город, да и Чарльз... Он знал Энн, — тётя отвела глаза, — и они не ладили, совсем не ладили, так что вряд ли он согласится взять тебя в себе.

Если же они не ладили, как появилась я?..

— Ничего, — я улыбнулась и сжала её тёплую веснушчатую руку, — у меня тут работа, есть где жить, в этом нет необходимости.

— Я рада, что познакомилась с тобой и я рада, что у тебя все в порядке. Но мне нужно...

Над парком раздался зычный крик, заставивший нас обеих вздрогнуть:

— Мэри!

— Собственно, о чём я и говорила, — она закатила глаза, — Чарльз меня будет искать, так что давай сохраним втайне наше знакомство, дорогая. Мне нужно идти.

Она порывисто обняла меня и огладив напоследок по щеке скрылась дальше по аллее. На какое-то время мы стали близки с ней, словно я нашла ниточку, что вела к моему рождению и снова потеряла. Ах... сколько вопросов мне ещё нужно задать! Может быть она знала, кого любила моя мама? Где она жила? Что любила? Её друзья? И... была ли она тёмной?

Глава 5. Тьма

В полутьме я нашла нашу с Оливией карету и не прошло и пяти минут как она вернулась с Зоуи, её закадычной подружкой, весь путь до дома Оливии они проболтали, а я и не смела вставить и слова в барский диалог. Дома же все завертелось и лишь перед сном, поймав Оливию в библиотеке, я села к ней и рассказала, что произошло. Как я и ожидала, Оливия с готовностью выслушала меня, вздыхая, пуская слезу и всплёскивая руками, она всегда очень эмоционально реагировала на такие новости. И мне нравилось это.

Закончив рассказ, я выдохнула, рассматривая лицо Оливии. Она молчала, а когда она подняла глаза, они были тревожны. За дверью раздался шум, и мы обе вздрогнули.

— Говори тише, — посоветовала я, — Вечно там Сония ходит под дверями подслушивает.

— Моя б воля, давно эту сплетницу вышвырнула, — произнесла дежурную фразу Оливия, однако в её голосе не было энтузиазма, что-то сильно тревожило её. — Если мы говорим обо одном и тех же людях, то это Мэри и Чарльз Рокки... Рыженькая такая? — Я кивнула, Оливия отвернулась на мгновение от меня. — Не связывайся с этим людьми, Аселия, лучше не надо. Не ищи с ними ни связи не родства. Они плохие люди. Они замешаны во многих темных и грязных делах. Они мошенники, обманщики...

Каждое её слово звучало словно гвоздь в крышку моего гроба. Темные дела, мошенники, плохие... мой отец и моя тётя плохие? Но они же мои единственные родственники! Как же так... как это несправедливо.

Моя барышня выдохнула в тишину комнаты:

— Они тёмные.

Я подняла на неё глаза, мне было страшно. Мне один давний родственник по ошибке затесавшийся в родословную — тёмный, не прапра, а отец. В горле встал ком, по щекам потекли слезы. Саймон был не прав, видимо то, что во мне есть тьма — это не случайность, это моя жизнь. Я тёмная...

— О, дорогая, не плачь, прошу тебя...

— Я такая же, да?..

— Нет, ты добрая, ты милая, ты никогда никого не обидишь.

Голос Оливии утешал меня и взывал к моему разуму, тот боролся изо всех сил, отгоняя сомнения и страхи прочь. Мы просидели так совсем немного, затем отправились спать. Спалось мне плохо, я ворочалась, мне то мерещился шум, то стук, то шуршание, то что-то ещё мешало заснуть. Я очень нервничала из-за этого, мне было жизненно важно выспаться, потому что стоило мне не выспаться хотя бы один раз, то моя сила становилась неуправляемой и поддавалась любым моим эмоциям, я могла спалить салфетки при сервировке стола, раскалить вилки или сделать что-то ещё. Как-то раз у меня был подобный день, и он мне дорого обошёлся, меня любили в этом доме, но порча имущества, хотя и непонятно как для них, уже тогда практически лишила работы. Тогда меня спасла удача и Оливия. И как назло сон пришёл только к утру...

Утром же я встала словно сомнамбула, глаза опухли от слёз и ночных мыслей, голова была ватная и я засыпала на ходу, естественно думать о том, тёмная или нет сил у меня уже не было, поэтому я старалась не возвращаться к мысли о том, что я могу всё же быть...

Сервировка мне удалась, прожжённую салфетку удалось убрать прежде чем кто-либо её увидел. Неся тарелку горячего супа барыне, я старательно повторяла про себя, лишь бы ничего не случилось, лишь бы ничего не случилось, однако вдруг я почувствовала удар в районе лопаток и с криком растянулась на полу. Звон тарелок и плеск возвестил меня, что ни одной целой посуды не осталось, а мне светит уборка...

— О, боже, Аселия ты не можешь потеши, у меня мигрень, — барыня Шерпская переступила через осколки и прикладывая к голове платок, все повторяла: «Как шумно, как шумно!». Когда у барыни начинали мигрени, все в доме должны были ходить на цыпочках. Я обернулась, позади была кухня на меня таращилась повариха и Сония, горничная. Она улыбнулась мне коварной улыбкой, а потом тут же сменив эту улыбку бросилась мне помогать. Мне показалось это странным, но Сония и так не вызывала у меня положительных эмоций. После уборки оказалось, что суп в спальню барыне уже отнесла Сония, и в моей помощи не нуждаются. Меня мягко, но твёрдо выставили за дверь. Это было неприятно. Я была на хорошем счету в доме, но с тех пор как появилась Сония, она постоянно пыталась свернуть мне кровь, правда чаще всего перепалками.

— Так тебе и надо, тёмная, — услышала себе в спину я, собираясь спуститься на первый этаж, я окаменела. Что? Что она сказала? Я обернулась, Сония стояла в проходе. — Да, я вчера слышала ваш разговор, теперь у меня есть аргумент, который точно выкинет тебя из этого дома.

— Что я тебя сделала? — только и могла спросить я, я недоумевала по этому поводу с самого первого дня её тут.

— Ничего, просто тебе все прощается за красивые глаза, а когда тебя не станет, я буду гувернанткой Оливии, а ты будешь где-то в другом месте скрести столы.

Она прошла мимо меня, толкнув плечом. Всего лишь из-за места гувернантки, там даже платят не так уж много. Из спальни Оливии высунулась её взлохмаченная головушка:

— Что за дела?

— Сония, — просто ответила ей я, закрывая за собой дверь в её спальню и помогая одеться. — Она слышала наш вчерашний разговор, решила использовать это как аргумент чтобы лишит меня места.

— Правда? — Оливия нахмурилась, глядя в зеркало, — если бы существовали доказательства кроме наших слов, то папенька и правда бы не позволил тебе работать тут.

— Да?

Я замерла. Я не знала о таком, знала бы, молчала бы со своими размышлениями.

— Ага, папа нетерпим по отношению к темным, уж не знаю почему.

— Ну если верить всем слухам про темных... — Я развела руками, показывая таким образом, что я б тоже поверила.

— Ты не тёмная.

Оливия сжала мой руку и твёрдо произнесла это, глядя в мои глаза, когда мы выходили из комнаты. Однако уже через минут двадцать я была готова оспорить это... Мы были в гостиной, когда экономка — Лонда, снова поведала, что пропали серебряные вилки из серванта. Вилки и другие приборы пропадали в последний месяц регулярно. Но хуже, что выслушав это барин встал со своего обычного места и позвал меня к себе в кабинет, чего не случалось за все время работы тут, и видя встревоженное лицо Оливии, начала бояться сама, уже ожидая неприятности. Они и случились.

Барин, мужчина в возрасте, с лысиной и седыми бакенбардами, был серьёзен, хотя

обычно шутил всегда и был весел. Он сидел за столом, его лицо было строгим и несло в себе отпечаток смеха в прошлом.

— Ты знаешь почему ты тут, Аселия? — Спросил он у меня, усаживая жестом в кресло рядом со столом, я покачала головой, расправляя складки на платье. — На днях ко мне пришла Сония, наша горничная, и принесла это. — Он достал из-под стола странный мешок, больше похожий на женскую рубашку... мою женскую рубашку, я почувствовала, как лицо заливают краска. На стол рубашка опустилась со звоном. В голове начали мелькать мысли, складывая загадку: Сония, пропавшие вилки, моя рубашка. — Она нашла это под твоей кроватью, когда делала та уборку. Ты знаешь, что там?

Ещё бы... я вцепилась в деревянные подлокотники. Если он сейчас...

— Вилки?

— Именно. Мы всегда относились к тебе по-доброму... Зачем ты это делала? Тебе мало платили? Ты могла просто попросить.

Слова барина ошеломил меня, видимо он посчитал моё знание за признание.

— Я не делала этого! Это Сония, она...

— Аселия, тише, — его командный голос прервал меня на полуслове, — ты ведь знала, что там и ты покраснела, когда увидела этот мешок. Зачем ты отрицаешь все это и ставишь меня ещё в более неловкое положение?

Краем глаза я заметила, как начал плавить под моими пальцами лак на подлокотниках, я отпустила их, надеясь, что он не заметил следы на лаке.

— Я покраснела не поэтому... это же...

— Не надо. Я больше е хочу ничего слушать.

Барин встал.

— Но послушайте! — Я тоже встала. Хоть бы он просто выслушал.

— Нет. Хватит. Я многое прощал тебе.

— Что?..

— Не надо на меня смотреть, я прощал тебе очень многое. Сония постоянно доносит на тебя, на то, что ты не выполняешь свои обязанности, что ты потакаешь моей дочери в глупостях, рвёшь книги в моей библиотеке, портишь вещи.

— Что? Я не делала этого!

Я даже топнула в сердцах ногой. Почему же он не слушает меня!

— А кто? Ты думаешь Сония сама пошла и делала это? Чтобы донести на тебя? Хватит, это глупо, чтобы к вечеру ноги тут твоей не было. Вот, — он полез в ящик и сунул мне кошель, — это твоя оплата.

Я вышла за дверь сжимая деньги и глядя перед собой невидящим взглядом, внутри расплозлось что-то нехорошее. Меня душил гнев. Сония... я нахмурилась. Где эта девчонка? Я прицепила кошель на пояс, сжимая и разжимая кулаки, я двинулась вниз, на кухню, где обычно и обитала эта сплетница. Прежде чем я уйду, я сведу с ней счёт, чего бы мне это не стоило. На кухне под моими грозными взглядами, повариха сообщила, что Сония с Лондой во дворе сейчас, и я немедленно отправилась туда. Я увидела её сразу, меня захватила злость, за что она так со мной? Впрочем, если желает играть не по правилам, то так все и будет.

— Сония.

Моя голос был неузнаваем и больше похоже на крик, она хотела в ответ мне видимо победоносно улыбнуться, но на её круглом и рыхлом, словно квашня личике, проступил

страх. Она боится меня.

— Сония, — повторила я, — ты просто... — Я перебиралась в уме ругательства, которые можно использовать в приличном обществе, ничего не подходило, мне хотелось отозваться о ней грубее. — Как ты вообще посмела наводить на меня клевету?

— Клевету? Ты воровка. — Её голос дрогнул, когда она это сказала, но все равно Сония пыталась выглядеть гордой. Её белёсые глаза скользнули по поясу и остановились на кошеле, — Это кошель хозяина! Ах ты мерзкая воровка! Сначала серебро, а теперь деньги, а ну отдай!

Я не успела перехватить её руку, она дёрнула кошель и тот порвавшись со звоном растерял все монеты, я уже не контролировала меня, моя рука взлетела и ударила по щеке Сонию. Раздался вскрик Лонды и во дворе воцарилась тишина. Мои глаза словно горели, внутри словно тоже все горело, мне было страшно от того, что я не контролировала себя, но в то же время чувствовала себя свободней. Я взглянула на Сонию, мерзавка стояла с испуганным видом, сжимая в руке ткань кошель.

— Эти деньги мне дал барин. Теперь собирай их.

— Ну конечно, ты их украла, — уже не слишком уверенно проблеяла Сония. Я подошла к ней и под её взглядом сомкнула руку на её шее.

— Пре...кра... ти...

— Собери все деньги, — глядя ей прямо в глаза и сжимая её рыхлую холодную кожу шеи, сказала я, — и принеси мне. И если хоть медяка не досчитаю, я...

Я сжала шею сильнее. Где-то в отдалении разума мелькнула идея наказать её сильнее, причинить ей боль. Но я усилие воли погасила этот островок безумия. Это не то чего я хочу. Я словно медленно приходила в себя, я брезгливо отдёрнула руку и ушла в дом, Лонда провожала меня круглыми глазами, как и остальная прислуга и Оливия которые видимо видели все из окна. Вслед мне летел шепоток: «тёмная»... Пока собирала вещи, я никак не могла прийти в себя. Это чувство ярости, мощи, которое как пламя охватило меня. Что это было? Это была тьма?

Раздался стук. Я открыла дверь, на пороге стояла Оливия, я отошла, пропуская её внутрь.

— Хорошо ты её воспитала.

В её голосе было одобрение, я изумлённо покосилась на бывшую уже госпожу. Мне стало грустно. И тут тьма меня подвела. Хотя в основе то проблемы лежала не тьма, а человеческая глупость и зависть.

— Что? Мне понравилось. Вот держи, это кошель, который собрала Сония, — Она протянула мне два кошель, — а вот второй это от меня.

— Зачем? — забирая оба и укладывая их в сумку уточнила я.

— Тебе надо будет с чего-то начать, где-то жить, куда-то ездить и чем-то питаться. Это чтобы ты смогла встать на ноги.

— Спасибо, ты так многое для меня делаешь...

— Ты тоже многое сделала для меня.

Оливия белозубо улыбнулась мне, со вздохом я присела на кровать и опустила голову.

— Это была тьма во мне, я тёмная... такая же как мой отец и тётя...

— Ну что же, раз она в тебе есть, эта тьма, значит она для чего нужна, например, — Оливия подошла и с щелчком захлопнула мою сумку, — чтобы защищать себя.

Хм... в этом есть смысл... если я научусь этим управлять, это не будет брать надо мной

верх. Я встала и радостно улыбнулась ей, она в очередной раз спасла меня. Мы обнялись, шмыгая носом Оливия напоследок прошептала:

— Мне будет не хватать тебя.

— Мне тоже, — шепнула я ей в ответ.

Она единственная из всех домочадцев, кто провожал меня в новую жизнь, я слышала как она шмыгала носом и пыталась улыбаться. Хотя ей, как и мне, было очень грустно расставаться. Но раз так сложилось, то стоит снова принять все это как должное и идти дальше. Зато я познакомилась со своей тьмой. Теперь-то меня вряд ли кто-то обидит. Я рассмеялась, распутивая редких прохожих и направилась в порт.

Глава 6. Госпожа Сэлл

Я сидела за столом, наблюдая танец снежинок за окном. Вот и зима. Ещё одна... Дело не спорилось, начала болеть голова от напряжения, да и я постоянно отвлекалась. Пора заканчивать. Я вышла из комнаты с артефактами, закрыла её за собой, в голове играла какая-то весёлая мелодия, при чём играла с самого утра, я никак не могла от неё отделаться. Настроение было таким хорошим, что я, проходя мимо зеркала, улыбнулась себе. Оправив светло зелёное платье и проверив шнуровку корсета, я тронулась дальше по коридору. Мой дом. Я даже хихикнула. Никак не привыкну к такому словосочетанию. Теперь это мой дом. Когда-то старое, никому не нужное поместье, разваливавшееся от времени. Спасибо Оливии, я до сих вспоминаю о ней с теплотой и нежностью, которая дала мне немного своих денег, чтобы встать на ноги. Мои скитания значительно истощили мои финансы, я нигде не могла прибиться, зато это поместье мне отдали за бесценок. На оставшиеся деньги я сделала одну комнату пригодной для жилья. Да. Так все и началось.

Моя сила, моя тьма, которая казалась мне необузданной и своенравной смогла проявить себя в полной красе в артефактах. Вот уж никогда не думала, что буду делать безделушки с магическим уклоном. Я поправила браслет под рукавом платья — это был один из многих артефактов, разложенных, спрятанных в этом доме, охранявших меня и тот склад с артефактами, откуда я вышла. Я должна была быть осторожнее. Госпожа Сэлл — теперь это имя нарицательное для всех темных артефактов, которые завоевали и вытеснили всех остальных. Я старалась, и я смогла.

Я вздохнула, отходя от зеркала, навстречу мне выбежал Кармайл, он был маленьким, толстеньким гномом, с немного зеленоватой кожей, крупным носом и в костюме с жилеточкой, что смотрелось на нем весьма умирительно. Ну а кроме всех его остальных достоинств, он прекрасно выполнял свою работу.

— Кармайл, как наши дела?

Дальше мы шли с ним по коридору, я старалась идти не так уж быстро, понимая, что его ноги короче, чем мои, и идти со мной в одном темпе ему тяжело.

— Поставки темных артефактов были совершены, деньги переведены на ваш счёт. Я все проверил, госпожа Сэлл.

— Хорошо. А метаморфы?

— Они в раздумьях над тем новым артефактом, что вы сделали.

— Рассвет Луны?

В моем голосе прозвучали нотки оскорбления, когда я им плохие вещи делала?

— Да-да, госпожа. А остальные артефакты как обычно заказали.

— Сроки?

— Тоже как обычно.

— Ну хорошо. — Я остановилась и выжидающе посмотрела на него. — А что Ирбис? Нашли его? А то его следы уже пару недель нигде не видны.

— Нет, госпожа, никаких вестей, как только будет что-то известно, сразу сообщу вам.

— Хорошо, — я была расстроена. Куда делась эта кошка-переросток?

— Н-но у меня для вас есть другие хорошие новости.

— Правда?

Я не слишком надеюсь услышать что-то стоящее, но раз Кармайл говорит, то из уважения мне стоит это послушать. Я продолжила шаг.

— Помните, стража сообщала в округе видели подозрительную компанию? — я кивнула, что-то такое было. — Мы их поймали, госпожа, это метаморфы, сейчас они ещё во дворе. Вы можете посмотреть.

Внутри всё сжалось, я через силу улыбнулась Кармайлу, скомандовав:

— Идём.

Метаморфы? Недалеко от моего дома? Это подозрительно. Очень. Неужели они догадались? Не могли, ко мне не ведёт никаких ниточек, все делается через третьи руки, никто кроме Кармайла не видел меня вживую. А Кармайл предателем быть не может, у него долг чести, гномы за это скорее душу отдадут, чем нарушат долг чести. Тогда что?

Вскоре мы были во дворе, под туфельками хрустел снег и засыпался внутрь, холодя ноги, я смотрела, как пять тел затаскивают внутрь, в темницу. Ко мне подошёл юноша, он был одним из тех, кто помогал моей охране, имени я его не знала.

— Госпожа Сэлл, главный просил вам передать, — он поклонился мне и жадно разглядывая меня и моё лицо, продолжил, — Он сказал, что один из них сказал, точнее обратился к другому и сказал Ирбис.

Я замерла. Ирбис поймался? Да ни в жизнь. У меня половины людей не было бы е живых. Я грозно нахмурилась.

— Как их поймали?

— Кто-то из... из охраны видел, как один из них превращался в волка. Они вернулись туда с ядом, как вы и говорили, и выстрелили в них издалека.

— Вот как... — Тогда да, у них был шанс. Особенно, если случайно первым под удар попал сам Ирбис.

— Известно к кому именно он обращался?

— Что?

— Известно, к кому именно обратились по имени Ирбис?

— А... я не знаю, — парень переминался с ноги на ноги.

— Я узнаю, Госпожа, — Кармайл послал гневный взгляд юноше, и тот ретировался. — Будут какие-то указания?

— Кармайл, его в отдельную камеру, вокруг чтобы ни души на несколько камер вокруг, подальше от всех. Остальных тоже так расселите, благо камер свободных много. Всем дозу наркотика, Ирбису двойную дозу. Всех в цепи и к стене. Как только придут в себя, сразу ко мне. И да, защитные амулеты, все активировать.

Было холодно ногам, они промокли, юбка тоже намочла от снега и стала тяжелее, но мне было жарко, сердце колотилось как сумасшедшее. Ух... Только представить можно себе, Ирбис в моем доме! Перепрыгивая через ступеньки, я взлетела на второй этаж, распахнула дверь в свою комнату. У меня озноб только одного этого имени, а тут... Не только имя, целиком поймался. Это просто достижение всей моей жизни. Мы встретимся. Снова. После пяти лет разлуки. После пяти лет предательства.

Надо подготовиться.

Я подошла к шкафу. Распахнула его дверцы и придирчиво осмотрела его. Красное? Нет. Темно-синее? Нет, не то. Зелёное? Абсолютно нет. Может... Хм... а что? Я достала золотистое платье. Напоминает мне о прошлом почему-то, хотя оно новое, и словно бы с намёком, который понятен только мне. Я хмыкнула — идеально.

Дальше я прошла в ванную, смежную со спальней. Там я принялась за ритуал доведения красоты до идеала, несмотря на то, что я использовала поверх своей внешности пару мороков, ну так на всякий случай, мне все равно было приятно знать и чувствовать, что и без них я также прекрасна. К тому же эти мороки были элементами защиты, а не для приукрашивания моей внешности. Все было сделано, я промокнула тканью лицо, оставалась причёска. В принципе меня устраивало то, что уже было на голове с самого утра, поэтому я просто немного приладила выбившиеся пряди. Мои волосы были темными и густыми от природы, я лишь изредка добавляла травами глубины родному цвету.

Затем я позвонила в колокольчик, вызывая горничную, она явилась несколькими минутами позже. Она помогла мне снять старое мокрое платье и облачиться в новое, затянула корсет, да так что моя талию казалось можно переломить лишь, сжав в объятиях. Отдав девушке мокрое платье, чтобы она привела его в порядок, я обула мягкие туфли чёрного цвета. Я любила подобную обувь без каблука, она позволяла мне передвигаться по собственному дому практически бесшумно. Оглядев себя в зеркало, я вполне осталась довольна увиденным, а чтобы сделать образ законченным я достала из ящика трюмо малюсенький пузылек духов. Его мне подарил один мой друг пару лет назад, он очень нравился мне и потому я доставала его только особенным для меня ситуациях. Я брызнула пару раз себе на внутреннюю сторону запястья и, прикрыв глаза, вдохнула терпкий аромат трав, мёда и цветов. Словно я была снова маленькой девочкой, сидевшей на полу с игрушками посреди бабушкиной избушки.

Я была готова, в этот момент раздался стук в дверь, оттуда послышался голос Кармайла:
— Госпожа, они все пришли в себя.

Я улыбнулась своему отражению, спешно наложив морок и захватив с прикроватной тумбочки один из моих любимых артефактов. Когда я вышла из комнаты, Кармайл, согнувшись в поклоне, ждал меня у дверей.

— Прекрасно выглядите, госпожа.

— Я знаю, но все равно спасибо. Идём.

Я спускалась по ступеням вниз в свою темницу, там я оставила Кармайла караулить у входа. Чтобы ни случилось, нельзя было позволить этим негодьям покинуть темницу. Мне нравилась моя тюрьма, она была чистой, тут был свет и смазанные решётки, всё было аккуратно и починено, никаких крыс и антисанитарии. Даже не темница, а так — место для отдыха заключённых. Я сама улыбнулась этому каламбуру, Первые трое из шайки метаморфов меня не впечатлили, впрочем, и судя по всему я их тоже, что несколько задело меня. Но вот следующая камера заставила меня замереть. Эти черты лица, гневное выражение лица, серые с прищуром глаза и светлые волосы. Да это же Рэйн... я вытащила из кармана свой универсальный ключ и приложила его к замку камеры, камера мягко отворилась. Рэйн был прикован цепями к стене, он дёргал ими и психовал. Как это на него похоже, несколько не удивлена. А вот он моим появлением был явно удивлён.

— Ты кто?

— Я? Я хозяйка этого дома.

Он замер, присматриваясь ко мне.

— Приспешница зла! Ты тёмная.

— Да-да, я в курсе. — Я покачала головой, хоть бы что новое сказали, я подошла ближе к нему, всматриваясь в эти черты лица, ставшие старше, нахмуренные брови и потемневшие глаза. Я рассматривала его, узнавала и не узнавала одновременно.

— Зачем тебе это? Зачем мы тут?

Он едва сдерживал себя, но хотел показать, что спокоен.

— Я убью вас.

— Просто так? — Рэйн как-то странно хохотнул, — мы никто, простые рядовые метаморфы, что тебе от нашей смерти?

О, вот как, он не знает, что мы то уже знаем, что среди них есть Ирбис. Что ж, пусть пока будет в неведении.

— Ну знаешь, у меня на метаморфов отдельный зуб... — Я наигранно развела руками, как бы показывая, что тут ничего не могу поделать, как есть. — И вот конкретно на тебя тоже. А остальные... просто им не повезло.

— На меня? Я не знаю даже тебя.

Как мне хочется, чтобы он узнал меня, и одновременно с этим не хочется. Что ж пойдём ва-банк, злодеи всегда выбалтывают много лишнего, да и выговориться иногда полезно.

— Кроме того факта, что я просто не люблю метаморфов, некоторые из них изрядно подпортили жизнь. Лишили меня надежды на светлое и прекрасное будущее. Например, ты.

Я произнесла это даже с какой-то издёвкой. Какое будущее?.. У темных нет на него даже шанса, только благодаря тому, что я жила где-то в глухомани, я прожила так долго вообще, не ведая, что во мне тьма. Живи я в каком-то городишке, то меня бы уже через пару лет от рождения заклеили бы.

— Допустим, остальные то тут при чём? Отпусти их...

Я скривилась, герой нашёлся. Неужели он и правда умает, что я возьму и сделаю такое? Я покачала головой, безумие чистой воды.

— Нет.

— Дай им шанс...

Внутри закипало все, я сделала пару шагов вперёд, моя рука в мгновение оказалась на его шее, прижимая её к стене. Кожа начала краснеть под моими пальцами, обжигаясь. Шанс, говоришь...

— Когда-то ты и твои друзья отказались дать мне шанс, сообщив, что я тёмная. Вот и сейчас я тебе говорю: никого шанса тебе и тем, кто сидит в остальных камерах. Я же тёмная. Но знаешь, — я отступила от Рэйна, он морщился и поглядывал на меня, на шее проступали ожоги, которые наверняка зудели и болели. — мне будет мало убить вас просто так. Я найду то, что тебе дорого, что ты любишь или кого. И уничтожу.

Он дёрнулся при слове «уничтожить». Я прислушалась к себе, внутри так ничего и не отозвалось, в голове то и дело всплывали его робкие неумелые поцелуи, но и они не вызывали у меня никаких эмоций. Я не любила его тогда, жаль признавать это, но так и есть. И сейчас мне совсем не жаль, что его сердце принадлежит другой...

— Какое ещё могло быть будущее? Ты та, что рождена с тьмой в сердце? Какое у тебя будущее? Какое?

Видимо, Рэйн решил играть героя до последнего, сейчас вся эта бравада скрывала его реальные эмоции, кто-то решил меня позлить, а я этого не люблю. Главное не заводится, эта тема до сих пор была моей больной мозолью, и просто так скакать по ней я не давала обычно.

— Оно у меня было, — я вздохнула. Он не понимает, да и поймёт ли когда-нибудь вообще такое? — Ты правда считаешь, что всё это я выбрала сама? Узнала о том, что у меня тьма в крови и подумала, а не пойти ли мне на тёмную сторону? Я могу быть против этого,

могу сейчас передумать и отпустить вас, удариться в благотворительность, но вы убьёте меня при любой возможности, потому что вы не доверяете тем, у кого тьма в сердце. Разве нет? — Рэйн смутился, я видела, как он борется. Кажется, я для него открыла идею, о которой он не подозревал. — Не все тёмные выбрали это сами. Нет, конечно, есть те, кто пришёл в тьму сознательно, а кого-то просто заставили. Им больше нигде нет места, кроме как здесь.

— Нельзя заставить человека быть темным, быть злым...

— То есть встретив человека на улице и узнав, что его мама/папа были темными, ты братски хлопнешь его по плечу и позовёшь в бар? А не отвернёшься от него, даже видя, что он в беде?

Он поднял на меня серые глаза, мы оба знали ответ и произносить вслух это не требовалось, я пожала плечами. Очевидно же.

— Тогда приступим, — я достала из кармана шар и подбросила его в воздух, он мягко засветился. Я мысленно послала ему нужную команду, после этого шар подлетел в голову Рэйна и, легко коснувшись его, вернулся обратно. — Найти объект. — Проговорила я негромко.

— Да, госпожа, — откликнулся артефакт, его голос слышен был только мне, потому что сейчас с ним работала я.

— И что ты сделаешь? — Пока артефакт работал, в камере висела тишина, которую мне прерывать не хотелось, но Рэйну видимо захотелось поговорить. — Убьёшь её?

— Есть предложения?

— Знаешь, мне кажется у тебя ничего не получится. Я не слышала и не видел её уже много лет.

— Мой артефакт силен, так что не переживай на этот счёт.

— Объект найден. — Едва слышно проговорил артефакт.

Я посмотрела на Рэйна, он на меня.

— Информация.

— Да, госпожа. Девушка, 23 полных лет.

Артефакт замолк. Ну что ж не мужчина, это очевидно.

— Дальность?

— Дальность полметра.

Я удивлённо подошла к артефакту. Полметра? Как же так? Я взяла его в руки и под недоумевающие взгляды парня потрясла. Чтобы мой артефакт врал, да никогда такого не было... это, конечно, пробный образец, но всё же... Рэйн, наблюдая мои действия, ехидно уточнил:

— Сломался?

— Не должен был, — расстроено произнесла я, — но полметра?

— Она здесь?

Звякнули цепи. Хорошо, что его заковали. В его глазах мелькнуло звериное и затихло. Я дрожащей рукой взяла артефакт и подняла глаза на него, переспросила:

— Дальность?

— Объект найден.

Вот как... Артефакт вспыхнул золотым светом и погас. Свою работу он сделал, я убрала его в карман. Даже так. Неожиданно... Я посмотрела на Рэйна совсем другим взглядом. Значит, Аселия все-таки осталась в твоём сердце... Что ж, это многое меняет. Мне на

секунду даже стало жаль этого волка-одиночку, который последние пять лет любил тёмную, которую предал.

— На что уставилась? — Я покачала головой, ещё говорят тёмный хамы и грубияны, в этой темнице много, кто был, но ругались и грубили всегда не тёмные. — Поиски отменяются?

Я промолчала, выходя из камеры и запирая её. Все пошло не так, как я хотела.

— Кармайл!

Раздался топот маленьких ножек и через несколько секунд гном появился рядом со мной.

— Приготовь мне яд для метаморфов, пять доз. Проблемы были?

— Нет, госпожа, все идёт как надо.

Я поморщилась, если бы.

— Саймона связали? — Гном опять кивнул, — Хорошо. Тогда слушай, вот за этим, — я махнула в район камеры опешившего Рэйна, — следить очень внимательно. Будет буйствовать — сразу успокоительное.

— Саймон? Ты сказала Саймон? — Негромко уточнил Рэйн, мы с Кармайлом прервались, одновременно посмотрев на него, тот звенел цепями. — Откуда ты знаешь его имя? Полное имя? Ты!

— Да, я так сказала, — я послала быстрый раздражённый взгляд Рэйну, — хорошая разведка — на вес золота.

— Госпожа? — Гном не любил, когда нас отрывали от дела. Единственный нормальный слуга в этом безумном доме.

— Да-да, прошу прощения...

— Яд подать сразу, госпожа?

— Только по моему приказу.

— Хорошо, госпожа Сэлл.

Гном ушёл, я осталась стоять перед камерой Рэйна, когда я посмотрел на него, на его лице была странная маска отвращения и ужаса.

— Госпожа Сэлл... Вот значит к кому мы угодили...

М-да... Теперь ему точно не уйти живому отсюда. Эту информацию распространять нельзя. Я развернулась, чтобы уйти и вдруг услышала:

— Полметра, да, госпожа Сэлл? — Я обернулась, он смотрел на меня с узнаванием. В его голосе звучала тоска и боль. — Это ты...

Это был его собственный приговор. Я сплела усыпляющее заклинание и наложила на него, полчаса он проспит точно, а потом надо будет его изолировать, чтобы он не выдал моей тайны своим. А может потом и выдавать будет некому. Рэйн обмяк в цепях. Я хотела было уйти, но тут меня привлекла та самая дальняя камера. Последняя оставшаяся камера, после Рэйна я уже не хотела туда заходить. Он всколыхнул в моей душе слишком много, уже улёгшегося за пять лет. Рэйн был порядочной сволочью и сразу отвернулся от меня, едва преставилась такая возможность, это было больно, но Саймон... Точнее, я улыбнулась, Ирбис. Так его теперь называют. Только так, но никак не Саймон. Тут Рэйн прав, мало кто знает его имя, потому что он его сменил на что-то более мужественное. Я сделал несколько шагов и коснулась решётки, за которой сидел в цепях он. Рэйна пришлось приковать к стене, ибо он буйствовал. Этот сидел молча. Он думал. Не зря он возглавил армию метаморфов и магов, и не зря методично вырезал темных целыми кланами, тихо и без лишней суеты. Так

что теперь количество метаморфов стало превалировать над количеством темных в мире, и если раньше мы тёмные заставляли прятаться их по норам, то теперь нам самим требовалось укрытие. И перед лицом надвигающейся угрозы, мы, тёмные, не смогли объединиться. Мы не стадный народ, не то что метаморфы, вечно сбивающиеся в кучи то там, то тут. Обычно мы либо живём кланами, семьями, либо одиночками. Меня все это время спасало только одиночество.

Заклинание легло на меня пологом, мне хотелось зайти, моё сердце заходило как сумасшедшее и обливалось кровью одновременно. У Ирбиса, у того главного среди метаморфов была женщина и её звали Лейла. Та самая волчица... теперь она была его верной союзницей. Я знала это. Того Саймона больше не существовало. А если и существовало, то только в моей памяти о тех зимних вечерах и коротких поцелуях в макушку.

— Нравлюсь?

Сердце ухнуло, я шарахнулась от решётки, словно не была хозяйкой этой тюрьмы, а сама сидела за решёткой и ко мне пришёл мой палач. Он не отрывал взгляд от пола, все так же сидя и сложив голову на руки. Но видимо видел и чувствовал меня. Ирбис... я подавила улыбку. Когда-то он так же спросил и меня. Повторяется. Впрочем, ему не стоит знать, кто я такая. Ни про Сэлл, ни про Аселию. Я, сделав серьёзное лицо, мягко открыла дверь и вошла внутрь камеры. Платье тихо шуршало, когда я зашла и прижавшись к противоположной от него стене, оглядела его. Он все ещё не отрывал лица от рук. А мне так хотелось его увидеть. Если к Рэйну, прикованному цепями, мне не было страшно подходить, то тут... ещё как страшно. Саймон славился своей жестокостью к темным и насилием, говорили, что даже Лейла попадала ему под руку и даже порой чаще, чем обычные подчинённые.

Во что ты превратился? — Молча спросила его я. В горле стал ком. Зря я сюда пришла...

Я сделала несколько шагов по отношению к выходу, когда меня остановил его голос:

— Ты пришла, чтобы полюбопытствовать о чём-то или так, поглазеть на прекрасного меня?

Почему мне хочется улыбаться? Он так спокоен и уверен, и я словно снова погружаюсь в тот вечер. Я скрыла улыбку, хотя он все равно на меня не смотрит. Я обернулась, и улыбка застыла. Сердце ёкнуло. Снова... снова!

Он смотрел на меня. Его лицо не было исхудавшим и вытянувшимся, как тогда после цветка мрака. Он был просто стройным мужчиной в расцвете сил, по его телу под рубашкой бродили сильные мышцы. Он был один из самых сильных и мощных метаморфов из всех известных мне на сегодняшний день. А разведка у меня была хорошая. Его волосы немного выцвели, стали длиннее и теперь были забраны сзади в неаккуратный низкий хвост. У него были холодные и очень спокойные голубые глаза. Совсем не тёплые и не нежные. Он смотрел на меня как смотрят на букашку, которую убьют прямо сейчас. Я вздрогнула.

— О... смелая госпожа Сэлли боится жалкого метаморфа, которому заготовила яд.

Что? Откуда? Ах да... Кармайл... наш разговор. Надо будет с ним поговорить на этот счёт. А то слишком много информации выбалтывается просто так. Я сделала шаг назад. В горле застрял ком. Вдруг Саймон встал. Он не мог перевоплотиться, я знала, он не мог даже придвинуться ближе, на нем же были цепи, он не мог сделать мне ровным счётом ничего, только запугать. Впрочем, ему удавалось. Я врезалась в решётку и испуганно взидала на него. Это был не Саймон, все-таки дошло до меня. Не он.

— Охохо, — Саймон не был таким пугающим при нашей последней встрече, — надо

же... а кто же тут угрожал неповинной собачке ядом и что найдёт и уничтожит того, кого он любит. Ну что наша?

— Наша, — я оправила складки на платье, чтобы не было заметно, как трясутся руки, и сложила их на груди. Все-таки одно дело бороться с ними издалека, другое разговаривать так близко.

— Может и у меня найдёшь?

— Твою неповинную собачку, — я сама едва не поморщилась от того как назвала Лейлу, но меня душила ревность к ней, — я и так знаю, где найти. Тоже мне нашёл, что прятать.

— Вот как... — ни единый мускул на его холодном и отстранённом лице не дрогнул, лишь какая-то без эмоциональная улыбка появилась на губах.

— Да, так что не переживай, Саймон, — я гордо вышла и закрыла камеру, — и твоё сокровище я найду и уничтожу.

Кажется, на его лице что-то промелькнуло, меня захлестнула новая волна ревности. Он думает о ней, ну конечно. Он давно забыл про меня.

— И золотце, и сокровище, всех найду. — Я развернулась на пятках, мне хотелось ругаться и плакать. Хоть это было бессмысленно. Пять лет прошло. Пять! Это же даже не месяцев, а лет. А я тут устроила цирк. Помнит он девушку, которая спасла ему жизнь и была нежна с ним? Вряд ли... так мне и надо. Они сами привели меня сюда и на этой стороне уже не плачут по таким пустякам.

Глава 7. Сокровище

Ванная была тёплая, ароматная и с пузырьками, все как я люблю, волосы, подобранные наверх и заколотые, все равно немного намокли на затылке и прилипали к плечам и шее. Я напевала колыбельную моей бабушки, вспоминая все те события пятилетней давности. Было тяжело и грустно думать обо всем этом. Я изредка вытирала слезы. Сгоревшая бабушкина избушка и сгоревшие мечты. Именно так.

Я прислушалась, мне послышался какой-то шум из моей спальни. Может горничная зашла? Кажется, это уже паранойя.

Лёжа в этой ванной, я тщетно пыталась уговорить себя, что это все дела минувших дней и мне не стоит печалиться об этом. Сейчас у меня уже большой дом, и он мой. Он защищён. Это моя крепость, правда в этой крепости есть один большой минус — это тюрьма, где сидят пять метаморфов. Ничего, это ненадолго. Не хочу марать об них руки, просто сдать куда надо. Пусть с ними там другие тёмные разбираются. Настроение испортилось, поэтому я начала выбираться из ванны. Пушистое полотенце обняло меня родную, я промокнула волосы, кожу и надела сорочку и поверх тёплый халат. В такие зимние вечера спасают только такие тёплые халаты. В доме обычно было тепло, хотя после ванны мне так не казалось. Распустив волосы, я вышла в спальню. Там я оглядела себя в зеркало и сосредоточившись приложила руки в голове. От волос пошёл пар. Ещё немного. Пара минут ми мои волосы почти сухие, я потрясла головой, копна волосы зашевелилась в такт моим движениям. Проходя мимо окна, я задержалась ненадолго, наблюдая как хлопьями падает снег. Как все-таки красиво. Я стояла у окна и чувствовала, как по щекам все же текут слёзы. Снова... Когда я перестану плакать, вспоминая об этом? Я присела на стул, что всегда стоял у окна, опустила голову на руки позволяя себе выпустить боль наружу. Она вытекала горячими слезами.

За дверью раздался какой-то шум, я подняла голову, через секунду дверь распахнулась, явив мне Саймона с хищной ухмылкой в пол-лица. Внутри что-то оборвалось... Я вжалась в подоконник. Могла бы сразу выскочила туда, но второй этаж... Что он тут делает? Как он выбрался из тюрьмы? И если выбрался он? Я в панике взглянула на дверь, там виднелась девичья рука. Горничная... я было метнулась к столику, где лежал охранный кристалл, но он успел меня перехватить. Как он двигается с такой скоростью? Как он смог пробраться сюда так, что я его не услышала и ни один мой охранный амулет не сработал? Руку сжало болью, и я зашипела... синяк будет...

— Тише... — Саймон запрокинул мою голову, засунув пальцы в копну волос на голове, — будь послушной, и никто не пострадает.

Я кивнула. Мне было страшно. Я защищала свой дом, но никто не думала, что эта защита не работает.

— Снимай свой морок. — Я медлила, голову запрокинули сильнее. Страх заполнил все внутри, он меня ломает... Он был куда сильнее меня, хоть в нем и действовал яд, блокирующий его вторую ипостась.

Хватку расслабили, и я дрожащими руками расплела морок, он упал с меня. Его лицо озарилось странной улыбкой.

— Так гораздо лучше. Наконец-то, я смогу увидеть лицо той, что как неуловимый уж и

как бельмо на глазу мешало мне все это время творить моё светлое дело.

Меня швырнули на кровать, я пригнулась к подушкам, слезы застыли на щеках. Мне было страшно, но слезы тут точно никак не помогут, это я понимала. Плачь, не плачь, все одно. Я поправила халат на себе.

— Снимай все кольца, цепочки, серьги — все снимай. — Саймон поправил рубашку и прошёл к двери и там повернул ключ, закрыв её. Путь был отрезан. Трясущимися руками я стянула несколько колец с правой руки, перстень с левой, браслет упал там же, но цепочка никак не поддавалась. Откуда ему всё известно? Жаль, эти артефакты могли бы спасти мне жизнь сегодня. Я зажмурилась, увидев, что Саймон походит ближе, ничего не происходило, потому я почувствовала, как расстегнувшаяся цепочка падает вниз. Оно отошёл и смогла перевести дыхание, сложив её в кучу к остальным.

— Сэлл, — словно смакуя моё имя произнёс Саймон, в его руках цепочка с охранным кристаллом казалась игрушкой, — а ты неплохие делаешь вещицы. Кстати об этом, тот артефакт, что ты показала Рэйну и все обещалась найти его зазнобу... наслышан о нем. Не будешь ли ты так любезна показать его мне?

Он был предельно вежлив, и он улыбался, да так победно, что сердце ёкало и уходило в пятки от ощущения страха и благоговения перед ним и от того, что сейчас я вся принадлежала ему. Я молча указала на туалетный столик, рука дрожала, и я сразу убрала её. Не хочу, чтобы он видел мою слабость.

— Нет-нет, — он подошёл ближе, внутри всё напряглось, — сама.

Я медленно встала, какой умный нашёлся, мне захотелось фыркнуть. Опять облом...

— Наслышан я о тебе и о твоих побрякушках. Они знаете ли могут кусать до смертельного исхода. Особенно, артефакты.

И не только. Я взяла шарик и протянула его ему, он, глядя прямо мне в глаза, отчего я их сразу отпустила, взял меня за руку обеими ладонями мягко разжал пальцы и забрал артефакт. Из моих рук прямо, откуда? Откуда он знает?! Последняя надежда оборвалась...

— Хм, смотрю ты удивлена, — Саймон толкнул меня обратно на кровать, я подтянула колени себе и обняла их руками. Он подбросил артефакт в воздух и тот засветился. Затем он полетел к Саймону и коснулся его лба и снова отлетел, как и тогда в камере Рэйна.

— Найти.

Кого ему нужно найти? Некоторое время артефакт мигал, потом затих. Значит нашёл.

— Расстояние? — Мне показалось и голос железного Ирбиса дрогнул. Видимо артефакт ответил ему. Как жаль, что я не могу слышать его: кого он искал и нашёл ли? Его глаза вернулись к моему лицу, затем он забрал артефакт, сложил к себе в карман с самым задумчивым видом и присел на край. Я отодвинулась подальше к изголовью своей огромной и белой кровати. Саймон молча разглядывал меня, словно пытаюсь что-то найти в моём лице. Я закрыла глаза, это было невыносимо. Мне хотелось обнять его и умолять не быть таким холодным и жестоким. Но сейчас я слишком хорошо осознавала, что мы не просто давно не видевшиеся влюблённые, а я надеюсь, мы тогда все же были оба влюблены, мы сейчас были врагами...

— А знаешь, что я только что сделал всю работу за тебя, Сэлли?

Я покачала голов и облизнула пересохшие губы и крепче обняла себя за колени.

— Я только что искал ту, что обещалась найти и уничтожить ты.

Что? Я вскинула на него взгляд. Серьёзно? Ему нужен был артефакт только для этого? Мне хотелось промолчать, но ревность развязала мне язык.

— Это серьёзный артефакт, — колко заметила я, — незачем его использовать лишь для того, чтобы найти Лейлу. Или ты и сам не знаешь где твоя любимая и с кем?

Я нахмурилась. Это и правда серьёзная вещь, я неделями над ним работала, а он просто играет с ним.

— Не хмурься, тебе не идёт. — Я отвела глаза, я все ещё боялась его, хотя уже и не так сильно, как раньше, — Я знаю, что это серьёзный артефакт. И я не искал Лейлу. Я искал кое-кого другого. И знаешь, что? Я нашёл. Я нашёл тебя, сокровище ты моё.

Глава 8. Плен

Пауза. Меня бросает в жар, все тело словно опустили в кипяток. Три, два, один, я глотаю воздух и поднимаю на него глаза. Что он сказал? Сердце ухает, но как-то не уверенно. Ему нужно подтверждение этих слов, чтобы забиться как сумасшедшему.

— Что?.. Что ты сказал?..

Саймон улыбается мне такой улыбкой, что я понимаю, что кажется, я не ослышалась. Он улыбается мне тепло и как-то совсем как тогда.

— Я сказал, что нашёл тебя, моё золотце и моё сокровище. Ты ведь так мне сказала, там в темнице? Что найдёшь моё сокровище?

Он лишь имел мой оборот речи, я выдохнула... не узнал... было обидно немного, но как-то легче. Хотя зачем ему тогда искать меня или?.. Все же не оборот речи? Я бросила на него неуверенный взгляд. Объяснись же, Саймон.

— Послушай, я не понимаю, о чём ты, Саймон... честное слово... — я сделала самый невидный вид, на который была способна, но замерла, видя, как вытягивается его лицо, на нём появляется победная ухмылка. Он торжествовал. Что за?... Саймон... — Черт.

— Именно, — он приблизился ко мне. — Хотя ты хорошо маскировалась, ни разу бы не догадался, что за образом грозной и хитрой госпожи Сэлл скрывается моё хрупкое сокровище, что я безуспешно искал столько лет. И, признаюсь, ни за что бы не понял, если бы не эта твоя фраза про сокровище. Я ведь так тебя называл тогда — моё сокровище. И да... Саймон. Меня никто так не называет, ни Рэйн, ни Лейла — никто. Потому что с тех пор... — он растянулся на кровати, глядя в балдахин кровати, — потому что с тех пор как одна девчонка пропала, я взял себе совсем другое имя, и все знают меня уже под ним.

Я соскочила с кровати одним слитным движением и метнула в Саймона вазу с цветами, покоившуюся у меня на прикроватной тумбочке. Ваза разбилась о его голову и залила кровать водой. Пока он с руганью вставал с кровати, я метнулась к двери, замок щёлкнул, но дверь открывалась во внутрь. Я только успела её приоткрыть, а потом... он успел прижать её с такой силой, что мне ни за что не открыть. Я так и стояла, держась за ручку и слушала биение своего сердца, слышался звук капель воды, капающих на пол. Он навис надо мной и с громким стуком припечатал две огромные ладони по бокам от меня прямо в дверь. Он него пахло цветами, моими любимыми, аллеями. Я ждала его гнева и злости, и как минимум что со мной произойдёт что-то плохое. На меня с него капала вода, пропитывая тонкий халатик и сорочку. Затем на рукав упала красная капля. Потом ещё одна. Я сглотнула. Кровь... я поранила его... Мы молчали, меня начало трясти от этого ожидания беды и от того, что я все же смогла причинить боль ему. Главное, не разрыдаться, мысленно дала я себе установку, только не это.

— За что ты так меня? Разве сделал я тебе что-то плохое? — Его голос бы тускл.

— Ты предал меня.

— Я выбрал правильную сторону.

— Вот и оставайся на ней, — слезы все же прорвались сквозь мои убеждения. Я прижалась лбом к деревянной двери. — Только без меня...

— Сокровище, ну это же я... и я рядом сейчас...

Меня попытались обнять. Я вывернулась и вперила в него гневный взгляд.

— И что с того, что ты сейчас тут? А где ты был все эти пять лет? — Он молчал, грустно поглядывая на меня. — Ты — не Саймон! Ты Ирбис! Ты — не тот, которого любила я. Ты жёсткий и... — Я потерялась от его странного пронизывающего взгляда, он смотрел на меня очень печально... он просил прощения. Я выдохнула. Его волосы были мокрыми и прилипли к лицу, а по щеке стекала кровь.

— Я тоже тебя люблю.

Это стало последней каплей. Да как он мог говорить мне такое сейчас? После стольких лет? После всего что было тут, в этом доме, в этой комнате? Я почувствовала, как моей терпение покидает меня, я почти упала на пол и разрыдалась. Я спрятала руки в ладони и плакала. Потому что если это была правда, то это было даже хуже, чем если бы сейчас он сказал, что ему плевать на меня и он убьёт меня. Потому что мы не могли быть вместе никогда. Саймон присел рядом и попытался меня обнять, Я взвыла, сбрасывая его руки и впечатала ему кулаком в плечо, потом ещё раз.

— Это ты виноват! Зачем? Зачем ты появился в моей жизни!

Он сгрёб меня в охапку и прижал к себе, поглаживая по волосам и спине. В этих крепких и таких родных объятиях я успокоилась так быстро. Сначала я правда пыталась брыкаться, но выбраться самостоятельно из его объятий было невозможно.

— Сокровище моё... Аселия, — моё собственное имя звучала из его уст так красиво, с такой нежностью и лаской, что у меня помимо воли потекли слёзы из глаз, — я скучал по тебе. Я искал тебя все эти годы. Я возглавил отряды по зачистке тёмных и каждый раз обходя трупы тёмных, я боялся, что найду тебя там...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тогда зачем? Зачем ты всё это делал? Почему ты тогда не ушёл со мной? — Тихо переспросила, тоже обнимая его, прижимаясь крепче, вдыхая терпкий мужской аромат, слушая стук его взволнованного сердца и наслаждаясь теплом его тела. На душе несмотря ни на что было спокойно. Я верила ему и его словам, меня больше не терзала боль, так лёгкие недомогание на тему того, что мы как в какой-то сказке про любовь никогда не сможем быть вместе. Но сейчас-то мы были тут, и мы были вместе.

— Я был глуп. Тогда я не смог пойти против друзей, надеясь, что моё увлечение тобой растает как дым на следующий день. Но этого не произошло, как видишь. — Он заглянул мне в глаза, я робко улыбнулась ему. В его глазах снова плескалось тёплое летнее небо. Саймон наклонился и коснулся моих губ, его губы были сильнее, властнее, чем тогда, а поцелуй слаще. Он захватил меня полностью. Сквозь дымку сладостного счастья я услышала шум за дверью.

— Ирбис? Ты тут? — Раздался где-то рядом зычный мужской голос.

— Черт, — Саймон подскочил на месте, — Садись на кровать.

Я поднялась с пола и перебралась на кровать, он же, вмиг став из тёплого домашнего Саймона жёстким и собранным Ирбисом, вышел за дверь и закрыл её за собой. Изнывая от любопытства, я на цыпочках подошла ближе и прислушалась.

— Что с домом? — Это Саймон.

— Он наш. Слуги в камерах.

— Отлично. У меня есть артефакт, так что собирай людей, через минут десять будет выдвигаться.

— А эта... Сэлл?

— Она тут, я ей займусь. Сюда не подниматься никому, ясно?

Они закончили говорить, и я метнулась снова на кровать, изображая, что я тут и сидела. Саймон зашёл внутрь и закрыл дверь. У него был озабоченный вид.

— Уже уходите?

Как бы я не хотела, в моем голосе слышала какая-то детская обида. Он снова собирался бросить меня...

— Не переживай, — он подошёл ближе, погладив по щеке, — я обязательно за тобой вернусь.

— Зачем тебе артефакт? — Саймон нахмурился. — Да, я подслушивала. Ты вообще-то ворвался в мой дом и устроил тут черте что. Кстати, как ты это сделал?

Кажется, его это повеселило: и моё признание в подслушивании, и все остальное.

— А ты не догадываешься?

Я развела руками:

— Там везде охранные амулеты, любая бы ваша попытка сразу была замечена.

— Фокус в том, что нас было не пятеро, а шестеро.

— Что?..

— Не все метаморфы превращаются в зверей, есть те, кто в людей, и могут корректировать свою вторую ипостась. И ещё твой универсальный ключ.

Значит тот шум в спальне, пока я мылась, не показался мне, кто-то проник и забрал мой ключ. Ну что ж, я и правда была не готова к такому.

— Хитро...

— Тебе лучше сидеть тут тихо, пока мы пойдём по делам. Я сказал своим людям, чтобы они сюда не совались, но если и ты не будешь шуметь, никто не пойдет проверить, что за дела, ясно?

— Не указывай мне, что делать, — отмахнулась я от него, он развернул меня к себе.

— Я серьёзно. Я и так подставляю себя, прикрывая твою спину и то только из большой любви к тебе, а иначе бы ты была уже мертва.

— Вы были тут не случайно, да? — Вдруг мелькнула такая мысль, — тебе нужен был этот артефакт, вы искали его! Ты меня используешь?

— Да, то есть нет... — Саймон всплеснул руками. Я почувствовала, как начинает темнеть в глаза от злости, я только начала ему верить. — Да, мы искали артефакт и нам посоветовали поискать тут, но я то уж точно не мог предугадать нашу встречу тут. Так что не заводись.

Я протянула руку к ближайшей тумбочке и хмуро ухватила на статуэтку кажется.

— Сокровище моё, прекрати это.

Статуэтка полетела над его головой. Он успел присесть. Одним рывком он, словно зверь, выпрыгнул на меня снизу, и не успела я опомниться, как он уже поставил меня посреди ванной, а сам, прикрываясь дверью, счастливо улыбался мне:

— Сиди тут, — он начал закрывать дверь, я схватила ближайшую склянку и зарядила в дверь.

— Не указывай мне! Я не твоя!

Саймон стер кровь с щеки оцарапанной осколком.

— Моя. Моя пленница. Так что не бузи, любимая.

Я зарычала и оглянулась в поисках чего-нибудь ещё.

— Щас я покажу тебе любимая. С любимыми так не обращаются! Не держат пленниками в собственном доме!

Я снова зарядила в него склянку, но в этот раз он вовремя прикрыл дверь.

— Попробуешь сбежать в окно, тебе несдобровать.

— Да как ты смеешь!

— Ах да, — Саймон закрыл дверь, но потом вернулся и задумчиво поглядел на меня и потом произнёс, — у тебя прекрасный вкус, дом просто потрясающий.

— Ах ты...

Я начала озираться в поисках баночки, но он уже закрыл дверь и судя по всему чем-то придвинул её. Выхода отсюда больше не было. Только через спальню... вот же... а я только подумала, что все может наладиться.

Глава 9. Поиски

Ирбис, оправляя одежду, вышел на крыльцо дома, позади него стояли трое его людей и нетерпеливо ожидали его приказаний. В голове у самого метаморфа спутанные мысли то и дело возвращались к маленькой, но очень хорошенькой девушке, что осталась недовольно рычать на него в ванной. Против его воли на губах у него скользнула довольная улыбка, он снова нашёл её и уж точно теперь она никуда от него не денется, даже если ему это будет стоить всего, что у него уже есть. Но дело есть дело.

— Начнём? — Барн, медведь, переминался с ноги на ногу в нетерпении.

— Да, — Ирбис вытащил из кармана артефакт и приложила его к своему лбу посылая изображение девушки, затем подбросил артефакт в воздух. Тот завис над его головой, мягко светясь, четыре пары мужских глаз неотрывно следили за ним. — Найти объект.

Артефакт остался стоять на месте, казалось, что он бездействует.

— Он точно работает?

— Работает, — успокоил Барна Ирбис, — Я его проверил.

— Господин, объект найден. — Откликнулся артефакт.

— Отлично, — Ирбис победно ухмыльнулся, наконец-то, она будет у них, — Гир, Ювий, Настраивайте портал.

Остальные два парня достали несколько камней из мешка и разложили их на земле, после того как все объекты заняли своё место над ними появилось голубоватое сияние — портал.

— Сонастройся с порталом, — приказал артефакту глава метаморфов, маленький шарик коснулся портала, затем оповестил хозяина.

— Господин, найдено два объекта, куда именно направить портал?

— Два? — Недоуменно переспросил Ирбис.

— Два? — Переспросили его подчинённые.

— Ближайший.

— Да, господин. — Артефакт коснулся портала и там вместо сияния появился совсем другой пейзаж, там был заснеженный лес.

— Идём, — Скомандовал Ирбис, первым шагая внутрь. Он был напряжён, как и его команда, ожидая засады. Но все было тихо, это просто был лес. Пустой и тихий лес, они стояли на опушке, с которой выдуло весь снег, так что виднелась только промёрзшая земля. — Ищите.

Четверо мужчин разбрелись по опушке, осматривая каждый кустик, хотя и с недоумением. Понимая, что за ними вряд ли бы спрятался даже ребёнок, не то что взрослая женщина. Сам Ирбис тоже не слишком понимал, зачем артефакт отправил их сюда, и уже собирался уточнить у него координаты, как вдруг за его спиной Ги крикнул:

— Эй, Ирбис, иди сюда, тут могила.

Могила? Остальные, как и Ирбис столпились перед неровным каменным надгробием. Там было выведено: «Здесь похоронена любимая дочь и мать Мариэнн Либрэ».

— Либрэ? — Гир покачал головой. — Имя совпадает, но Либрэ...

— Может девичья фамилия? — Предположил Барн, — Роцки — это фамилия Чарльза, она вышла за него замуж.

— Тогда бы её похоронили под её новой фамилией, — снова возразил Гир.

— Так, хватит, — прервал их спор Ирбис, — ищите что-нибудь ещё.

Сам он тоже отошёл от могилы, намереваясь покинуть опушку и побродить немного по округе. Снег мягко хрустел под его ногами, не мешая раздумьям. Его тревожило, что объект, на который указал артефакт был мёртв, впрочем, как и то, что объектов оказалось два? Похожи? Совпадение? У них одинаковые имена, но неужели ещё при этом одинаковая внешность? Близнецы? Нет, тогда бы имена были разными.

Под ноги что-то попало и Саймон неловко взмахнул руками, едва не потеряв равновесие. Что это? Он наклонился, чтобы разглядеть то, что едва не послужило его падению. Игрушка? Под его ногами лежал глиняный свистунок. Подняв его, Ирбис отряхнул его. Тот был целым, только разве что грязным. Ирбис положил его в карман своей куртки и огляделся. Он был на каком-то пожарище. Вокруг лежали вещи, игрушки, разбитая посуда, истлевшие шторы. Подойдя ближе, он рассмотрел под снегом остовы дома, стены, завалившуюся набок крышу, печь, покрытую копотью, но целую. А вот и дверь, обгоревшая, повисла на нижней петле. Подойдя ближе, Ирбис переступил обугленный порожек и словно бы вошёл внутрь, представляя, как бы выглядел этот дом до пожара. Вот печь, Ирбис подошёл к ней, вот тут, наверное, стоял стол, лавки, а вот тут... Мужчина замер. Кровать. Это была определённо была она. В том углу, поближе к печи, совсем как в... Ирбис отмахнулся от этой мысли. Просто совпадение. Он даже специально подошёл к этому месту, когда вдруг заметил кое-что на полу. Наклонившись, он с трудом оторвал от земли обугленное одеяло, развернул его. Кое-где рисунок был уничтожен, там зияли обгоревшие дыры, но в некоторых местах виднелся узор — солнышки.

«Видишь это одеяло, его сделала бабушка, на нём узоры — солнышки. Бабушка сказала, что от этого оно теплее греть будет, по-детски конечно, но оно и правда тёплое» — в голове Ирбиса звучал тонкий девичий голосок. Может все-таки совпадение? Отбросив одеяло, он прошёлся ещё раз по избушке, пытаясь найти ещё доказательства. Холодало. И вдруг его внимание кое-что привлекло там на печке, в десяти сантиметрах от пола, виднелись буквы. Он присел на корточки и коснулся резаных линий, выцарапанных на побеленной печке чьей-то детской и ещё не очень умелой рукой. «АСЕЛИЯ». Ниже было выцарапано этой же рукой «БАБУСКА».

— Ирбис, ты идёшь?

— Да, сейчас, — крикнул метаморф, вставая с корточек и всё ещё вглядываясь в нацарапанное. Все сомнения были развеяны. Развернувшись, он покинул место пожарища, сжимая в кармане свистульку. Встретившись на опушке со своими подчинёнными, он обвёл их взглядом.

— Артефакт нашёл два объекта, первый мёртв. Вы трое продолжите поиски с артефактом, свяжитесь со мной по подвеске, если что. Я пока вернусь в особняк, оттуда мы выдвинемся домой. Если что там и встретимся. Используйте портал. Все ясно?

Мужчины сосредоточенно кивнули, артефакт был передан, и Ирбис под тремя взглядами скрылся в портале. Вскоре и эти последние обитатели опушке скрылись в мареве своего портала. На опушке только и остался гулять холодный зимний ветер.

Глава 10. До и после

Я почти задремала на пуфике в ванной, когда стук двери меня разбудил. Сонно позёвывая, я посмотрел на Саймона, их не было не так уж долго, я даже успела перебраться

тысячу и один способ сбежать отсюда. Правда все они были неисполнимы.

— Выходи.

Он был задумчив, медленно снял куртку, бросил её на пол, затем со вздохом упал на кровать, видя, что я все также смотрю на него, Саймон похлопал по постели рядом с собой. В грязной одежде прямо на постель... Я все легла рядом, положив голову ему на плечо и обняв рукой. Он пах зимним лесом и почему-то гарью.

— Как твоё дело?

— В пустую.

Он замолк, сверля взглядом балдахин. Расстроен. Надеюсь, это его не мой артефакт подвёл. Я насупилась. Не обязательно говорить со мной грубо, если что-то не получается. Но все же промолчала.

— Все было нормально? — Вдруг спросил Саймон, — Пока нас не было?

— Да... относительно, — я зевнула. — На считая Рэйна.

— А что с ним?

— Он поднимался сюда наверх, грубил мне.

Я поморщилась вспоминая, как сжималась на пуфике, чувствуя ярость и гнев волка. И была так благодарна, что дверь закрыта, а ключ у Саймона.

Саймон удивлённо повернулся ко мне:

— Что он хотел?

— Узнать, любила ли я его когда-нибудь, или в моём сердце всегда был только ты, — патетично заявила я, закатывая глаза.

— И что ты ему сказала?.. Подожди, а при чём здесь он?

— Потому что пока ты лежал в лазарете, он признался мне... в симпатии.

— Симпатии? — Голос Саймона стал жёстче, я встретила его взгляд похолодевших глаз спокойно.

— В любви.

— И что ты ему ответила?

— Ты что, ревнуешь?

Он отвернулся, фыркнув. Ревнует. Внутри полыхнуло радостью, глупо, конечно, но все равно приятно.

— Я тогда ему ничего не сказала. А потом появился ты...

Мы помолчали, затем Саймон сказал:

— Знаешь, я кое-что принёс для тебя.

— Что?

Саймон привстал с кровати и дотянувшись до куртки, поискал что-то в кармане. Затем вернулся в исходное положение, а мне протянул мне какой-то грязный комочек. Я осторожно взяла его в руки. Это оказалась самодельная глиняная свистулька в виде птички. Я такое в детстве сама делала. Я встала с кровати и вскоре вернулась с чистой, чуть влажной глиняной птичкой.

— Спасибо. Это так мило. — Я вертела птичку в руках. — Она напоминает мне о моем детстве.

Поднеся её ко рту, я исполнила простую мелодию, она удалась мне с третьего раза. Я рассмеялась, когда-то мы с мальчишками устраивали целые концерты. Я посмотрела на Саймона, он улыбался мне, но всё равно как-то отстранённо, задумчиво. Я снова легла рядом с ним, греясь его теплом и вертя в руках такую милую вещицу. Интересно смогла бы я

сделать такую же? Хм... А если взять такую форму для артефакта?

— Ты скучаешь по своему дому?

— Что?

— Дом, где ты выросла. Эта та же избушка да? Куда я приходил?

— Почему ты спрашиваешь? — Я повернулась к Саймону, пытаюсь разглядеть на его лице, чем же была вызвана такая заинтересованность моим домом. Но там ничего не было. Я отвернулась.

— Нет, — не зная почему, я соврала. — Это не та избушка. Я выросла совсем в другом месте, а та избушка... я... я просто нашла её в лесу, там никто не жил, и я решила оставить её себе.

— Вот как... и что с ней стало?

— С кем?

— С той избушкой, где ты жила потом? Ты просто ушла и оставила её?

— А, нет. Она сгорела. — Я проследила, как Саймон поднял правую руку к лицу и задумчиво потёр кончики пальцев. Они были черными.

— Что с твоими пальцами?

— Это сажа.

— Сажа?

Внутри что-то тревожно сжалось. Странно все это... И эти расспросы, с чего это его так заинтересовало?

— Да, пришлось побывать на пепелище.

Саймон резко встал с кровати, оставив меня недоуменно смотреть ему в спину, потянулся до хруста в косточках и затем обернулся. На его лице вновь сияла улыбка.

— Ну что сегодня спим вместе?

— Размечтался.

— Жаль, конечно упускать такой шанс, больше такого не предвидится. Завтра мы уже будем в Логове.

— Я в эту дыру не поеду. — Твёрдо сообщила я, возвращаясь взглядом к подарку. Ссориться мне не хотелось, но и ехать в место, где обитает большая часть метаморфов. Ну уж нет... я на такое не подписывалась. Впрочем, на то, что происходит сегодня тоже нет.

— Это не дыра, это наш город. И у тебя нет выбора.

Мы встретились хмурыми взглядами, никто не хотел уступать.

— Зачем?

— Я нашёл великую и неуловимую госпожу Сэлл, я не могу просто так отпустить её и вернуться без неё. Над тобой будет суд.

— Серьёзно? — Я встала с кровати и подошла к метаморфу, чувствуя, как внутри подымается тьма, — Суд? И как же меня будут судить? По вашим дурацким законам? Что меня ждёт? Смерть? Ты мне этого желаешь?

— Тише говори, в доме мои люди. — Саймон взял мои руки в свои ладони, я пыталась забрать их, но он был сильнее, — Послушай, — он снизил голос до шёпота. — Я не хочу твоей смерти, я придумаю что-нибудь, чтобы спасти тебя, но пока доверься мне, хорошо? И не пытайся сбежать, дорогая моя.

Я была расстроена. Я не могла просто так взять и довериться ему, я его пять лет не видела. Мне хочется, но я боюсь... Тут речь идёт о моей жизни.

— Я постараюсь, — также шёпотом ответила я. Он с улыбкой поднял мой подбородок и

нежно коснулся губ поцелуем, а потом ушёл. Чуть позже мне принесли еду. Кушая свой ужин, я даже пристыдилась немного, я-то собиралась их морить голодом. Эх... и почему все так обернулось? Я могла сейчас сидеть в столовой и кушать нормально свой ужин, а не в спальне за трюмо. Что ж, может хоть сон меня не подведёт сегодня...

Закончив с ужином и вечерними ритуалами красоты, я наконец легла спать. Ночь пролетела как один миг. Утром я встала выспавшаяся и свежая. На столе меня ждал завтрак, он меня манил своим ароматом, но я решила сначала привести себя в порядок и переодеться. Стоило мне закончить, как в дверь зашёл Саймон.

— Доброе утро, любимая, — Хм, а это приятно слышать. Вот бы так было каждый день... Я улыбнулась ему, садясь за стол и начиная завтракать. Неужто они не тронули повара, а то завтра к такой же вкусный, как и вчера. Я отпила горячий шоколад, распробовала. Как всегда очень вкусно. Я допила его до дна. Всегда так делаю...

— Я рад, что ты оделась по-походному. Нам предстоит долгий путь. — Голос Саймона был позади меня, но почему-то слышался так глухо. Я поморгала, что это все так расплывается.

Я почувствовала, как сзади меня обнимают, Комната поплыла, звуки отдалялись... Сменился пол, потом потолок, это кажется кровать.

— Вот так лучше... — Услышала я голос Саймона, но подумать, к чему же он это сказал не успела.

Глава 10. До и после

Я почти задремала на пуфике в ванной, когда стук двери меня разбудил. Сонно позёвывая, я посмотрел на Саймона, их не было не так уж долго, я даже успела перебрать тысячу и один способ сбежать отсюда. Правда все они были неисполнимы.

— Выходи.

Он был задумчив, медленно снял куртку, бросил её на пол, затем со вздохом упал на кровать, видя, что я все также смотрю на него, Саймон похлопал по постели рядом с собой. В грязной одежде прямо на постель... Я все легла рядом, положив голову ему на плечо и обняв рукой. Он пах зимним лесом и почему-то гарью.

— Как твоё дело?

— В пустую.

Он замолк, сверля взглядом балдахин. Расстроен. Надеюсь, это его не мой артефакт подвёл. Я насупилась. Не обязательно говорить со мной грубо, если что-то не получается. Но все же промолчала.

— Все было нормально? — Вдруг спросил Саймон, — Пока нас не было?

— Да... относительно, — я зевнула. — На считая Рэйна.

— А что с ним?

— Он поднимался сюда наверх, грубил мне.

Я поморщилась вспоминая, как сжималась на пуфике, чувствуя ярость и гнев волка. И была так благодарна, что дверь закрыта, а ключ у Саймона.

Саймон удивлённо повернулся ко мне:

— Что он хотел?

— Узнать, любила ли я его когда-нибудь, или в моём сердце всегда был только ты, — патетично заявила я, закатывая глаза.

— И что ты ему сказала?.. Подожди, а при чём здесь он?

— Потому что пока ты лежал в лазарете, он признался мне... в симпатии.

— Симпатии? — Голос Саймона стал жёстче, я встретила его взгляд похолодевших глаз спокойно.

— В любви.

— И что ты ему ответила?

— Ты что, ревнуешь?

Он отвернулся, фыркнув. Ревнует. Внутри полыхнуло радостью, глупо, конечно, но все равно приятно.

— Я тогда ему ничего не сказала. А потом появился ты...

Мы помолчали, затем Саймон сказал:

— Знаешь, я кое-что принёс для тебя.

— Что?

Саймон привстал с кровати и дотянувшись до куртки, поискал что-то в кармане. Затем вернулся в исходное положение, а мне протянул мне какой-то грязный комочек. Я осторожно взяла его в руки. Это оказалась самодельная глиняная свистулька в виде птички. Я такое в детстве сама делала. Я встала с кровати и вскоре вернулась с чистой, чуть влажной глиняной птичкой.

— Спасибо. Это так мило. — Я вертела птичку в руках. — Она напоминает мне о моем детстве.

Поднеся её ко рту, я исполнила простую мелодию, она удалась мне с третьего раза. Я рассмеялась, когда-то мы с мальчишками устраивали целые концерты. Я посмотрела на Саймона, он улыбался мне, но всё равно как-то отстранённо, задумчиво. Я снова легла рядом с ним, греясь его теплом и вертя в руках такую милую вещицу. Интересно смогла бы я сделать такую же? Хм... А если взять такую форму для артефакта?

— Ты скучаешь по своему дому?

— Что?

— Дом, где ты выросла. Эта та же избушка да? Куда я приходил?

— Почему ты спрашиваешь? — Я повернулась к Саймону, пытаюсь разглядеть на его лице, чем же была вызвана такая заинтересованность моим домом. Но там ничего не было. Я отвернулась.

— Нет, — не зная почему, я соврала. — Это не та избушка. Я выросла совсем в другом месте, а та избушка... я... я просто нашла её в лесу, там никто не жил, и я решила оставить её себе.

— Вот как... и что с ней стало?

— С кем?

— С той избушкой, где ты жила потом? Ты просто ушла и оставила её?

— А, нет. Она сгорела. — Я проследила, как Саймон поднял правую руку к лицу и задумчиво потёр кончики пальцев. Они были черными.

— Что с твоими пальцами?

— Это сажа.

— Сажа?

Внутри что-то тревожно сжалось. Странно все это... И эти расспросы, с чего это его так заинтересовало?

— Да, пришлось побывать на пепелище.

Саймон резко встал с кровати, оставив меня недоуменно смотреть ему в спину, потянулся до хруста в косточках и затем обернулся. На его лице вновь сияла улыбка.

— Ну что сегодня спим вместе?

— Размечтался.

— Жаль, конечно упускать такой шанс, больше такого не предвидится. Завтра мы уже будем в Логове.

— Я в эту дыру не поеду. — Твёрдо сообщила я, возвращаясь взглядом к подарку. Ссориться мне не хотелось, но и ехать в место, где обитает большая часть метаморфов. Ну уж нет... я на такое не подписывалась. Впрочем, на то, что происходит сегодня тоже нет.

— Это не дыра, это наш город. И у тебя нет выбора.

Мы встретились хмурыми взглядами, никто не хотел уступить.

— Зачем?

— Я нашёл великую и неуловимую госпожу Сэлл, я не могу просто так отпустить её и вернуться без неё. Над тобой будет суд.

— Серьёзно? — Я встала с кровати и подошла к метаморфу, чувствуя, как внутри подымается тьма, — Суд? И как же меня будут судить? По вашим дурацким законам? Что меня ждёт? Смерть? Ты мне этого желаешь?

— Тише говори, в доме мои люди. — Саймон взял мои руки в свои ладони, я пыталась

забрать их, но он был сильнее, — Послушай, — он снизил голос до шёпота. — Я не хочу твоей смерти, я придумаю что-нибудь, чтобы спасти тебя, но пока доверься мне, хорошо? И не пытайся сбежать, дорогая моя.

Я была расстроена. Я не могла просто так взять и довериться ему, я его пять лет не видела. Мне хочется, но я боюсь... Тут речь идёт о моей жизни.

— Я постараюсь, — также шёпотом ответила я. Он с улыбкой поднял мой подбородок и нежно коснулся губ поцелуем, а потом ушёл. Чуть позже мне принесли еду. Кушая свой ужин, я даже пристыдилась немного, я-то собиралась их морить голодом. Эх... и почему все так обернулось? Я могла сейчас сидеть в столовой и кушать нормально свой ужин, а не в спальне за трюмо. Что ж, может хоть сон меня не подведёт сегодня...

Закончив с ужином и вечерними ритуалами красоты, я наконец легла спать. Ночь пролетела как один миг. Утром я встала выспавшаяся и свежая. На столе меня ждал завтрак, он меня манил своим ароматом, но я решила сначала привести себя в порядок и переодеться. Стоило мне закончить, как в дверь зашёл Саймон.

— Доброе утро, любимая, — Хм, а это приятно слышать. Вот бы так было каждый день... Я улыбнулась ему, садясь за стол и начиная завтракать. Неужто они не тронули повара, а то завтра к такой же вкусный, как и вчера. Я отпила горячий шоколад, распробовала. Как всегда очень вкусно. Я допила его до дна. Всегда так делаю...

— Я рад, что ты оделась по-походному. Нам предстоит долгий путь. — Голос Саймона был позади меня, но почему-то слышался так глухо. Я поморгала, что это все так расплывается.

Я почувствовала, как сзади меня обнимают, Комната поплыла, звуки отдалялись... Сменился пол, потом потолок, это кажется кровать.

— Вот так лучше... — Услышала я голос Саймона, но подумать, к чему же он это сказал не успела.

Глава 11. Лейла

Я открыла глаза, садясь и придерживая голову рукой. В неё словно налили металла, такой тяжёлой она ощущалась. Последнее что я помнила, я была в спальне, пила горячий шоколад, а потом... Все начало расплываться, и я, кажется, потеряла сознание. Сквозь пальцы я увидела тёмный земляной пол, утопанный до гладкого состояния. Где это я?

Я подняла голову, чтобы оглядеться, изредка морщась от тяжести в голове и ещё от голода, в желудке заурчало. Я была в камере. Это была первая плохая новость. Вторая заключалась в том, что эта темница не была похожа на ту, что была в моем доме. Тут было плохое освещение, холодно, антисанитария и просто плохие условия. Что я тут забыла? И почему не помню, как оказалась тут?

Пока я осматривалась, расхаживалась и усиленно напрягала память в попытке вспомнить хоть что-то, происходило — ничего. Камеры напротив были пусты, по бокам вроде бы тоже, ничего не было слышно и видно, потому что светильники явно делал какой-то криворукий маг. Светили они плохо, с перебоями и наверняка в самый нужный момент переставали работать. Ещё одной плохой новостью оказалась деревянная скамья, кстати, не очень широкая. Видимо на ней мне предстояло спать, и видимо поэтому моя спина так ныла сейчас. Сколько я тут провалялась?.. Но самой печальной новостью из всех оказался — браслеты. Широкие металлические браслеты, сковывающие каждую из моих рук. Выглядит как украшение, хоть и не изысканное, но мощный охранный артефакт. Моя же разработка. Он не выпустит меня из тюрьмы, он не даст мне реагировать агрессивно и ещё поможет найти, если всё же мне удастся как-то обмануть его и сбежать. В первый раз в жизни мне вдруг захотелось уметь отключать собственные артефакты, не знаю, придумать им кодовое слово, чтобы их не использовали против своего же создателя. И самое интересное, браслет и правда без изъяна, никак его не обманешь и не снимешь. Вот за что они так со мной?

Раздались шаги по коридору, рядом с решёткой появился Саймон, он белозубо мне улыбнулся, я же не разделяла его хорошего настроения.

— О, ты уже проснулась. Я рад.

— Я не очень. Где я? И что это все значит?

— Это тюрьма в Логове. А ты заключённая, которую ожидает суд.

— И как же я сюда попала?

Саймон опустил глаза:

— Я подмешал тебе в горячий шоколад снотворное. Нам нужно было выдвигаться, и так было проще. Ты не сбегала, не дерзила, а просто проспала весь путь. К тому же так положено делать, чтобы враги не узнали, где расположен наш город.

— Сколько раз ты обновлял снотворное, позволь спросить?

Пауза. Молчание. Вздох.

— Шесть.

Я прикрыла глаза. Не кричать. Хотя это объясняет головную боль.

— Саймон, ты... — я поджала губы, но все же решилась, — ты идиот. У меня голова теперь тяжеленая и болит. Нельзя так часто давать снотворное.

— Буду знать, — он с улыбкой развёл руками. Он что и правда решил, что от того, что он поулыбается мне после своих ошибок, то я сразу прощу его?

— Почему бы тебе просто не сказать, что надо так сделать и все? Зачем делать это тайком?

— Ты бы не огласилась.

— Зато бы я знала. И это было бы честно.

— Я сделал как надо было. Я поступил правильно.

— Опять, — взвилась я, — опять ты со своим «правильно». Твоё правильно учитывает только твоё мнение, но никак не моё. А если будет «правильным» убить меня? Как ты поступишь?

Саймон нахмурился, в её глазах проступил лёд. Ох, тоже мне нашёл кого пугать и чем? Грозными глазками.

— Знаешь, что, Саймон? Я считаю, что мне правильно стоит перестать с тобой разговаривать сейчас, а то у меня сейчас браслет докрасна раскалится так мне хочется надеть на твою голову эту скамью. О и знаешь ещё что? Я думаю, я поступлю ПРАВИЛЬНО.

Я развернулась к нему спиной, руки ныли от браслетов. Меня же переполняли эмоции, в основе своей негативные.

— Я принёс тебе твою свистульку.

Стук падающего предмета на пол. Удаляющиеся шаги. Посидев немного, я встала и подобрала с пола свистульку. И зачем он её притащил сюда? Вряд ли охрана разрешит мне тута насвистывать песенки? Я рассматривала её, взглядывая в трещинки, сколы, нарисованные глаза и странный клюв. Внизу на ножках я почувствовала пальцами словно бы царапины. Странно, почему я не видела их раньше. Я развернула птичку и подойдя в решётке поближе, под свет шаров, попыталась разглядеть что-то. Кажется, это были буквы. Вторая точно С. А первая... Хм... Похоже на А. АС. Чтобы это значило. Сделано явно детской рукой, наверное, какой-то ребёнок подписался на игрушке, когда сделал её. Я, когда была маленькая, на всем подряд выцарапывала своё имя.

АС.

От лица отлила кровь, в голове всколыхнулись воспоминания. Я была не очень усидчивым ребёнком, и мне было лень везде выводить своё полное имя, тогда бабуля предложила мне писать первые две буквы своего имени — АС. Я ещё раз посмотрела на птичку. Не может быть, чтобы это была птичка из моего детства. Совпадение? Насколько я помню, последний раз бабушка убрала все мои игрушки на чердак, да так до пожара они там и лежали. Где же тогда Саймону взять игрушку с такими же инициалами?

Сердце сжало тревогой.

Дом, где ты выросла. Эта та же избушка да? Куда я приходил?

...

Она сгорела.

...

Что с твоими пальцами?

...

Это сажа.

...

Пришлось побывать на пепелище.

Я вернулась на скамью. У него был такой задумчивый взгляд. С чего ему вообще спрашивать меня о моем доме? Ещё эта свистулька? Что всё это связывает с Саймоном? Он спрашивал, потому что знал? Мои размышления прервал звук шагов, однако не такой

уверенный и чёткий как у Саймона. Я смотрела в коридор, ожидая гостя и раздумывая кто бы это мог быть, если не Саймон. Передо мной появилась женщина, она была высока, выше меня точно, на её лице отображалась брезгливость и что-то ещё непонятное мне. Она остановилась рядом с моей камерой и смотрела прямо на меня, так что у меня не было сомнений что она пришла именно ко мне. Но кто она? Её лицо казалось мне знакомым, но лишь немного. Светло русые волосы, собранные в пучок, темно серые глаза, красивая кожа, облачена в дорогое пальто, манто в руках, сапожки. Из обеспеченной семьи — это видно и украшения при ней и меха. Чем же её заинтересовала моя скромная персона?

— Ну здравствуй, Аселия. — Стоило ей только открыть рот, как я сразу её вспомнила. Лейла. Ого, а я и не знала, что она изменилась... она была старше меня, но не настолько. Такое ощущение, что она лет на 5-10 выглядит старше, чем есть на самом деле. И кажется, то чувство на её лице, что я не смогла распознать сразу — это отвращение. Ко мне.

— И тебе здравствуй, Лейла.

Я вернулась взглядом к свистулке. Что ей надо? Разговор о девичьем? Это вряд ли. Единственное, что её правда волновало всегда — это Саймон, так что скорее всего она пришла именно поэтому.

— Зачем ты тут?

— Из-за тебя.

— А конкретнее?

— А конкретнее я советую тебе держаться от него подальше.

Ооо, пошли угрозы... Да ещё так сразу в лоб. Никакой тактичности, как и брат, Лейла всегда была прямолинейна, не вуалировала ни угрозы, ни свои мысли. Что в голове, то и на языке.

— Не понимаю, о чём ты, — я сделал невинную рожицу ей.

— Ирбис. Слишком много внимания тебе, внезапно объявившейся на нашем с ним пути, мне это не нравится.

— Так и скажи это ему, а не мне. Я на него никаких видов не имею.

Я развела руками. А даже если бы и имела, зачем мне это рассказывать тебе?

— Я скажу, он же мой муж всё-таки, он слушает меня.

Она произнесла это с таким нескрываемым самодовольством и даже гордостью, что я взгляделась в её лицо, ожидая подвоха, но нет... она и правда гордилась этим фактом. Да уж...

— Насколько я помню, Ирбис не женат.

— Мы живём с ним вместе много лет. И спим тоже.

Я поморщилась. О да, прямолинейность. Бестактность. Тоже мне нашла достижение. Порой эти «живём с ним вместе много лет», могут не нести никакой смысловой нагрузки и уж точно не удержат мужчину, если он не любит женщину.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты знала. Он нравится тебе, я знаю, один раз ты чуть не увела его у меня. Второй раз я этого тебе не позволю.

Я усмехнулась, но тут же стёрла улыбку. Не стоит, наверное, ей говорить про его страстные признания, про его то, что я «все эти годы искал тебя и любил тебя, Аселия».

— Да? — Я встала со скамьи и подошла к решётке, — и как ты собираешься мне помешать? Я и так тут в тюрьме сижу, и меня собираются судить. Чем ты сможешь мне угрожать? Что может быть хуже этой дыры, вашего Логова, вашей судебной системы и всего

этого?

— Я убью тебя.

— Это серьёзное заявление, — я улыбнулась, я отнюдь не боялась всех этих её угроз. Они выглядели смешно и жалко. — По-моему тебе стоит сначала поговорить с Ирбисом, вдруг он расстроится, если его сокровище убьют. Может тебе лучше нам не мешать?

Она прищурилась, по лицу Лейлы пошли красные пятна, она поджала губы.

— Ах ты! Безродная выскочка. Ну ничего, я найду на тебя управу.

— Как скажешь.

Я осталась в тишине камеры. Зачем я стала её выводить из себя? Мне так нужен Саймон или я до такой степени не готова уступать в принципе? Или уступать его ей? Я покачала головой. Безумие, как есть, безумие. Чего ей вообще надо, ну живёт она с ним, ну спит она с ним, меня-то зачем впутывать. Я на нем не вишу, умоляя быть со мною, не упрашиваю. Это его личное решение, и вряд ли я могу ей помочь. А если он снова не принадлежит ей в душе, то это не моя вина, и я ничего не могу изменить. Значит, не судьба. Хоть мне её немного и жаль... Столько лет любить, хоть так дико и примитивно, но все же, а в итоге явится какая-то «безродная выскочка» и уведёт, того, кто тебе дорог. А все потому что он никогда её и не был.

Глава 12. Инцидент

Сколько времени прошло с тех пор, как я оказалась в этой тюрьме? Я бы хотела знать. А ещё что сейчас, утро или ночь? Мой сон явно сбился, и спала я явно не попадая в ритмы природы, единственное что было циклично — это еда. Кувшин с водой, кусочек хлеба и что-то вроде похлёбки, ужасно на вид, но не слишком плохо на вкус. Особенно когда ты голоден как волк. Пищу приносили трижды с тех пор как ушла Лейла, после третьего приёма прошло около часа или коло того, когда явился Саймон. Он был задумчив, отстранён и как-то странно на меня поглядывал.

— Как твои дела?

— Кормят неплохо, жить в принципе можно. Если бы ещё не угрожали со всех сторон лишиться этой самой жизни, то вообще прекрасно было бы.

Он сдержано улыбнулся. Губы раздвинулись, обнажая зубы, но глаза всё ещё витали где-то в другом месте и в веселье участвовать не собирались. Что его тревожит?

— Увы, это же тюрьма, тут всегда так бывает.

— Я не только об этом. — Все обдумав, я решила, что стоит все же сообщить ему. — Я о твоей жене.

Я внимательно следила за выражением его лица. Вот он оторвался от внутреннего созерцания чего-то там и удивлённо посмотрел на меня.

— Жене? Я не помню, чтобы венчался с кем-то.

— Я вроде тоже из доносов такое не помнила, но вот Лейла доказывала мне на днях, что ты ей муж.

— Она часто так говорит, не обращай внимания. Доносов?

— Да, я следила за тобой. Особенно последние пару лет.

— То есть ты знала, где я и кто я?

— Конечно. Я же говорила Рэйну, хорошая разведка — на вес золота.

Я почувствовала себя неприятно под его взглядом. Он снова вернулся в свою задумчивость, как будто бы ставшую ещё глубже. Ну что ж, моя очередь переходить в наступление.

— Это правда, что вы вместе с Лейлой?

Я отвела взгляд в сторону, словно бы спросила это просто так мимоходом.

— Да.

— Давно?

— Почти пять лет.

Саймон отвечал спокойно, не кичась этим и не стесняясь, хотя меня и поражала эта спокойность. Он это говорит девушке, которой признался в любви.

— Тебя это волнует?

— Ты признался мне в любви и хочешь, чтобы я была с тобой, но выясняется, что у тебя есть женщина, с которой ты живёшь и даже... хм. — Я замаялась, не желая опускаться до Лейлы и перебирать чужое грязное белье вслух. — Я просто не знаю, как мне реагировать на такое.

— Лейла — это моя проблема, и я с ней разберусь сам, хорошо? Не бери в голову.

— Она не проблема... Она девушка.

— Ты не знаешь её и всего в целом.

Мы встретились с Саймоном взглядом. Воцарилось молчание. Он был прав, если раздумывать логически, но внутри меня терзали сомнения. Не сможет он после пяти лет просто взять вот так и разорвать с ней, к тому же чтобы не возникло толков ни среди метаморфов, и чтобы при этом, она не возненавидела меня. Да и вообще почему он был с ней, если любил якобы меня? Зачем он с ней был? И есть сейчас? Где правда?

— Ты делаешь хорошие артефакты, ты знаешь? — Саймон, не отрывая взгляда от пола произнёс эти слова, звучало это как-то подозрительно. Словно он готовился к серьёзному разговору. То, собственно, зачем он сюда и пришёл. Я напряглась, мне это не нравилось.

— Да, я знаю. И мне жаль, что их используют против своего создателя...

Я вздохнула и потрясла руками с браслетами.

— Что?.. Их сделал вообще-то один хороший артефактор, и он не тёмный. Его зовут...

— Лэсс. Ага, а наоборот Сэлл. Кармайл говорил, что это презабавная шутка. Делать одни и те же артефакты для обеих сторон, просто называть их по-разному. Эти вот Наручи Правосудия, именуемые Наручи Боли неплохо покупали тёмные.

Молчание и снова этот зверский взгляд. По телу пробежали мурашки.

— Ну что ж... Это объясняет, что этот Лэсс перестал выходить на связь. Хотел бы я сейчас собрать бы все эти артефакты, да выкинуть, а то мало ли чего...

— Так выкинь. Хотя, признаюсь, я свою работу выполняла честно, никогда не обманывала ни со сроками, ни с качеством. Как видишь, даже сама не могу из них выбраться.

Мне и правда было обидно, скидку на одну из сторон я никогда не делала.

— Это хорошие вещи. Ты артефактор каких мало, алмаз. Хм... не ожидал, конечно. — Какая-то странная усмешка, вроде и восхищение мною, а вроде бы и разочарование? — Но я говорил про тот артефакт, что я взял для своего дела.

— Он помог тебе?

— Ага, он так хорош, что даже мёртвых ищет. Один раз привёл меня к могиле.

— Да, это он может. Я специально так настроила его. Так можно найти, например, кого-то пропавшего, если не знаешь, где его убили и прикопали.

— Единственное, что мне не понравилось во всем этом деле — это ты.

Его глаза посмотрели на меня, я замерла. Мурашки залпом появились в районе ног и быстро побежали вверх. Стало холодно. Захотелось съёжиться под его взглядом. Так, спокойно, не надо паниковать, может быть он имел что-то другое?

— Я? — Я попыталась отшутиться, — а я-то при чем тут?

— Все ниточки ведут к тебе. Мы искали одну женщину Мэриэнн, — сердце пропустило удар, — а через неё её мужа. И первый раз нашли могилу некой Мариэнн Либрэ, а рядом пепелище... — Он замолк и отвёл глаза. Я уже знала, что он скажет дальше. — Твоей избушки, той, где ты выросла и куда приходил я. Я нашёл там надпись твоего имени, выведенную детской рукой на печи, и ещё одеяло с солнышками. Ты показывала его мне.

— Это может быть просто совпадение...

Мои слова звучали жалко. Зачем я ему вру?..

— Да? — Его взгляд стал ещё холоднее, — Тогда слушай дальше. А потом мы нашли Мариэнн, у которой, как оказалось, была сестра близнец и которая погибла. А её муж очень похож на тебя. Глаза, лицо и родимое пятно на ладони. Возможно, он даже твой отец.

Я взглянула на пятно на ладони и встретила прямой взгляд Саймона.

— И что?

— Зачем ты мне врёшь?

Я вздохнула.

— Ты мне угрожаешь, вот и все. Давишь.

— Я не давлю.

— Давишь. — Я встала и подошла к решётке, так что теперь мы были так близко друг от друга. От него пахло свежестью и свободой. Теперь он был моим палачом, а я пленной. Как быстро, однако сменились роли. — Что я могу тебе на это сказать? Ничего. Да это была моя избушка, доволен? И птичка это моя, я сама её сделала. И да, Мариэнн моя мама, — Он нахмурился, — та, что мертва, а тётя Мэри и Чарльз... я видела их всего один раз.

— И Чарльз твой отец?

— Я так думаю.

— Мы поймали его. Хочешь с ним поговорить?

— Зачем? Когда мы с ним встретились, он узнал меня, но не подал виду. Ему плевать на меня и было плевать на мою маму. Я не собираюсь с ним общаться более, понятно? Не хочу иметь с ним ничего общего. — Саймон молчал. — Ты осуждаешь меня за моё родство с ним? С Мэри? Не моя вина, что я родилась в такой семье.

— Ты знаешь, что делал Чарльз?

— Откуда мне знать?

— Он насильно обращал в тьму. И обратил очень многих.

Стало холодно, в горле встал ком... за что так, папа? Почему ты достался мне именно такой? Я отвернулась. Несправедливо. Что я сделала такого, чтобы меня оценивали по моим родственникам?

Я озвучила свой вопрос.

— Я не оцениваю.

— Да? — С моей ресницы соскользнула слеза, — а, по-моему, ты мысленно ужасно расстроен этим, что я имею отношение ко всей этой грязной истории.

— Нет, ты не права, — он поймал мою руку сквозь прутья решётки и сжал, его рука была очень горячей по сравнению с моими ледяными пальцами. — Я расстроен, что ты и твоя мать могли стать одними из тех, кто пострадал от него.

Я опустила голову. Это жестоко. Я выдернула руку и забралась на скамейку с ногами, спиной к Саймону.

— Мне нужно побыть одной, Саймон. Спасибо.

Он ушёл. Я сидела и думала, перебирая свои воспоминания, слова Оливии и Саймона с моим отце и тёте. Потом принесли еду. Она немного горчила, но я была голодна и вскоре съела все, запив водой из кувшина. Мне не нравилась эта тюрьма, я устала от всех этим неудобств, от ноющей спины, от невкусной еды и прочего. Слезы сами катились по ему лицу. Через какое-то время после еды я почувствовала какое-то жжение в животе, я встала и походила. Никогда не страдала слабостью желудка, не хватало ещё отравиться тут... но боль не проходила, лишь усиливалась, начало тошнить, одновременно с этим закружилась голова, да так сильно что мне пришлось сесть, чтобы не упасть. Да уж... это что такое со мной твориться? Нехорошее что-то...

Ноги не слушались, когда я встала, меня шатало, внутри разгорался пожар, меня медленно охватывала паника. Что-то происходило и это что-то было очень страшным... я повисла на решётке.

— Стража... — слабость не позволяла мне крикнуть нормально, словно горло стянули ремнём. Я потрясла решётку, потом ещё раз. — Стража!

Крик был слабым, мне же становилось все хуже, опустившись на колени, я сжалась, прося всех мыслимых и немыслимых богов, чтобы они сжалились надо мной и ниспослали мне хоть кого-то. Наконец-то, я услышала что-то. Я прислушалась — шаги.

— Помогите!

Шаги замерли и стали громче. Передо мной появился высокий мужчина в форме стражи. Он брезгливо посмотрел на меняю

— Мне плохо.

— И что?

— Позовите врача...

Он постоял, словно бы раздумывая, делать это или нет.

— Прошу вас...

Наконец, развернулся и ушёл. Я же, привалившись к решётке, слушала звук уходящих шагов... он успеет?... надеюсь да... и все же, неужели меня и правда отравили?... но кто?..

В голове вспыхнуло имя. Лейла.

Ох... не думала, что она способна на такое. В голове темнело, меня охватывала, то отпускала дурнота. Кажется, он не вернётся... я закрыла глаза. Мне показалось, что я слышу своё имя. Кто-то зовёт меня. Потом ещё музыку... но это, наверное, мне уже бредилось.

Глава 13. Отец

Я проснулась он того, что кто-то теребил меня за рукав. Я села. Я так всегда быстрее проспалась, сначала сесть потом приходит в себя, потирать глаза и зевать. Я открыла глаза. Я чувствовала себя хорошо, собственно, а почему бы мне чувствовать себя плохо? Я задумалась, внутри все похолодело. Я в панике оглянулась, но натолкнулась на улыбающиеся глаза Саймона.

— Я?.. Я...

— Уже в порядке.

— Меня пытались отравить.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты в лазарете.

Я оглянулась. И правда похоже на лазарет, белая постель, белые кровати, белые стены, даже стул и тот белый, на котором сидел Саймон. Мы были в небольшой комнате, тут стояло 4 кровати, сейчас они были заправлены и пусты, позади меня были большие светлые окна, пропускавшие солнечный свет. О, как же я по нему скучала. Саймон был аккуратен и причёсан, в белой рубашке, темных штанах, на поясе виднелся кинжал.

— Ты как?

— Я?... — Я прислушалась, я была голодна, меня немного подташнивало, возможно от голода, я бы ещё проспала пару часиков, а так я была в порядке. — Хорошо, намного лучше.

— Я рад, это был сильный яд, спасло тебя только то, что он действует не сразу.

— Она хотела, чтобы я помучилась...

— Она?

— Да... я думаю, что это сделала Лейла.

— Не глупи. Лейла не такая и никогда не стала бы так делать.

Я внимательно посмотрела на него, и он не стал мне возражать. Пусть считает, что хочет о ней, я знаю факты, а фактом было то, что она хотела меня убить, о чём мне и сообщила. А слова уже почти половина действия. Сказать ему или нет об этом?

Дверь приоткрылась, там появился чернявый низкий мужчина, он был смугл, его усы, борода и волосы были черны, как смоль и блестели. Он был одет в белые штаны и рубашку, в его руках были документы.

— Ирбис, к вам пришли.

— Да-да, доктор Мальт, я сейчас.

Дверь закрылась.

— Почему они мне помогают? — спросила я в спину собирающемуся уходить Саймону.

— То есть?

— Я же пленная, преступница... а меня вылечили.

— Сокровище моё, — он вернулся и присев на кровать, взял моё лицо в свои руки. Я потерялась в его взгляде, сердце забилось только от одного этого прикосновения, — мы не звери. Пока ты не осуждена и тебе не вынесен приговор, вне зависимости от твоей принадлежности к темным — ты просто человек. И имеешь права быть вылеченной.

Я вырвалась из его смущающих меня рук.

— О, оказывается вы не дикари... как я считала.

— Ага, — он снова взял меня за подбородок и чмокнул в губы, а потом спрыгнул с кровати. — Жди меня, сейчас вернусь.

И он ушёл. Я сидела посреди кровати и оторопело смотрела в дверь. Когда она открылась, уже всерьёз думала, что вернулся Саймон и уже готова была радостно заулыбаться, но это был тот доктор... как же его имя?

Он внимательно посмотрел на меня и закрыл дверь за собой, потом сел на стул. Я сжалась в кровати, я не верила, что человек, который пропагандирует смерть темным будет меня судить честно и не попытается меня убить, леча.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — я поёжилась.

— Не бойтесь, здесь вас никто не тронет, — не отрываясь от бумаг проговорил доктор. У него был приятный успокаивающий голос с деловыми нотками. — Как живот? Болит?

— Нет.

— Голова? Слабость?

— Немного слабость.

— Голод?

— Есть немного, — в ответ мой желудок забурчал, оглашая комнату своим урчанием. Я смутилась, к тому как я обратила внимание, на мне была только тонкая сорочка и... браслеты. Такой фривольный наряд.

— Это хорошо, значит вы идёте на поправку. Я рад, что вас вовремя вытащили оттуда, ещё немного и противоядие бы не подействовало.

— Ага...

Доктор встал, собрал свои бумаги и уже когда он был на выходе, я сказала:

— Спасибо вам.

Он обернулся и послал мне добрую искреннюю улыбку, отчего у меня сразу повысилось настроение и захотелось сделать что-то хорошее. Может и правда есть люди, которым все равно что я тёмная, и они все же спасут меня?

А потом принесли еду. Нормальную! Наконец-то. Это был просто праздник какой-то, ох... может мне стоит отравиться ещё раз, лишь бы меня так побольше покормили. Мясо отменное и хлеб свежий и суп... ммм... Медсестра, что с улыбкой принесла мне поесть, а потом все забрала, была награждена от меня самым тёплыми словами благодарности и широченной улыбкой. После обеда я упала на кровать и уже готова была задремать от счастья, как...

— А вот и я, — Саймон появился на пороге и бросил мне на одеяло букетик полевых цветов.

— Спасибо.

Интересно, что думали его подчинённые, когда он нёс в палату к тёмной букет цветов, хотя... это не моя проблема, верно? Я вдохнула пряный аромат цветов. Пахли они очень приятно.

— Сегодня тебе можно будет уйти, если ты чувствуешь себя хорошо.

— В тюрьму?

— Да.

— Ох, я чувствую себя плохо... не хочу туда, — я отложила букет на подоконник позади себя. — Там неудобно и плохо кормят. Это надолго? Когда уже суд надо мной?

— Через пару дней.

— Ох, это так долго.

— Не приближай этот день, — укоризненно посоветовал мне Саймон, — я ещё не все сделал так, чтобы освободить тебя.

Неужели он и правда, что-то делает для этого? Я с удивлением посмотрела на него? Однако он снова был задумчив и немного хмурился.

— Тебя что-то тревожит?

— Вообще-то да. Чарльз. — Саймон улыбнулся мне извиняюще.

— А что с ним?

— Сегодня день его казни.

Спину тронул холодок... как он спокойно это сказал.

— И?

— Не бледней так, ты и так бледная после всех этих дней в темнице, — Саймон провёл по моим волосам рукой, я растаяла внутри, но старалась не показать этого снаружи. — У нас есть, как и везде, правило — последнее желание заключённого.

— А если он пожелает, чтобы его не казнили?

— В пределах разумного, — не оценил моего энтузиазма Саймон, я рассмеялась, он наблюдал за мной, пока я хихикала. Меня это так смутило, что я сразу перестала. — Он пожелал поговорить со своей дочерью. С тобой.

Он признал меня дочерью? Поговорить? Со мной? О чем? Зачем? Сотни мыслей пронеслись в моей голове как одна. Во рту пересохло. Мне хотелось сходить и крикнуть ему в лицо, что мне ничего не надо от него, и я не хочу ничего слышать. Ни его извинений — ничего. Так что нам не о чём говорить. Однако мне хотелось услышать извинения, я знала, мне хотелось верить, что все-таки что-то человеческое осталось в нем.

— Когда?

— Через час.

Я спустила ноги с кровати и потянулась.

— Я приду.

— Ты уверена? — Саймон тоже встал и порывисто обнял меня, мне захотелось вырваться, но, подумав, я не стала.

— Да, но мне нужна одежда какая-то. Где моё платье?

— Оно... — Он отвёл глаза, — в общем, когда тебя тошнило... оно испорчено.

— Оу... в чём же мне тогда идти.

— Я подыщу что-нибудь тебе. Жди тут, скоро буду

И он снова ушёл, оставив меня одну. Пожалею ли я об этом разговоре? Или нет?

Платье Саймон и правда нашёл. Темно зелёного насыщенного цвета, тяжёлое и немного маловатое мне. Зато я в нем казалась миниатюрной. После облачения меня вывели из здания лазарета и повели обратно в тюрьму. Я с жадностью разглядывала все вокруг, несмотря на то, что меня подталкивали двое громил, если я задерживалась где-то. Саймон сказал будет меня ждать меня там, так что мне пришлось идти одной с охраной через пол города. Как они вообще успели так быстро дотащить меня до лазарета?

Город был красив. Не город, а даже ближе к деревне. Деревянные дома, мощённые улочки, колодцы, мужчины и женщины в простой одежде и платьях, дети бегают босиком и... деревья. Многие именно дома для жилья были наверху гигантских деревьев. Без магии точно не обошлось, Думалось мне, когда я запрокидывая голову разглядывала в вышине

очередные хоромы. Но все-таки это было красиво. Люди глазели на меня, а я на их, дети даже пробовали бросать в меня камнями, но после окрика охраны и моего нехорошего взгляда с писком бросились в рассыпную и больше досаждали. Здание тюрьмы выглядело так словно это было самое главное здание в городе. Каменное, мощное, одноэтажное, с красивыми воротами. Внутри тоже было красиво. Как я поняла под этим зданием внизу были камеры, а сверху, например, зал суда и прочие важные кабинеты. Бумажная волокита посещала даже метаморфов. Я усмехнулась. Мы спустились вниз и долго бродили по коридорам. Наконец меня привели в просторный зал, посреди него стоял стул, там сидел человек, над его головой светил канделябр со свечами. Свечи охватывали не так уж много пространство, так что по периметру горели ещё факелы. В одном из углов комнаты я заметила Саймона и ещё пару мужчин, они негромко переговаривались. Мужчина на стуле был привязан и наклонён вперёд так, что рассмотреть его лица было невозможно.

— Чарльз, она тут, приступайте. — Крикнул высокий статный мужчина, стоявший рядом с Саймоном, я поёжилась тут все было так неуютно. Чарльз зашевелился на стуле принял нормальное положение. Его было плохо видно, и я, нервничая, подошла ближе. Его лицо было одним сплошным синяком. Глаза подбиты, на скуле синяк, губа рассечена и оттуда на подбородок стекает кровь. Я отвернулась, выдыхая. Желудок скрутило. Его рубашка тоже была в крови.

— Ты пришла.

Его голос был глух и разносился гулко по всему залу.

— Да, это же было твоё желание. — Я ответила гордо, бойко, чтобы показать ему, что я чувствую относительно него, но в конце все же растеряла весь свой запал. С одной стороны, выговаривать все это ему, здоровому мужику, который сделал много чего плохого — было бы честно, но глядя на него сейчас, избитого, со странным блеском в золотых глазах, мне было жаль его. Он скоро умрёт и так, это достаточное наказание, хоть его буду вершить и не я.

— О, да, ты похожа на меня, тот же взрывной характер. Явно не в маму.

— Не смей говорить о маме. Не смей.

— Почему же?

— Ты бросил её одну со мной.

— Если бы я ещё знал о тебе...

Я изумлённо замерла.

— Ты не знал?

— Откуда? Энн уехала и больше я не видел её, видимо, боялась, что я обращу тебя в тьму.

— Ты и так это сделал, — я топнула ногой. — Ты испортил мне всю жизнь! Из-за тебя всю мою жизнь меня отвергали, меня предавали, меня бросали! Просто потому что ты был темным. Твоя кровь отвратила от меня друзей и любимых! Из-за тебя я — тут.

— Не жди от меня извинений, — Чарльз облизнул губы, и я оторопела, я все-таки их ожидала после такой тирады. — Я делал так, как считал правильным.

— И ты туда же... — я покачала головой. — Мужчины.

Сказала это, словно выплюнула и бросила острый взгляд отцу.

— Как тебя зовут?

— Аселия.

— Хм... она назвала тебя в честь моей мамы, забавно... Знаешь, Мэри, когда мы с ней

познакомились, была такой красивой, что я влюбился в неё с первого взгляда. Она приняла тьму добровольно, потому что она была ей близка. А потом я узнал, что у неё есть сестра-близнец. Такая же прекрасная, только вот характер ангельский, не то что Мэри — строптивая, гневлива, вечно все поперёк моего слова. В общем та ещё штучка была...

— Была?..

— Да, они убили её, когда пытались нас поймать. Глупая, пыталась защитить меня.

Меня словно облили холодной водой. Тётя Мэри мертва... убили... по щекам начали катиться слезы, я утёрла их тыльной стороной ладони. Ещё один мой родственник ушёл...

— А твоя мама была не такой. Энн была ангелом. И я её заполучил, правда она ко тьме была настроена негативно и сильно уж сопротивлялась.

Он был спокоен и непоколебим.

— Зачем ты мне это говоришь? Зачем?

— Я исповедуюсь. Это моё право. Тебе — потому что больше у меня никого нет. Моя жена умерла, свою любимую я сломал, и она тоже умерла. Осталась только ты.

— Только не говори, что ты любил мою маму.

— Любил. Тогда да, она воплощала лучшее, что можно любить в женщине, а я просто хотел сделать это ещё лучше. Если бы она стала темной, она была бы со мной навсегда.

— А как же Мэри?

— А что с ней? Она бы поняла, она все мне прощала.

Я закрыла глаза.

— Ты ужасен. Мне так жаль, что ты мой отец. Я так зла на тебя, что мне хочется ударить тебя. За все твои слова, за все твои поступки, за всю ту боль, что мне и маме пришлось пережить из-за тебя. И Мэри.

— Я прошу прощения.

От неожиданности я даже рот приоткрыла немного. Он? Чарльз? Мой отец? Это не снится мне? Он только пару минут назад говорил, что не станет извиняться за это.

— Я не собирался... — Чарльз сплюнул на пол кровавую слюну, — Думал, просто скажу тебе как это было, чтобы ты знала, что мы любили с Энн друг друга, когда была зачата ты. Я сделал ей больно, и она достойно ответила мне, просто развернулась и ушла. Я не посмел идти за нею, потому что знал, что был не прав. Когда я увидел тебя тогда, в парке, я вдруг понял все, но не смог признать. Я знал, что ты меня ненавидишь, так зачем мне тогда говорить с тобой? Но сейчас, глядя в твои глаза, точно такие же как у меня, я вижу то, что могло случиться, будь я другим. Семья, детишки, мы с Энн... — Он горько усмехнулся, в его тоне сквозила боль. — Но все случилось как есть. И я не смог дать тебе и уже точно не смогу то, чего должен был. Прости. Прости за твою маму, твоих друзей и любимых, что отвернулись от тебя. Как тёмный, я рад что моя дочь тоже тёмная и следует по моим стопам. Госпожа Сэлли — это просто... я восхищён тобой.

Чарльз улыбался, а по моим щекам градом катились слезы. Злости, боли, прощения, ненависти и любви одновременно. В голове и в сердце все смешалось.

— Но знаешь, как отец, которым никогда не был, мне больно видеть тебя сейчас тут, знать, что и твоя жизнь также оборвётся, как моя. Жаль, что тебя некому защитить, и я не могу. Да и не смею. Даже если бы меня помиловали, я бы не изменился. Так что моя жизнь должна закончиться тут.

Я закрыла ладонями лицо, сквозь них прорывались рыдания. Это то, что я так долго хотела услышать, так долго ждала... но слушать это было невыносимо и так больно, словно

моё сердце вскрывали ножом.

— Не плачь обо мне. Я заслужил все это.

— Я плачу, потому что мне всегда не хватало отца, и сейчас ты всё это говоришь... — Я вытерла рукавом слезы на щеках, но они продолжали катиться, — и мне тоже больно. Что тебя не было, что ты был там далеко, а не со мной.

— Ты и так выросла славной девушкой.

— Да...

Чарльз улыбнулся мне, слезы хлынули с новой силой.

— Я дам тебе последний отеческий совет, на который способна моя чёрная душа. Не совершай маминых ошибок, не связывайся с такими, как я. Они порвут твою жизнь в клочья.

Я кивнула.

— Время. — В зале раздался крик.

— Мне пора, а ты иди. — Чарльз впился в меня взглядом, а у меня даже слезы застыли на щеках от мысли, что его сейчас не станет. Я рванулась к нему и успела обнять его, прежде чем меня оттащили и поволокли из комнаты. Я смутно помнила свой путь до камеры. Там я просто рыдала, упав на колени, вспоминая последнее, что все-таки успел шепнуть мне на ухо мой отец — «Я люблю тебя». А потом мои страдания словно ножом отрезало. Я поняла — все. Его больше нет. Я осталась совсем одна.

Глава 14. Последнее желание

На следующий день ко мне пришёл Саймон в окружении громил, они молча откланялись мне, чем повергли меня в глубочайшую протрацию. С чего такие почести? После этого громилы также молча ушли, оставив нас с Саймоном наедине. Он же с гордым и каким-то наигранно вдохновлённым лицом развернул бумагу, которую зачем-то держал в руках и с таким же странным лицом зачитал мне:

— Аселия, этим приказом тебе разрешается сделать свой выбор последнего желания. — После этого он несколько секунд созерцал моё удивлённое лицо и наконец расхохотался. — Надо видеть твоё лицо, оно просто восхитительно.

Кажется, у кого-то хорошее настроение. Я укоризненно глянула на смеющегося мужчину, которому в рот похоже смешинка попала.

— Что это вообще было? К чему этот пафос?

— А это... просто. — Саймон снова широко улыбнулся мне, я заподозрила подвох. Такой радостный смеющийся Саймон сильно напоминал мне того Саймона, с которым я познакомилась пять лет назад, и мне сразу тоже захотелось улыбаться. Он вдруг замер, глядя на меня. — Твоя улыбка... такая же, как тогда пять лет назад. Нежная.

Я смутилась. Стоит перевести тему.

— Я думала, что дают загадать последнее желание только тем, у кого казнь.

— Так и есть.

Пауза. Я удивлённо и даже испуганно смотрю на Саймона, а он все также радостно на меня. В голове закрадывается мысль: он радуется моей смерти так сейчас, или что?

— Но ведь суда ещё не было...

— Твоя казнь дело решённое, суд лишь формальность. А об этом необходимо позаботиться заранее. Дело в том, что ты должна загадать что-то особенное, то, что спасёт тебя.

Я встала со скамьи, осточертевшей мне за эти дни, и подошла к Саймону, он глядел на сверху вниз. Мне было страшно.

— Что я должна попросить?

— Не попросить. Согласиться. — Он протянул мне бумагу сквозь прутья. Я ещё раз глянула на него и впиалась глазами в чей-то корявый подчёрк, излишне украшенный завитушками, что выглядело-то, конечно, очень красиво, но текст терял читабельность. «Последнее желание подсудимой... выражено желание стать артефактором на особой службе». Я подняла глаза на Саймона.

— Артефактором на особой службе? Серьёзно? Что это значит?

— Это значит, что ты выходишь из тюрьмы, тебя селят в дом, дают лабораторию и ресурсы, а ты взамен делаешь небольшие, но очень полезные артефакты. Все что от тебя требуется — это твои умения в обмен на твою жизнь

Я отдала ему документ. Это звучало хорошо, но внутри всё же мне не нравилась эта идея.

— И я так понимаю артефакты будут очень редкими, энергоёмкими и такими, что по доброй воли я б никогда за такие не взялась, — пробормотала я, в голове металась мысль. Стоит ли? Да как будто у меня есть выбор? Так хотя бы жизнь будет... Если я умру, это будет

вообще без шансов на все? Правда так тоже до конца жизни пахать на них не охота... Просто отложить срок приговора, вот и все.

— Верно мыслишь.

— И это не отменяет мою казнь, просто отодвигает её на неопределённый срок?

— Тоже верно.

— Как-то нечестно.

— Как есть.

Я вздохнула. Выбор не велик...

— И что я должна сделать?

— Просто на сегодняшнем суде, когда у тебя спросят, ответить согласием вот и все. Не расстраивайся, это лучшее, что тебе могут предложить.

— Я знаю, просто интуиция подсказывает, что это кончится плохо.

— Не верь ей, я постараюсь защитить тебя.

Эти слова бальзамом лились на мою душу, сердце забилось чаще... Я протянула руку сквозь прутья решётки и взяла его руку в свою.

— Спасибо.

Я рада, что была не права на счёт него.

— Тебе спасибо, любимая, — он поцеловал мою руку, — ты делаешь меня лучше.

Суд оказался самым скучным и бюрократичным. Ничего интересного. Все, что от меня требовалось сидеть и молчать, собственно, я могла и не приходить, несколько мужчин что-то обсуждали между собой, ещё один записывал все это в длинный свиток. И все. После этого мне сообщили, что я буду казнена через отрубание головы. Дикари... Ах да, и сказали, что я имею право на своё последнее желание. Именно в этот момент, когда все их внимание было сосредоточено на мне, я встала со своего стульчика и сказала, что согласна быть артефактором на особой службе. Все оживились и суд благополучно закончил на этом, постановив, что моя казнь откладывается и что после выбора надсмотрщика, я сразу перееду к нему. А потом...

А потом случилось нечто.

— Я, предлагаю себя на роль надсмотрщика для подсудимой. Я смогу выделить несколько комнат ей для работы и смогу докладывать о ходе работ сразу же.

Тишина. Гвалт. Согласие. И под шушуканье и шуршание бумаг Саймон вывел меня из зала суда. Взяв меня за руку повыше локтя, он потащил, не повёл, а именно потащил, по улице.

— Мне больно...

— Прости.

Он ослабил хватку, но все также быстро и не очень удобно для меня потащил дальше. Я решила, что буду молчать, хотя в голове выстроилась целая очередь из вопросов, которые вот-вот готовы были слететь с моих уст и только то, что я закусывала губы, помогало мне не сорваться на гневную тираду и не выпалить все эти вопросы прямо посередине улицы. Когда мы подошли к дому Саймона, я немного выпала в осадок... Ничего себе хоромы... Нет, конечно, у меня приличный был дом, восстановленное поместье, со всеми удобствами и прочим, но тут... излишняя роскошь. Он был гигантским, из серого камня, двухэтажным, над входом громоздился широченный балкон со всякими статуями. Рядом со входом тоже стояли две статуи каких-то непонятных девушек с корзинами полными фруктов. И зачем?.. На входе нам поклонились двое, мужчина и женщина в форме прислуги. Я неловко кивнула им.

Внутри меня ждал огромный светло-зелёный холл, везде висели огромные картины и стояли статуи, такие же непонятные и абсурдные, как и у входа. Не то, чтобы я относилась плохо к украшательству дома статуями или картинами, или вообще искусством, нет. Но это?.. Ни к селу и ни к городу... Наверх на второй этаж вела огромная светлая каменная лестница, покрытая ковром. Собственно, к ней, а потом и по ней повёл меня Саймон, даже не обратив внимания на прислугу, замершую в поклоне. Уже на этом момент тревожно звякнул звоночек интуиции. Я отмахнулась от него, есть проблемы и побольше, чем безразличие к низшим слоям населения. По пути нам встречались горничные, которые также замирали и сгибались в поклоне. Я ошалело глядел на них, не зная, как реагировать. Наконец, протаскив по огромным коридорам, Саймон втолкнул меня в спальню и закрыл за собой дверь.

Я изумлённо заозиралась, потирая руку. На мою уютную спальню это было несколько не похоже. Холодная огромная комната с гигантской кроватью, на которой мне придётся спать одной. Все эти подушечки-картиночки вызывали у меня лишь недоумение. Я обернулась к Саймону. Но он моё выражение лица понял не так:

— Могу дать что-нибудь побольше. Но тут кабинет светлый очень и ванная удобная. Посмотри сама.

Я нервно усмехнулась.

— А можно что-то поскромнее? Это огромная комната меня пугает и откуда эти статуи? Это что, купидон? К чему все это?

— Без понятия, что это за статуи, домом обычно занимается Лейла.

Ах вот оно что... это их дом... я отвела глаза, усиленно принявшись разглядывать стены, кровать, стол, шкаф и прочее. Кабинет оказался шикарным, вот уж точно. Деревянный стол, книжные шкафы, кресло, пушистый ковёр на полу. Очень удобно.

— Мне понадобятся ещё столы, а вот шкафы лучше передвинуть от окна. А столы поставить туда, там свет лучше. — Прокомментировала я, зная, что Саймон стоит за моей спиной. — Ещё понадобятся лампы магические. Только не такие, как у вас в темнице, нормальные. Всякий хлам от сломанных вещей сложите сюда, остальное будет зависеть от сложности артефакта, который меня попросят сделать.

Я прошла мимо задумчивого Саймона и зашла в ванную. Большая, отделанная сверкающим кафелем, с ковром, зеркалами и даже окнами. Красиво, но холодно. И в душе от этого интерьера и так тоже холодно. Я поёжилась.

— Холодно у вас тут. Всегда так? Или только зимой?

— Я попрошу протопить твою часть дома.

— Мою?

— Как ты заметила, особняк большой, я занимаю ровно один кабинет и иногда спальню, Лейла пару комнат в соседнем крыле, остальные комнаты обычно пустуют, либо там живёт прислуга или редкие гости, как ты.

Рой вопросов на время притихший после всего это излишества зажужжал в голове снова.

— Зачем ты предложил себя?

— Так будет проще нам обоим. Я смогу присматривать за тобой и защищать тебя. И я хочу видеть тебя чаще.

От Лейлы вряд ли защитишь, мелькнуло в голове. Она будет в ярости, когда узнает... но мысль про то, что он будет ближе в одном доме со мной, это и правда грело душу. Однако...

— Зачем надо было делать мне больно? Ты тащил меня так, словно я была вещью. Мне не нравится такое обращение.

— Нет, но я не мог изящно подхватить тебя на руки, чтобы перенести через порог дома, — он усмехнулся, сложив руки на груди. Вспомнив про этот обряд у молодожёнов, я почувствовала, как начинают гореть щеки. — Меня бы не понял мой народ, к тому же все считают, что мы с Лейлой вместе, и я не могу в один момент взять и сообщить, что люблю одну тёмную красивую девушку, а не её.

А вот эти слова разрушили все очарование его слов и комплиментов, быстро раздувая туман романтических иллюзий в голове. Я встретилась с ним взглядом и тихо, без улыбки сообщила:

— Ты делаешь ошибку, селя нас в одном доме. Она не потерпит конкуренции.

— Не переживай об...

— И я тоже. — Я перебила его, и Саймон удивлённо замер на середине предложения, — Если ты думаешь, что я буду смотреть, как ты будешь бегать от меня к Лейле и обратно, убеждая меня, что ты страстно любишь меня при этом, — я сделала паузу, — то ты ошибаешься. Тебе стоит определиться с этим и поставить всё на свои места. Я тебя предупредила.

Мне самой было неприятно и даже страшно всё это произносить, мне казалось, что он скажет сейчас «Да ну тебя» и уйдёт, но я должна была это сказать. Я и правду не смогу этого вытерпеть, я просто прокляну его тогда, так что для начала стоит просто предупредить, а уж потом бить на поражение. Я не согласна на унижения.

Молчание затянулась, я отвернулась, прошлась по комнате, открывая шкаф, просматривая книги, выдвигая ящики комода. В голове всплыл ещё один вопрос

— И кстати, почему ты должен кому-то докладывать? Разве не ты тут главный?

Я ожидала молчания, но мне ответили.

— Формально да, но есть ещё Совет Старейших, он часто помогает принимать решения, либо участвует в судах. Мы взаимно дополняем друг друга.

— Ах, вот оно как...

В коридоре раздался какой-то вой. Я вжалась в ближайший шкаф, чувствуя, как от ужаса шевелятся волосы на голове, Саймон же даже не пошевелился, лишь устало вздохнул и прикрыл глаза.

— Это вообще что?..

— А это Лейла расстроилась наличием в доме конкуренции.

С этими словами Саймон вышел из комнаты, в прикрытую дверь ворвались причитания и вопли, рыдания. Ничего себе она расстраивается... интересно, у неё всегда так? Я закрыла дверь, чтобы не слышать этого.

Так я оказалась в доме у Саймона, и если в первые минуты я была немного даже обрадована совместным жильем с ним, то уже на следующий день я поняла, что все не будет так просто и легко. Во-первых, моим заданием, проверочным, оказался артефакт трудоёмкий, а в моей комнате устроили перестановку мебели, конечно, мне это было необходимо, однако у меня уже чесались руки заняться артефактом, а рабочие делали свою работу неторопливо и размеренно.

А во-вторых, Лейла. Да. На следующий день я спускалась вниз по лестнице и увидела такую картину: Лейла на коленях перед Саймоном, рыдая что-то, умоляет и кричит. Секунда, рука Саймона взмывает вверх и... вместе с Лейлой, вздрагиваю и я, хотя удар предназначался не мне. Сердце ухает вниз, Лейла на секунду замирает, а потом снова заливаясь слезами, словно ничего и не произошло. Я шарахнулась обратно, пока меня не

заметили и скрылась в ванной, в которой к счастью никто ничего не переставлял. По моим щекам текли слёзы разочарования. Меня связывало с Саймоном не так уж многое, кое-что из моих иллюзий разрушил он сам, что-то осыпалось само. Все мои доводы, размышления и чаянья на тему прекрасного и доброго Саймона, обнимающего меня и признающего мне в симпатии снежным вечером — весь этот замок иллюзий, настроенный в моей голове мною самой, сейчас с грохотом, отдающимся в моих ушах стуком сердца, падал вниз. Передо мной стоял Ирбис, живой, реальный мужчина, без прикрас, жёсткий и сильный, властный. Безжалостный. Который бьёт женщин. Уважение к нему было растоптано полностью, таких я не уважала и даже считаться с ними не собиралась в обычной жизни. Но сейчас была другая ситуация... И, облокотившись на тумбочку умывальника, я плакала и наблюдала, как мои слезы остаются каплями на столешнице, увеличивая рисунок.

Мне понадобилось время, прежде, чем боль внутри меня унялась, и я смогла смириться с тем фактом, что он не тот, кто мне нужен. В своей голове я приняла решение. К тому времени как я более-менее пришла в себя, рабочие наконец-то закончили и, оставив горничную, которая молча за ними убирала пыль и грязь, удалились за дверь. Я присела на кровать, наблюдая, как девушка с сером платье с передником настойчиво протирает полы.

— Эй, — я позвала её, когда она поняла, что я обращаюсь к ней, у неё было такое выражение лица, словно я была призраком и заговорила с ней. — Ирбис, ваш хозяин, он часто бьёт Лейлу?

— Хозяйку? — Девушка смутилась и опустила глаза, красивые, карие, из-под косынки выглядывали тёмные пряди волос. — Да, бывает...

Я вздохнула. Нет, конечно я слышала из доносов, но предпочитала как-то по-другому к этому относиться, не верила, наверное.

— Она сама заслуживает это, — вдруг выпалила девушка, быстро вставая, кланяясь и скрываясь в туалете. Там зашумела вода. Я осталась сидеть на кровати. Ого, вот это смелость... и что это она имела в виду?

Ирбис больше не объявлялся в доме, я делала артефакт, комнату предусмотрительно запирала на ночь и днём, а открывала только когда приносили поесть. Изредка я делала вылазки и там, осторожно пробиралась по коридорам. В первые несколько раз все было тихо, я походила по разным коридорам, комнатам, позаглядывала везде, здороваясь с прислугой. У них это явно было не принято, потому что в первый раз каждый замирал и смотрел на меня испуганным взглядом, да так и продолжали, пока я не скрывалась за новым поворотом коридора. Но потом они уже начали мне отвечать, кивая в ответ и даже иногда улыбаясь. Я и сама была прислугой, подрабатывала, я знала, как это важно, чтобы к тебе относились не как к нижнему классу, а с уважением, поэтому те, кто работал у меня, знали меня как добрую и отзывчивую хозяйку, хоть и требовательную. А эти были запуганы и работали естественно хуже...

А вот третий раз мне не повезло. Спина затекла, начала гудеть голова, и я решила прогуляться немного по дому. Как только я покинула свою комнату, предусмотрительно защёлкнув её на ключ, я сразу услышала вой, тот самый, что напугал меня в первый день. Решив посмотреть, что там происходит, я пробиралась на становившийся громче звук вглубь дома. Наконец выглянув из-за угла, я увидела Лейлу, в той же самой позе, что и тогда, когда Ирбис её ударил — на коленях. Ирбис же стоял перед ней, потирая переносицу с усталым видом. Я замерла и скрылась за углом, моля богов чтобы меня не заметили.

— Почему ты так жестооооооооок со мноооой? Ты меня не люююююбишь? — Вой

Лейлы резал уши.

— Прекрати, ты ведёшь себя как ребёнок!

Сердитый голос Ирбиса, я бы прекратила на месте Лейлы и убиралась сейчас подальше.

— Ты пригласил её сюдааааааа, в наш доооооом.

Раздались рыдания и всхлипывания.

— Так постановил суд. Встань уже.

— Нееееет... ты должен выгнаааать ее. Иначе я умруууууууууу....

Мне вспомнились слова горничной о том, что Лейла сама виновата, ну да я теперь понимаю, что она имела в виду, хотя это и не уменьшает вину Ирбиса. Боги Поднебесья, неужели она постоянно такие концерты закатывает?.. В голове мелькнула идея артефакта, чтобы при превышении громкости делать человека немым. Интересная идея, надо попробовать, ей бы пригодился.

— Прекрати!

Я вздрогнула. Вот это тон... Моё чувство самосохранения протрубило, что пора уходить. Я выдохнула и шарахнулась назад, решив, что с меня хватит на сегодня подслушиваний, но я забыла, что в этом доме полно статуй. С громким стуком одна из них, как оказалось, стоявшая позади меня, обвалилась на пол.

— Кто там?

Бежать, подобрав юбки, или встретить свою смерть с высоко поднятой головой? Ирбис застал меня, подбиравшей юбки для побега, к счастью, я успела отойти от статуи и не выглядеть так, словно я только что подслушивала их разговор. Впрочем, они «говорили» достаточно громко, чтобы их слышали все в этом крыле.

— Аселия?

— Я... — Я отвела глаза, пытаюсь придумать какое-то достойное оправдание своему поведению, — Я нечаянно. Правда. Я пойду...

— Ты... — Вопль резанул по ушам. — ТЫ!

Я развернулась, опустив юбки и холодно глянув на смутьянку. А ведь всё почти кончилось хорошо...

— Да?

— Аселия, Лейла, давайте без этого. — Ирбис потёр переносицу, снова. У него дурное настроение, а это значит в случае плохого исхода, получают все. — Лучше позовите горничную, пусть уберут эту грудку... — Потом он повернулся к Лейле, — Может хватит расставлять по всему дому эти статуи? Как на кладбище, ей-богу.

Я с ним полностью согласна на счёт статуй, но вот говорить это девушке, ослеплённой ревностью и гневом — это как минимум неразумно. Естественно, Лейла не вняла его словам, впрочем, я тоже. Хотя я и не собиралась сейчас отстаивать свои права на Ирбиса. Я сняла свою кандидатуру с этого марафона, но приструнить её очень хочется.

— Лейла, твои вопли разносятся по всему дому и мешают мне работать. К тому же ты ведёшь себя ужасно.

Ирбис замер. Лейла тоже. Их лица отражали удивление, пополам с недоумением. Я выпрямилась, а что? Имею право, между прочим. Я вам не бессловесная кукла.

— Это мой дом, тебе дали комнату, вот и живи там, как хочешь, остальное тебя не касается. — Надо же, она и говорить по-нормальному умеет, не только выть.

— Лейла. — Она отмахнулась от Саймона.

— Не лезь, раз ты не можешь выдрессировать эту девчонку, значит, ей займусь я.

Лейла подошла ко мне, гневно раздувая ноздри и собираясь уже схватить меня за руку.

— Что ты себе позволяешь? — Кажется, мы с Ирбисом воскликнули это одновременно.

— Ты зарвалась! Ты прислуга, так иди и делай своё дело, не лезь со своими советами ко мне!

Взмах. На лице горит отпечаток её ладони. Я прижала к щеке свою руку и замерла, у меня от удивления даже рот приоткрылся. Боевой пыл угас под её жестоким напором. Да уж... жертва домашнего насилия, ага, как же. Да и ещё все произошло так быстро, однако её вторую руку я успела перехватить. Браслеты нагрелись на руках в одно мгновение, обжигая кожу. Не будь сейчас на мне их, у кого-то были бы серьёзные проблемы.

— Хватит. — Голос Ирбиса вознёсся до потолка, заполнив кажется весь коридор, его глаза потемнели, а сам он был явно на грани перевоплощения...

— Я не прислуга, чтобы ты так со мной обращалась, Лейла.

Мой голос был тих и, наверное, жалок. Я не могла ей ничего противопоставить сейчас. Я беззащитна без магии... Да и что можно сделать против жестокости? Мне не хватало грубости и твёрдости отстаивать свои права, но заявить о них вполне можно.

— Лейла, ты просто... — Ирбис оттолкнул её и подошёл ко мне, я сделала шаг назад. — Стой, я посмотрю.

— Не стоит. Ты её стоишь. — Я криво усмехнулась, в голове все спуталось. — Вы оба жестоки и готовы ударить человека, если он не делает того, чего хотите вы. — Я сглотнула слезы, звеневшие в голосе. — Ты бьёшь её, она бьёт остальных, чем ты лучше? Тоже мне нашёлся, защитник...

— Аселия...

— Пусть идёт. Ей тут не место.

Я развернулась, чувствуя, как все плывёт перед глазами. Как попала сюда, так только слезами и умываюсь. Ох, за что мне это... уж лучше бы меня казнили, чем вот это все. Так я думала, выплакивая свои слезы в подушку. Пару раз приходил Ирбис и колотился в дверь, требуя открыть и поговорить со мной. Я молчала. Зачем мне это? Кому станет легче от того, что он извинится? Он сделал свой выбор повторно. Правильный выбор. Все повторилось, как и пять лет назад, он остался с Лейлой, я одна.

Глава 15. Разрыв

На следующее утро мне было легче, я пережила это раз и пережила во второй раз. Это было тяжело, это было больно, но не стоит заикливаться на этом. Да и винить кроме себя некого. Остатки замка иллюзий, которые ещё не опали, обвалились ночью, внутри было пусто и темно, делать ничего не хотелось. За окном было холодно и пасмурно, как и в душе. Теперь, когда иллюзий не было, внутренний разум мне ехидно сообщил, что в следующий раз надо строить замок из камня, а не из облаков, может тогда и выстоит. Я была с ним согласна.

Раздался стук в дверь, там я стояла Эрини, та горничная, что я расспрашивала о Лейле и Ирбисе. Она держала поднос с едой. Она часто это делала, потому что я ей нравилась по её словам.

— Плохо выглядите, госпожа, — заходя внутрь, пропела девушка. У неё был удивительно мелодичный голосок.

— Плохо спала...

— Ага, я заметила. И не только я. — Просто сообщила Эрини, расставляя тарелки на столе. Я присела на кровать, зевая устало, в глаза словно насыпали песка, они слезились и норовили закрыться.

— Что ты имеешь в виду?

— У хозяев вчера крупная ссора была, и хозяин ушёл в свой запасной кабинет в этом крыле, я ему ночью приносила чай. Он всегда сюда ходит, когда она не отстаёт от него. — Сон и туман в голове немного исчезли, я внимательно слушала Эрини. Мне нравилась она и то, что иногда она допускала некоторую дерзость в описании хозяев. — Так вот вашу хм... — Она прервалась, наливая чай из чайника, — бессонницу... было слышно в его кабинете. Так что, думаю, он тоже не спал.

Я вздохнула, почему бы и нет. Почему бы проблемам не зацепиться одна за другую и не прийти целым табуном?.. Я попыталась восстановить в памяти, что именно я возмущённо кричала в подушку, радуясь, что я одна в целом крыле, и никто не меня не слышит. Вспоминалось не все, но я думаю, если хотя бы половина достигла ушей Ирбиса, то мне уже стоит беспокоиться. Я покосилась на дверь. Если придёт сегодня опять поговорить, точно не открою, просто не смогу смотреть ему в глаза.

Эрини обернулась ко мне с ласковой улыбкой.

— Я вам чай бодрящий заварила, выпросила у поварихи. И вот... — Она достала из топорщившегося кармана фартука яблоко, большое и красное. И где только посреди зимы взяла? Я восхищённо приняла подарок, она же вкусное, наверное... — Не стоит, вы так добры ко мне, что это меньшее, что я могу для вас сделать, госпожа. И я знаю, многие тоже так думают из прислуги. Вы единственная, кто обошлись с нами по-людски.

Она поклонилась мне, и мне стало как-то не по себе. Единственная тёмная во всем доме — единственная обошлась с ними по-людски и оказалась доброй. Куда катится мир?

— Спасибо.

Эрини расцвела улыбкой, и уже собралась уходить, как вдруг вернулась.

— Совсем забыла, хозяин передал.

Она вытащила из передника конверт и протянула мне.

Я взяла плотную бумагу, на которой красным подчерком было написано «Аселии». Я смотрела на конверт, не отрываясь, пока не вышла горничная. Я боялась его открывать, боялась того, что будет внутри. Подчерк был похож на того Саймона, что писал письма мне через шар из лазарета, поэтому я просто сидела с конвертом в руке и не могла заставить себя его открыть. Я поела, не отрывая взгляда от него, выпила очень вкусный чай, отдающий мятой. И, наконец, решилась. Конверт был не запечатан. Я открыла его и разочарованно уставилась на четыре слова на огромном сложенном втрое листе: «Артефакт, определяющий тёмную кровь».

И все? Я повертела письмо. Я чувствовала пустоту и разочарование, я, как минимум, ожидала извинений от Ирбиса. Но нет, всего лишь новое задание. При том, что старое не закончено ещё, там немного осталось конечно, но все же. И вообще, как он себе представляет данный артефакт? Я вот никак не представляю.

Конечно, это была ложь. Моя голова заработала, едва получив задание, и вскоре я догадывалась, как сделать что-то подобное, остальное было вычисляемо путём проб, ошибок и опыта предыдущих артефактов. Частично мне даже нравилось быть артефактором на особой службе, они давали интересные задания, над которыми приходилось думать, а это помогало отвлекаться от разных мыслей в голове. Стоило мне выбросить смятый лист в мусорное ведро, я отправилась работать в кабинет. Процесс полностью захватил меня.

Ночью я опять не спала, правда плакала тише и как-то скорее грустно, а не от боли, как в прошлую ночь. К тому же я была так вымотана, что мне удалось заснуть практически сразу. Проснулась я рано, намного раньше, чем обычно и сразу после умывания отправилась в кабинет — творить. И была там до самого прихода Эрини. Её стук тремя ударами привычно выдрал меня из собственных раздумий и я, запахивая халат поплотнее, подошла к двери и радостно улыбнулась девушке. У неё был несчастный вид, увидев меня, она пролепетала:

— Простите, госпожа...

— Что?.. — Я успела удивиться, и потом уже увидела Ирбиса за её спиной, вышагивающего ко мне из темноты. Я вздохнула. Захлопывать сейчас перед ним дверь было бы глупо. Я пропустила Эрини внутрь, давая ей рекомендации.

— Эрини, накрой пожалуйста в кабинете сегодня и забери чайничек из-под чая, он там на полке.

Ирбис также зашёл внутрь и встал, прислонившись к стене и сложа руки на груди, он внимательно следил за моими движениями, пока я стояла и слушала, что делает Эрини в кабинете. Вот стук — это она поставила поднос, звякает посуда. Мы молчали. Я отводила глаза, просто не хотела смотреть на него, он же смотрел на меня неотрывно, чем не смущал меня, а скорее раздражал. Это было так неловко, что мне хотелось провалиться под землю. Наконец, Эрини с подносом, на котором трясся чайничек и пара грязных кружек, появилась на пороге кабинета, она смотрела в пол и была бледна.

— Приятного аппетита... — быстро и тихо пробормотала она, выскальзывая за дверь, Ирбис прикрыл дверь за ней и повернул ключ. Что-то мне напоминает этот жест... Я вздохнула. Только сейчас это не волнует мою кровь, как тогда. Я развернулась и пошла в кабинет

— Если что — я там.

Я села за стол, где были под лупой разложены части пробного артефакта. Делала я что-то подобное много лет назад, но тогда он взорвался, я догадывалась в чем дело, и сейчас просто хотела опробовать, получится всё же или нет. Если нет, то взрыв повторится. Ирбис

зашёл и замер где-то за спиной, не издавая ни звука.

— Я думала, ты пришёл поговорить, Ирбис.

Я старалась, чтобы мой голос был строг и холоден, никаких слез, нежности или чего-то подобного.

— Ирбис? Я думал, ты называешь меня Саймоном?

— Так и было. Называла, но не сейчас. Ирбис тебя описывает как нельзя лучше.

— И что это значит?

Я только собралась сделать тонкую работу и подняла руки с пинцетом, но поняла, что они дрожат. Вздохнула.

— Это значит, что того Саймона, которого я знала, давно нет. Ты Ирбис, и только им и являешься. Все остальное не важно.

— Вот как... ну что ж. — Он помолчал. — И этот тон голоса. Ты что решила меня воспитывать холодностью, как Лейла? — Смешок, я снова опустила руки, глухое раздражение, словно яд, всплыло где-то из темных уголков души и начало тихо клокотать. — Тогда могу сказать, что обижаться на меня и что-то требовать при этом — плохая идея.

Он серьёзно, что ли?

Я развернула на стуле, он стоял на входе с мрачным выражением лица. Похоже и правда серьёзно.

— Ирбис, ты совсем что ли умом тронулся? — Я встала из-за стола, раздражение плавно перетекло в гнев, и мне не хотелось его сдерживать. — С какой такой стати мне на тебя обижаться? А? И тем более воспитывать? Ты. Мне. Никто. — Его глаза на этих словах опасно сощурились. — Она может это делать, сколько ей вздумается. Мне это не нужно. Я не обижена на тебя. Я в тебе разочарована. Это разные вещи.

— О... ну, конечно. И чем же я разочаровал нашу маленькую тёмную девочку?

В его голосе была угроза. Только посмей сказать что-то такое — и я от тебя мокрого места не останется, сказал он.

— Тем, что ты жесток и бьёшь женщин! — Я медленно выдохнула воздух. — Я ожидала от тебя большего, а ты оказался просто... просто не тем, на кого я могла бы положиться, довериться. Ты не тот, с кем я хотела бы быть. Вон пусть Лейла тебя воспитывает, терпит и обижается. Мне нужен взрослый мужчина, который будет любить и уважать меня и, увы, это оказался не ты.

Мне хотелось добавить в конце «Ты — ничтожество». Но я не стала, зачем опускаться до оскорблений?

С громким рыком он опрокинул шкаф, который стоял рядом с ним. Его глаза были почти жёлтыми, звериными. Но меня несло дальше. Продолжаем шоу, а то мазь от ожогов без дела на прикроватном столике стоит.

— Ты потерял моё уважение и доверие. Ты обещал мне любовь и защиту, а в итоге что? Делал только то, что тебе было удобно. Правильно. А после такого... Ты для меня больше даже не мужчина. Каждый раз ты разочаровывал меня по чуть-чуть, но я прощала тебе. Но это последняя капля, больше не приходи ко мне. Я не хочу тебя знать!

Он снова зарычал. Я схватила недоделанный артефакт и метнула в него, попала куда-то в плечо, но он словно и не заметил. Лишь развернулся на каблуках и вышел из кабинета, я услышала грохот вырываемой с петель двери. Вот и поговорили. Я опустилась на стул... Я сломала артефакт. Придётся собирать его заново... я доломала то, что между нами осталось и теперь просто созерцала развороченную комнату.

Артефакт я так и не смогла сделать за этот день. Горничные, причитая, долго убирались в кабинете, а я никак не могла сосредоточиться на работе, сначала лёжа на кровати и смотря в потолок, а потом, ближе к вечеру я просто выключилась и проспала до самого обеда. Далее дни тянулись практически без изменения, я делала артефакт, меня кормили, и я снова уходила в работу. Был правда инцидент через пару дней после того скандала в моем кабинете.

Было опять вой Лейлы, крики, грохот, я даже выходила посмотреть за дверь, что происходит, но это явно было в другом крыле, так что я ничего не поняла, но зато расспросила горничную, не Эрини, а ту, что принесла мне ужин потом. Оказалось, все просто: хозяева снова ссорились, да так, что хозяин разворотил весь кабинет, сломал стол, снёс все стеллажи. Девушка пересказывала мне все это и на её лице было странное выражение из смеси страха и благоговения. Все знали, что он вспыльчив и горяч, но чтобы быть в такой ярости...

— Никогда никто его таким не видели, даже Лейла и та молчала, глядя на это. — Горничная вздохнула и посмотрела на меня с таким многозначительным видом, словно это все должно было объяснить, и увидев, что для меня все-таки не доходит, пояснила. — Она никогда не молчит практически, когда они ссорятся, воет, плачет, кричит, но, чтобы стоять с таким выражением лица... — Девушка сделала большие глаза и испуганное лицо, — никогда.

Пока она накрывала на стол, я утешала собственное самолюбие, думая о том, что естественно, что она так разозлён, он потерял меня. Навсегда. Ему обидно, он зол и на себя, и на меня. Я злорадствовала молча, не сообщая о своих умозаклечениях горничной. Хотя хотелось. Вот она я, виновница торжества...

— Иногда хозяин такой нелогичный, — простодушно заявила девушка, оправляя передник, — ему б радоваться, а не кричать на госпожу Лейлу. А он... говорят, он вообще ни одной целой вещи в том крыле не оставил.

— Ты о чем? Радоваться?

— Вам Эрини ещё не рассказала?

Её большие глаза округлились и пухлые щёчки вздрогнули.

— Нет... — Внутри все сжалось. Плохие новости. Очень-очень. — Она сегодня не заходила ещё ко мне.

— Госпожа Лейла сообщила хозяину, что беременна. Он сначала нормально отреагировал, но потом что-то пошло не так...

Она развела руками. В ушах застучала кровь. Я замерла. Мои оправдания на счёт плохих новостей подтвердились. Ещё один кирпичик в стену между нами с Ирбисом был поставлен. Теперь точно обратной дороги нет. Если до этого я надеялась всё же в тайне, что он переступит через себя, передумает, то мы сможем разрушить эту стену, то сейчас... у меня даже рука не подымится разрушить счастье тех котятков-щенятков, что появятся у них. Теперь он принадлежит Лейле на 100 % или на 200 %, как повезёт. Я закрыла глаза.

— Вы рады, госпожа Аселия? Я очень. Наконец то этот дом оживится.

— О да...

Я так рада, что мне прямо сейчас хочется представить весь этот кошмар: видеть маленьких детей Ирбиса и Лейлы, бегающих по дому, знать, что они вместе и «радоваться». Ну конечно... только радоваться и ничего больше. И ещё плакать, громко и навзрыд. То, что я отказалась от него, и он меня разочаровал, это не значит, что мне будет не больно

смотреть на него и на его детей.

Она что-то ещё рассказывала, потом поняв, что я в прострации, ушла, оставив меня одну созерцать стену в странном апатическом состоянии.

Глава 16. Артефакты

Артефакт был почти готов, когда я услышала ЭТО. Стук в дверь. Их было много за последние дни: Эрини, горничные и рабочие. Каждый раз, когда я слышала стук в дверь, я вздрагивала и сначала прислушивалась, но каждый раз это было не то. Но раздавшийся ближе к вечеру стук, когда за окном мела пурга, был тем самым. Уже подходя к двери и трясущимися от волнения руками открывая замок, я знала, что там он. Уже по уверенному стуку я определила, что там стоит Ирбис.

Так и оказалось. Это был он. Он кивком головы поприветствовал меня, я присела в поклоне, совсем лёгком, на грани невежества. Он смотрел куда-то сквозь меня уставшими и запавшими глазами. Они были даже не синего, как обычно, цвета, а такого тёмного, мрачного. Когда он заметил, что я разглядываю его, то отвернулся. Я отошла, пропуская его в комнату, но Ирбис не сдвинулся с места.

— Я постою тут. — Ответил Ирбис на мой удивлённый взгляд, на его лице отразилось презрение или даже отвращение, словно ему было неприятно находиться рядом со мной. Волнение, с которым я встретила его, оборвалось, сменившись раздражением. Я встала и сложила рука на груди. Я не хотела ссориться, видят Боги. Он первый начал.

— Как пожелаете... господин.

Ирбис сморщился от моего обращения. Я постаралась выделить это интонацией, вложив все своё раздражение в него.

— Что с артефактом?

— Он почти готов.

— Через сколько? Мне нужен будет завтра, крайний случай послезавтра.

Я прикинула объём работы. Ну если поднапрячься и сделать тестирование, то уложусь.

— Будет сделано.

Мне хотелось снова вернуть «господин», но не стала почему-то. Наверное, меня отвлек его усталый взгляд, которым он сверлил что-то над моей головой. И что он там увидел? Нимб?

— Аселия... — Его голос изменился, перестав быть официальным и грубым, словно он только одним тоном хотел оскорбить меня. — Я... — Вздох.

Я смотрела, как он снова начинает тереть переносицу, то и дело видимо собираясь сказать что-то и не решаясь. Меня съедало любопытство и немного даже восхищение, что несмотря на ссору и собственную неприязнь ко мне, он пытается что-то сказать сейчас или сделать. Для этого нужно переступить через себя, и зная себя, я могла бы точно сказать — не смогла бы.

— Просто скажи. — Тихо ответила ему я. Он поднял на меня глаза, снова вдохнул.

— Могу я тебя попросить? Это личное...

Оу... личное. Попросить? Это уже интересно. О чём же?

— Что?

— Можно ли с помощью артефакта установить, беременна ли женщина или нет? Я имею в виду с точностью?

Он устало провёл по волосам рукой и, наконец, посмотрел мне в глаза. Вот что его мучает? Соврала ли она ему или нет? Мы в ссоре, но мне хочется ему помочь... конечно, все

равно через пару месяцев это станет очевидным, но что с ним будет за эти пару месяцев? Должна ли я сейчас согласиться? Это ведь лёгкий артефакт, буквально пару часов займёт. Или может стоит сказать с каменным лицом, что таким, как ты, помогать не хочу. Я же тёмная. Вот он стоит и смотрит на меня, я понимаю, что он переступил через свою гордость и у меня просто язык не повернётся ему отказать. Хотя я вижу, что он ждёт моего отказа.

Все это время я молчала, Ирбис тоже, мы смотрели друг на друга. Наконец, когда молчание затянулось, он снова принял этот официальный вид.

— Забудь. Не стоит...

В голове пронеслась идея.

— Я могу это сделать для тебя, но с одним условием. — Выпалила я одним дыханием. Шантаж... чистой воды, ещё и не в личных целях. Он откажется. Всем богам ясно же, что он не станет мне потакать в таких мелочах...

— Говори.

Он согласился...

— Не тронь её больше, даже если она будет вести себя как полная истеричка и не уравновешенная. Никогда.

Её — это конечно Лейлу, её имя произносить мне хотелось, но меня и так поняли. Я говорила уверенно, мне и правда хотелось защитить Лейлу, и Ирбиса тоже. Он совершает плохие поступки, и это ему воздастся, а так может хоть это его остановит. Меньше зла сделает, ему же лучше. И всё же, наверное, это по-хамски.

Я подняла глаза на Ирбиса, он смотрел на меня таким взглядом, словно хотел вскрыть мою голову и заглянуть туда внутрь. Впрочем, у меня была ровно такое же желание по отношению к нему. О чём он думает? Разочаровался ли он во мне или нет? Остались ли у него ко мне чувства? И что он с ними делает теперь?

— Я понял. Я согласен.

Я была поражена? О нет, я была в прострации от счастья, у меня получилось? Правда? Почему? Почему? Неужели он все ещё меня любит? Потому что мужчина, которому на меня плевать, послал бы меня подальше. А он согласился?

— Спасибо... то есть я хотела сказать... приходи завтра, я отдам его.

Я закрыла перед его расширившимися от удивления глазами дверь. Одним махом я повернула ключ и прижалась к двери с обратной стороны. Спасибо? Просто ужас... маскировки никакой просто. Я выдохнула. Ирбис согласился. Я сказала спасибо, глупая женщина. Надеюсь, он ничего не понял и вообще... артефакты. Точно. Пора за работу, никаких надумываний на тему того, что он возможно меня любит.

На следующий день, когда я отдавала ему артефакт, объясняя, как им пользоваться, Ирбис смотрел на меня очень внимательно, видимо, искал ещё проколы, но я была строга, как сельская учительница в пору экзаменов и так же холодна, как погода за окном.

— А потом камень засветится — если да, а если нет, то просто все останется как есть.

— Просто на руку одеть? — Ирбис задумчиво осмотрел украшение. Я кивнула. — И это произойдёт сразу?

— Ну может в течении первых минут пяти, возможно, пока считает нужную энергию. Лучше, конечно, оставить на денёк — для точного ответа.

— Вот как... всё-таки ты делаешь потрясающие вещи, — вертя в руках браслет с ярким фиолетовым камнем, проговорил Ирбис. Его глаза восхищённо следили за скрученным из проволоки ободом и тем, как переливается на свету камень. Камень, кстати, был очень

красивым, хотя он и не сильно подходил Лейле по цвету, по моему мнению, но это был единственный камень, который мне удалось выпросить.

Внутри от похвалы Ирбиса стало тепло и приятно, но я шикнула на свои чувства, чтобы они там не сильно возвращали надежду на светлое будущее. На лице моем ничего не отразилось. Я просто кивнула и слегка улыбнулась. Ни в коем случае нельзя давать понять, что чувства хоть загажены всеми его поступками и вообще клумба любви разворована, но все-таки пытается что-то там восстановить. Глупое сердце... От того, что он согласился, это не значит, что нужно давать ему шанс. Нет-нет, это самое неразумное, что можно сделать в данной ситуации и вообще. А учитывая моё незавидное положение... Лучше вообще туда не соваться, а если и любить, то посматривать на него издали, не пытаясь снова лезть впереди всех. Кто я для него?..

Это вопрос расстроил меня...

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Я улыбнулась ему, но спохватившись, тут же стёрла улыбку и, отвернувшись, начала опрашивать одежду. — Я пойду, пожалуй, мне надо доделать кое-что.

— Заберу артефакт утром. Максимум в обед.

— Как в обед?

Я развернулась в полном расстройстве чувств. Мы так не договаривались...

— У нас после обеда Совет Старейшин, и он там хочет видеть твой артефакт. Это твой шанс произвести на них впечатление. Если тебе это удастся, то твоя дальнейшая судьба может стать намного лучше, чем сейчас. Тебе доверятся.

— Я знаю... просто я думала... я думала у меня будет до вечера время... Ладно, тогда я пошла. У меня много работы.

Я вышла из его кабинета, голова гудела и хотелось спать. Над этим артефактом я потрудились на славу, но черт возьми! Я не планировала не спать пол ночи, делая браслет красивым, это было просто вдохновение. И сегодня опять придётся не спать или спать мало. Я успею, конечно... должна. Ирбис прав, это мой шанс. А потом как-нибудь, когда они будут доверять мне, и ни за что не подумают обо мне плохо, я пропаду. Сбегу и начну новую жизнь. Передо мной ярко сияла моя цель, и я со вздохом от предвкушения множества тяжёлой и тонкой работы, зашла в свой кабинет и зажгла свет.

Ночь оказалась проще, чем я думала, моя цель придавала мне сил и энергии, мне не хотелось спать, лишь творить-творить-творить. Что, собственно, я и делала, правда, задумавшись над чем-то, я... заснула. А проснулась уже от стука Эрини, которая принесла мне завтрак. Впустив её и ругаясь теми словами, что были допустимы в приличном обществе, я снова взялась за дело. Ибо время шло, а работы было валом... мне казалось, я не успею, ничего не получалось, все валилось из рук, энергия не текла, куда надо, и ещё несколько раз пришлось резать руку, чтобы продемонстрировать какая именно она, эта тёмная кровь, чтобы артефакт её запомнил.

Мне казалось я не успею... но я успела. Я смотрела на странное зеркальце со стороны. Вроде бы ничего такого, но получилось и красиво и мощно.

А теперь... проверка.

Я подошла к окну и легонько надрезала палец, потом вытерла об специальное место кровь на ручке, палец сунула в рот, потому что целых пальцем у меня уже осталось мало. Зеркальная гладь пошла рябью, словно вода на ветру, затем там появилось лицо моего отца, я замерла. Потом мама, потом ещё кто-то и ещё, и ещё, они сменяли друг друга. Их было,

наверное, шпук десять лиц и как мне показалось, все они были родственниками по отцу. Кстати, тётю Мэри не показало зеркальце... хм... ах да, только прямые родственник. Совсем забыла, что именно это и запрограммировала. Затем зеркальце потемнело. Тёмная. Значит, работает... я вздохнула с удовлетворением и юбкой отёрла кровь с рукоятки. Если бы была чистая кровь, без примеси тьмы, то ничего не показывало бы, просто зеркальце подсветилось бы светлым.

— Аселия! — Раздался голос из-за двери.

Стук. Ирбис.

Я взяла артефакт и подошла к двери. У него было радостное и какое-то взволнованное лицо.

— Готово?

— Да. Держи.

Я протянула зеркальце.

— Как работает?

— Вот сюда, — я показала на рукоятку, — капаешь своей крови ну или жертвы, и там начинают показывать твоих темных родственников, если они есть. Потом засветиться или темным, или светлым.

— Если темных родственников нет?

— То просто подсветится светлым и все.

Ирбис посмотрел на меня и улыбнулся вдруг, я опешила. С чего такая радость-то?

— Я проверила... все работает.

Я сделала несколько шагов назад, лишь бы не полез целоваться и радоваться через объятия. Вот не надо, ладно? Мои чувства этого не выдержат...

— Спасибо, скоро Совет, я все им покажу,

— Я не понадоблюсь?

Хоть бы нет... спать так хочется... Я скрестила пальцы за спиной.

— Не думаю, но, если что, пригласим тебя.

— Все будет нормально.

— Я тоже так думаю. — Он вернулся взглядом к артефакту. — Ты умница. Все успела. Теперь все будет по-другому, это все изменит.

— Да?

Я растерянно смотрела, как он снова улыбается и, поглаживая артефакт, уходит. С чего столько радости от моего артефакта? Прямо аж подпрыгивает от счастья. Я зевнула. Мысли текли вязко. Ну ладно, может радость какая у человека случилось... мне, конечно, очень хочется знать какая, — думала я, прикрывая дверь, — но спать важнее.

Прямо в одежде я упала на кровать и сразу заснула.

Меня разбудил тихий шорох, от которого в обычной жизни я бы даже не пошевелилась, но почему-то в этот раз я подскочила на кровати, как ужаленная, и уставилась в полутьму комнаты. Напротив меня, на стуле, небрежно отодвинутом от стола, сидел Ирбис и смотрел на меня странным пустым взглядом. Что он тут делает? Как он вошёл?

Я села на кровати и растерянно начала озираться, дверь была закрыта. Я что её не заперла? Не помню... я так хотела спать, что совсем не помню, закрывала я её на ключ или нет.

— Ирбис?..

Я заметила в его руках зеркальце-артефакт. Мне стало страшно. Что-то случилось?

— В чем дело? Что ты тут делаешь? Разве ты не должен был сейчас быть на Совете Старейшин?

Мой голос звучал гулко в пустой комнате и странно, словно я разговаривала сама с собой. Может он мне привиделся? Или снится? Я покосилась на окно, сквозь шторы лился свет. Кто-то просто их очень хорошо задёрнул, что я делаю редко. Ирбис? Но зачем?

Он молчал и всё также смотрел на меня.

— Ты меня пугаешь...

Наконец, он отмер и опустил глаза, уже легче, он меня слышит, он живой и не сверлит меня странным пустым взглядом.

— Ты мне веришь?

Да.

— Почему ты спрашиваешь? Что случилось?

Опять молчание.

— Я могу освободить тебя и вывести из Логова прямо сейчас, но при условии, что ты будешь неукоснительно следовать моим приказам и не будешь задавать вопросов.

Он снова поднял на меня глаза. Он просто сообщал, не просил и не уговаривал. Что с ним? У никогда не было такого тяжёлого и решительного взгляда. Словно он принял решение всей своей жизни.

— Хорошо.

Я доверюсь ему. Почему? Потому что он не причинит мне вреда? Ага, конечно... Не предаст? С его «правильностью» вечно какие-то нелады. Подведёт к виселице? Не с таким лицом, нет. Что-то есть сейчас в его взгляде и голосе, что заставляет буквально соглашаться с ним. И не задавать лишних вопросов. Сейчас для них не время.

— Я кое-что принёс тебе. Одевайся теплее. Путь не близкий.

Он показал на угол кровати, где виднелась гора одежды. Я встала и перебрала кое-что из вещей, тёплые кафтаны, шубы, кофты и платья. Зимние, а также добротные сапоги на меху. Я покосилась, сгребла в кучу кое-что и понесла в ванную.

— Не включай свет.

Моя рука замерла над шаром, который только хотела включить. Как хорошо, что он сказал. Но почему нельзя? Я вздохнула. Никаких вопросов.

Одевалась я быстро, стараясь закутаться так, чтобы точно не замёрзнуть даже в лютый мороз. Вещи были немного велики мне, но это даже нравилось мне. Я вышла полностью одетая, там стоял Ирбис тоже уже полностью одетый и смотрел в окно. Увидев меня, он подошёл ближе и оглядел мою одежду.

— Протяни руки.

Я молча протянула их, он поднёс что-то к моим запястьям, и я почувствовала, как браслеты те самые, что все ещё были на мне с самой темницы, расстегнулись. Я вытащила их через рукава. До этого момента, наверное, я не верила, что все это происходит со мной наяву. Но сейчас, сняв эти железки, и почувствовав лёгкость рук, мне стало страшно. Что заставило его так изменится за пару часов?

— Держи.

Он дал мне в руку кольцо и ещё одно надел сам. И тут же исчез из моего поля виденья. Ого... кольца невидимости. Вот это роскошь. Они ж стоят как полгорода. Делала я однажды такое, так с одного кольца потом почти весь особняк обновила, и ещё год припеваючи жила, зла не знала. Едва Ирбис снял кольцо, то тут же проявился. Я изумлённо разглядывала его.

— Это кольца невидимости, когда мы держимся за руки, мы видим только друг друга, но никто нас. Кольцо пока положи в карман. Будем одевать только по необходимости. Оно работает за счёт энергии человека, так что, чем дольше носишь, тем больше устаёшь.

Фу... ну и древность, только старые артефакты делали такими, современные все уже перешли на солнце там или магию, но не это. Это же так непрактично. Я оглядела перстень. Он был грубым, мужским, из серебра, там красовался череп, в глазах которого сияли два рубина. Он был таким огромным, что я без труда одела его на руку в перчатке. И стоило мне его одеть, как я почувствовала тяжесть во всём теле и головокружение. Да уж... я сняла кольцо и положила в карман шубы. Все же ужасные артефакты, работающие за счёт энергии человека.

— Идём тихо. Не привлекаем внимание.

Я в последний раз оглядела комнату, которую оставляла, и вместе с Ирбисом перешагнула за дверь.

Глава 17. Ночь. Лес. Откровенный разговор

Мы крались по дому, я в панике сжимала кольцо в кармане, сердце билось как сумасшедшее.

— Если увидишь кого-то, сразу надевай кольцо. — Его горячее дыхание обожгло шею и ухо, прогнав толпу мурашек до самых пят, я кивнула и сжала его руку. Он не отпускал меня ни на секунду и, признаюсь, это придавало надежды и уверенности, потому от страха у меня тряслись ноги и подгибались колени. Мы проходили одна за другой галереи, оставался лишь ещё один коридор и там лестница, холл и свобода. Как вдруг послышались голоса.

— Кольцо. — Услышала я его шёпот и тут же, нащупав кольцо, одела его. Меня душным покрывалом укрыла невидимость. Мы замерли, пропуская двух горничных, обсуждавших что-то.

— Серьёзно?

— Ага, я сказала, что подумаю, потому что соглашаться сразу было бы некрасиво.

— Ты только и мечтаешь стать его женой.

— Ну и что? Он то об этом не знает.

Они рассмеялись, а Ирбис, дёрнув меня за руку, повёл дальше. Меня поражало то, как он двигался, выискивая и выглядывая посторонних, и то, что он меня вёл. Нежно, осторожно, помогая, если я оступалась или спотыкалась, иногда подталкивая и сжимая руку. Чувствительно, но не больно. Это было совсем на него не похоже, не то что тогда, когда он тащил меня сюда, в этот дом. Словно вещь.

Что с ним произошло?

Мы вышли за дверь, Ирбис осторожно прикрыл её за нами.

— Снимай.

Его шёпот отдался радостью во всем теле, уже чувствовавшем усталость. Я сняла кольцо в кармане, и там его и оставила. Дышать стало легче. На улице везде лежал снег, было полутёмно, так как солнце садилось, кое-где загорались шары, освещавшие улицу. Ирбис же потянул меня к темной стороне дороге, где мы с ним, прижавшись практически друг к другу, шли дальше. Из рта вылетал пар, под ногами скрипел чистый белый снег, на волосы и шапку падали снежинки. Было красиво и тихо, только наши шаги раздавались в тишине этого дня. Я до боли, наверное, сжимала его руку. Мне было так страшно, что кружилась голова и тошнило. А ещё я была голодна. Я поняла это, едва мы переступили порог дома, живот заурчал, напоминая, что перед тем как собираться в дальнюю путь-дорогу, обычно закидывают что-то в живот. Я вздохнула.

Мы подходили к окраине города, кажется, дома редели, улицы становились темнее и уже, мы шли быстрым шагом, игнорируя горящие окошки домов. Ирбис все также осматривался по сторонам и изредка замирал на месте, а потом мы снова продолжали свой ход. Его глаза казались темными, но словно сияли в полутьме и отблесках шаров светильников. Это завораживало меня, и я то и дело заглядывалась на них и даже однажды немного споткнулась о камень, торчащий из земли. Но меня успели поймать и бережно опять поставить на землю. Мы подошли к лесу, я заметила словно бы мерцание между деревьями. Барьер? Похоже на то...

Ирбис отпустил мою руку и взгляделся в барьер, затем что-то начал бормотать, ходя туда

и обратно, вдоль ему только видимой границы.

— Значит так, — наконец-то он подошёл ко мне, — я беру тебя на руки и тогда мы пройдем без срабатывания сигнализации. Но ты должна будешь задержать дыхание.

Я кивнула. Ирбис обошёл меня и одним движением взял на руки, как когда-то давно... Так... не время сейчас вспоминать вечер пятилетней давности. Однако это так приятно, когда тебе просто надо довериться ему и тебя понесут на руках. Я обняла его за шею, вдыхая чуть пряный знакомый аромат. Как давно мы не были так близко? О чём у меня вообще мысли...

— На счёт три задержи дыхание. Раз. Два. Три.

Я вдохнула и рукой в шерстяной перчатке зажала нос, я зажмурилась. Мгновение, я открыла глаза, но мы уже шли дальше. А Ирбис всё ещё нёс меня на руках.

— Но...

Взгляд пригвоздил меня, и я замолчала. Ну раз ему так удобнее. Он нёс меня, словно я не весила ничего, как пушинку, бодро переступая через ветки и сугробы. Мы отдалялись от Логова. И теперь меня мучил всего один вопрос: почему он не остался? Я думала, он просто меня проводит, и все. Почему он идёт вместе со мной? Если узнают, что мы сбежали, во-первых, там куча метаморфов, многим из которых не составит труда найти нас. И если меня сразу без суда и следствия казнят, то Ирбис... Он потеряет все. Что? Что в его голове сейчас происходит? О чём он вообще думает?

Меня убаюкивал его ход, хотя и было немного не удобно, но я терпела. Вопросы приходили и уходили в голове, оставляя меня всё также в недоумении. Наконец, мы остановились. Ирбис опустил меня на землю, было темно. Вокруг был лес, холодный и тёмный, я сглотнула. Не так я себе представляла свой побег. Впрочем, я даже и не думала, как будет он проходить. Всё было лишь в теории.

Ирбис стоял, согнувшись и тяжело дыша, передо мной, он разогнулся и, выдыхая огромный клубы пара, проговорил:

— Можешь задавать свои вопросы... вижу, что тебе натерпится.

— Что происходит?

Он коротко рассмеялся.

— Я вроде как устроил нам побег.

— Вот именно. Какого черта НАМ? Почему ты не остался?

— Ты так во мне разочарована, что даже не хочешь, чтобы я был рядом сейчас?

Мы встретились взглядом. Я шумно выдохнула и подошла к нему близко, так близко, как позволяло мне воспитание.

— Дело не в этом. Разочарована или нет, твоё место — там, — я махнула неопределённо в сторону Логова, холодный воздух обжигал горло. — Ты принадлежишь тому миру, ты меня спас, я благодарна тебе за это, но подставлять себя? Зачем? Тебе жить надоело? Если тебя поймут, тебя убьют!

Он выпрямился, я отошла, качая головой. Безумец.

— Твоя забота очень трогательна, но моё место не там, а тут.

Я вздрогнула. Обернулась.

— Да? А как же Лейла? Она ждёт ребёнка от тебя? И ты просто так это оставишь?

— За кого ты меня принимаешь?

В его голосе прозвучало рычание, похоже, мне не стоило так говорить... Зря я так, он и правда бы не бросил её. Но всё же...

— Я бы никогда не бросил бы её, но она не беременна, просто удачно ввернула это в разговор, когда я решил уйти от неё.

— Ты что решил?..

У меня приоткрылся рот, демонстрирующий всё моё удивление. Уйти от Лейлы? Именно сейчас? Поэтому они так скандалили? Вовсе не из-за её беременности?

— Я ушёл от неё. О чём ей и сообщил, она была очень расстроена и решила попробовать оставить меня последним, что у неё было в кармане. — Я стояла, слушала и не верила. Точнее, верила и нет одновременно, — Твой артефакт ничего не выявил. Правда она потом в этом и так созналась.

— И ты поэтому ушёл? Поэтому ты тут? — Ирбис отвернулся. — Я просто не могу понять, у тебя было все, почему ты все бросил и ушёл.

— У меня не было тебя.

Тишина леса стала резать уши. Ох... нет, только не сентиментальные признания... я не выдержу и снова впущу любовь к нему... я не могу...

— Аселия. Я отказывался от тебя много раз, мне казалось, что я поступаю правильно, что у меня нет другого выбора просто. Я врал себе и тебе... я просто не хотел что-то менять. Сейчас, когда все так сложилось... я понял, что шёл всё время в противоположную сторону. Моё место тут, рядом с тобой. А твой артефакт лишь открыл мне глаза.

— Мой артефакт? — Голос дрогнул, я вот-вот готова была расплакаться...

Он достал из кармана артефакт-зеркало и потряс им. Он ему открыл глаза? Как? Он показывает лишь тьму... или?

— Мой отец был замечательным человеком, он воспитывал меня сам, о матери мы никогда не говорили, все, что я знал это то, что, когда я родился, они расстались. Она была темной и не только она, у меня в роду полно темных. Как я могу говорить тебе, что ты тёмная, и относиться к тебе или другим хуже, чем к себе? Это нечестно. Я такой же тёмный, как и ты.

— Он так показал?

— Да.

— Но это невозможно. Ты метаморф! Ты бы тогда не мог воплощаться!

— И что? Чтобы родился метаморф в семье, нужно, чтобы хотя один из родителей был метаморфом. Папа был.

— О, боги...

Я вздохнула, что тут ещё скажешь... Без них явно не обошлось.

— Папа мне всегда говорил, что тьма в крови не делает тебя темным, лишь поступки. Я считал себя правым и делал поступки, за которые мне стыдно сейчас. — Я молчала, глядя в лес. На щеках замерзали дорожки слёз. Внутри рвала буря эмоций. — Прости меня, Аселия. Я был не прав. Я не хочу больше находиться там, среди таких же обманутых, как и я. Я хочу быть с тобой.

Я стояла спиной к нему. Сердце трепетало от его слов, в глазах стояли слезы. Я не могу... просто не могу позволить себе ошибиться ещё раз. Моё сердце просто не вынесет этого... я не могу позволить этому начаться заново. Мы окажемся в тупике, и оба с разбитыми сердцами. Я не готова.

— Аселия, ты дашь мне второй шанс?

— Нет. — Я не успела ещё даже обдумать этот вопрос, все взвесить, а слово уже слетело с моих губ. Было тихо. — Прости, нет. Я не готова начать все заново. Я... верю тебе, верю

твоим словам и то, что ты искренен, тоже. Но я обожглась дважды, я слишком боюсь снова причинить себе боль.

— Что ж... — Пауза, затем грустное, — сам дурак. Идём. До ночи надо найти, где переночевать, где-то тут должна быть сторожка лесника. Нас хватятся только к утру. Так что, до утра мы там будем, а после активируем портал.

Я обернулась к Ирбису, шмыгнула носом. Он серьёзно?..

— Что? — Он улыбался, словно ничего и не произошло. Словно не было этого до боли откровенного разговора. — Оттого что мне отказали, я не растаю и не брошу тебя посреди леса, уйдя грустить в глушь. Я тебя сюда притащил, мне и вытаскивать. Идём.

И он пошёл дальше, лишь оглядываясь, чтобы проверить, следую ли я за ним. Я шла. В голове проносились его слова, и... они меня восхищали. Сейчас, буквально за эти пару часов, что я проснулась, Ирбис сделал больше мужественных поступков, чем за все наше знакомство. Он просто будет со мной, даже если я не дам ему надежду на светлое будущее. Невероятно. Просто уму непостижимо и дико восхитительно. Я догнала его, и он уверенно протянул мне руку, не романтично или с намёком, просто так. Я взяла её и почувствовала сильные и горячие, даже через ткань перчаток, пальцы. Мурашки поползли от ног выше. Ох... почему меня это цепляет? Когда улыбался и плясал вокруг меня, то мне это нравилось, бесспорно, но не цепляло, а сейчас я просто глаз от него оторвать не могу. Словно он стал другим человеком. Не Саймоном, не Ирбисом, чем-то совсем иным. Повзрослел? Хм... наверное. Возможно, именно это меня и стало в нем привлекать.

Мы пробирались сквозь лес прогулочным быстрым шагом, всё было молча, мне не хотелось говорить, я вся была погружена в собственные мысли, Ирбис не начинал разговор, изредка прерывая тишину словами вроде: «Осторожно», «Коряга», «Тут яма» или что-то подобное. Если случалось у меня подламывалась нога, он ловил меня, ставил обратно на ноги, при этом не обнимая, не сжимая, как порой любили делать мужчины и, как сделал бы он сам всего неделю назад. Это заставляло меня каждый раз прокручивать в голове один и тот же вопрос: как он стал таким за пару часов? Это же мистика какая-то.

Когда мы подошли к той самой сторожке, о которой шла речь раньше, я уже запыхалась и вымоталась, а глаза закрывались. Хотелось есть, но спать больше. Увидев наконец-то деревянный сруб, я восхищённо выдохнула, радуясь, что ноги, замёрзшие в сапогах, наконец-то можно будет согреть и самой прилечь. Дом оказался меньше, чем я о нем думала, печь, стол и скамья, да кровать на печи — вот и все что тут было. Мило и скромно. И холодно. Пока я сидела на кровати, стуча зубами, Ирбис принёс откуда-то целую вязанку дров и затопил печь. Пока не особенно чувствовалось, но все же сам факт печи и огня в ней уже утешали меня. Я придвинулась ближе, вытягивая к огню замёрзшие и покрасневшие пальцы на руках.

— Дай мне. — Я подняла глаза на Ирбиса, присевшего на корточки передо мной, потом осторожно протянула руки ему, он взял меня за руки, его пальцы были такими горячими.

— Ого... горячие.

— Я же метаморф, — на его губах заиграла странная улыбка. — У нас кровь горячее.

Да... кстати. Вот что изменилось. Раньше, когда он смотрел на меня, в глубине его глаз загоралась улыбка, потом она проявлялась на губах, словно он всегда был в хорошем настроении. А сейчас его глаза ничего не отражали. Не было той улыбки... неужели это из-за меня? Он стал улыбаться так редко и совсем по-другому. Искреннее?

Я отвела глаза, рассматривая стены, пыльный стол, грязную печь. Рукам стало намного

теплее, я забрала их. Мне было приятно, но неловко... он так спокоен, хотя я ему отказала. Как? Почему? Почему он заботлив и нежен со мною, хотя и не должен?.. Я знаю, я чувствую, что он многое отдал бы сейчас, чтобы быть со мною, целовать, обнимать, но при этом всё это не прорывается сквозь его барьеры. Ни словечка, ни взгляда. Словно ему просто нравится заботиться обо мне, не имея на меня никаких видов.

— Хорошо, что оставили дров немного, на ночь хватит точно. — Ирбис поднялся на ноги как ни в чём не бывало. — Ложись спать. Там одеяло на печи лежит. Я вернусь сейчас.

Я покосилась на лежанку на печи. Место там было навалом, но как мы будем спать? Вместе?.. о нет... но похоже, на правду, не на столе же ему спать или на скамье.

— Мы будем спать вместе?

Ирбис замер одной ногой уже выйдя за дверь:

— Если ты не хочешь этого, просто скажи, я буду спать в другом месте.

Он ушёл, закрыв дверь.

Это интересно в каком? На полу, что ли? Я сняла шубу и сапоги, забралась наверх, было все ещё зябко в доме, но уже теплее, а на печи и так подавно. Я укрылась старым одеялом, похожим на то, что было у меня в сторожке. Я лежала на отсыревшей подушке и думала о том, что одеяло плохо пахнет и что мне холодно и голодно. И о том, что все начиналось именно с такой избушки моей бабушки и все к ней и вернулось. Не к ней именно, но к подобной. И снова мы вдвоём, тогда все началось, а тут уже все закончилось. Я отвыкла жить как дикарка, мне нравится хорошая одежда, музыка, горячая вода, прочие удобства, например, что не надо топить печь и спать на ней. Как же я отвыкла...

Незаметно за мыслями я уснула. А проснулась от того, что на меня кто-то напал. Кажется, я кричала, пытаюсь смахнуть это что-то с лица.

— Тише-тише.

Я уставилась на Ирбиса, тяжело дыша. Одеяло было на полу, меня трясло, в голове проносились остатки кошмара, по щекам текли слезы.

— Эй, ну чего ты...

Ирбис сел рядом со мной на печь и обнял, я прижалась к нему, мне было страшно.

— Это был просто плохой сон и шторка.

— Шторка?

Я удивлённо посмотрела на Ирбиса, сжимающего меня в объятиях и глядящего по голове. Он кивнул на шторку, которая закрывала спальное место от избы, она была задвинута. Наверное, я в ней запуталась, когда проснулась. Да уж... сердце стучало, как сумасшедшее, и спать дальше не хотелось. Вдруг снова кошмар...

— Ты не спишь?

— Тебя сторожу, — усмехнулся Ирбис, в полутьме блеснули глаза. — Просто спал сидя.

— Почему?

— Я не хотел тебя смущать. А когда вернулся, ты все равно уже спала.

— Ложись. — Я уверенно пододвинулась. — Мне все равно страшно дальше спать одной.

Мне не хотелось думать о стеснении или чем-то таком, мне просто хотелось избавиться от кошмара в своей голове. Он помедлил сначала, но всё же лёг рядом. Я накрыла его одеялом и обняв его руку прикоснулась к ней лбом. От него шло тепло и уверенность. Слезы всё текли и текли из меня, так я и заснула во второй раз.

Глава 18. Передышка

Пробуждение утром было куда приятнее, чем первое от кошмара. Во-первых, я проснулась сама, я чувствовала себя прекрасно, во-вторых, это был аромат. Мясо. В животе все свело судорогой, рот наполнился слюной. Я выбралась из тёплого одеяла и потянулась, да так и замерла. На меня из-за стола смотрел Ирбис. В голове пронесла ночная картина и что мы спали вдвоём. Я почувствовала, что заливаюсь краской. О чём я думала вообще? В животе снова заурчало.

— Что это?

Не смотря на Ирбиса, я подошла к столу, там из глиняного горшочка пахло чем-то изумительно вкусным, я сглотнула. Стоило мне присесть, как передо мной появилась деревянная тарелка и ложка.

— Это еда. — Ирбис сидел рядом, как ни в чём не бывало, и ел из своей миски.

— Ты сам это приготовил?

— Не только, — просто ответил мне мужчина, — ещё и сам поймал.

Горячая ложка на середине пути к моему рту замерла, я встретила с его синими глазами. Не шутит? Сам поймал?.. ах да, он же у нас дикий зверь, совсем забыла...

Блюдо оказалось рагу из кого-то там, из кого я спрашивать не стала, но жмурится от вкусовых ощущений не переставала. Мне было вкусно и в то же время я ощущала себя немного... виноватой? Я была в этой странной компании женщиной и, по идее, я должна была приготовить с утра что-то вкусное и питательное? Впрочем, вряд ли мне это удалось, потому что ходить на охоту я не умею...

— Это просто изумительно!

— Спасибо.

— Не знала, что ты умеешь готовить, — как бы невзначай заметила я. Он замер сначала, а потом пояснил:

— Я долгое время жил один, приходилось как-то выживать.

Сначала мы молчали, а поражалась тому, что я так прекрасно себя чувствую. Я спала немного по ощущениям, но чувствовала себя такой бодрой. О чём и похвасталась Ирбису, он сначала просто смотрел на меня, пока я оправляла смявшееся платье и причёску, и слушая мои радости на тему прекрасного самочувствия, но потом вдруг рассмеялся.

— Что?

— Прости. Не хочется хвастаться, но боюсь это из-за меня.

— Почему это?

Я озадачено присела на скамью рядом с ним. В голове вертелись десятки догадок от амулетов и заговоров, до тотемного животного, припрятанного за пазухой. Ирбис вмиг стал серьёзным.

— Я метаморф, не зря именно нашу энергию тёмные используют в своих ритуалах. Когда люди спят, они обмениваются энергиями, как бы подзаряжаются друг от друга. И поскольку я спал рядом, то часть моей энергии передалась тебе.

— Ого...

Я чувствовала себя приятно, словно меня похвалили. И я была очень довольна этим фактом, что мы обменялись энергией. Словно мы стали ближе. Когда мы закончили есть и

стали собираться в путь, я спросила Ирбиса о том, что не давало мне покоя с тех пор, как мы переступили порог моей комнаты и покинули его особняк:

— Ирбис, — он издал звук, подтверждающий, что я услышана. — Что мы будем делать дальше? Нас разыскивают, куда мы пойдём?

Раз уж он решил браться за все проблемы и опекать меня, то я не против. Очень даже за, главное, не мешать ему.

— Я думаю, что мы найдём какой-нибудь город, там немного подзаработаем денег. Поставим тебя на ноги и...

— Можно продать артефакты.

— Что?

— Браслеты, которые ты снял с меня.

— Ты что, взяла их с собой?

— Конечно, — я смутилась. — Нам нужны деньги, а артефакты стоят довольно дорого, даже если продать их на рынке, а не частному лицу. У нас будут средства к существованию.

— Хорошая идея, у меня ещё твой артефакт-зеркальце. Правда опасаясь, не навредит ли он, если мы продадим его, и он попадёт в плохие руки?

— Не думаю.

— Ты так уверена?

— Ага, — я широко ему улыбнулась. — уж что-что, а за этот артефакт я не переживаю. Это единственный артефакт на моей памяти, где есть стоппер.

— Стоппер?

— Ну это я так его назвала... запрещающее слово, чтобы, когда я его назвала, артефакт перестал действовать, как артефакт. Просто занимательная вещица, не более.

— Пойдёшь на обман? — Ирбис улыбнулся хитрой усмешкой, я ответила ему тем же.

— Ты предпочитаешь плохой исход обману?

— Нет. А это слово... его может произнести только создатель? Или кто угодно?

— Пока я настроила, что только создатель, но думаю потом, наверное, можно будет и на других людей.

— Отличная идея.

— Я знаю, мне надоело, что мои артефакты используют против меня.

Я покосилась на Ирбиса, но он был занят одеванием и не заметил этого.

— Ты словно стал другим человеком, я не узнаю тебя.

— Это радует.

— Почему?

— Мне не слишком нравится, кем я был, и я хотел бы измениться.

Ирбис как-то сразу потемнел лицом, тема была ему неприятна. Однако мне всё же хотелось высказаться на эту тему, она была близка мне, поэтому я осторожно произнесла:

— Знаешь, зря ты пытаешься забыть то, кем ты был, все снести и построить заново. То, что с тобой было — это ты сам, ты ошибался, ты делал нехорошие вещи, но это ты. Но я думаю стоит просто признать это, вот и все, и просто жить дальше, не совершая этих поступков. А так ты словно становишься не собой. — Я прервалась под его внимательным взглядом, в горле встал ком, я опустила глаза в пол и сцепила пальцы на руках. — В моей жизни было много всего, были дни, когда я страдала, когда меня проклинали, были дни, когда моя кровь становилась мне проклятием. Но я не жалею сейчас об этом. Если бы не всё это, я не была бы тут, не встретила, тех, кто принял меня, такой как я есть. Даже о том, что я

тёмная, я больше не жалею. Это просто я. Я уважаю себя, я люблю себя... И лучше пусть ты встретишь девушку, которая полюбит тебя именно таким, как есть. Это лучше, чем ненавидеть себя.

— Но это не ты... — Вдруг горько сказал Ирбис.

— Прости...

Нехорошо получилось... разговор завернул не туда. Мне так хотелось поддержать его, приободрить, вселить надежду, а в итоге...

— О чём ты мечтаешь? — Отвлёк меня от самобичевания Ирбис, — Чего ты хочешь достигнуть этой жизни?

Я задумалась, присела на скамью, перебирая в уме мечты, желания, цели. Я никогда не задумывала так далеко.

— Наверное, я бы просто хотела жить нормальной жизнью. Муж, дети, дом за городом, под окном бы цвели аллеи, мои любимые цветы. Я бы занималась артефакторством. Даже поступила бы в Академию артефакторов и их гильдию.

— Ты пошла бы учиться?

— По закону я не имею права продавать свои артефакты, — я вздохнула, меня всегда задевал этот факт. — Я самоучка... А так, получу лицензию и стану частным артефактором, благо опыт имеется.

— Не боишься? Ты старше, чем всё ученики там.

— А что в этом такого? Когда я была в их возрасте, я мало того не знала, что стану артефактором, да и не было у меня денег, чтобы туда поступить. Как смогла, так и пришла, по-моему, в образовании нет ничего постыдного.

Я пожала плечами. Идея про Академию артефакторов вертелась у меня уже давно, но работа не давала мне передышку, а потому я все время это откладывала на потом.

— Согласен.

— А ты?

Ирбис опустил глаза и как-то странно ухмыльнулся.

— Я бы хотел жить где-нибудь в городе. Хотел бы заниматься метаморфами-детьми.

— Правда? Никогда бы не подумала, что ты хотел бы связать свою жизнь с детьми.

— Когда мой отец умер, я остался один. Он многое мне рассказал и о метаморфах и о жизни, но мало того, что мне пришлось выживать самому, так и ещё взрослеть в двух ипостасях в одиночестве. Одно знать, что это такое, и совсем другое дело, когда тебя на части рвут звериные желания. Это непросто. А представь себе родителей, не знающих что у них, родился ребёнок метаморф?

— То есть как это не знающих?

— Иногда это проявляется через поколение или даже через несколько. Так обычные люди становятся родителями лисёнка, волчонка или ещё какого-нибудь зверёнка.

Мы помолчали. Я пыталась представить его в окружении детей, радостного, улыбающегося, обучающего их. Внутри что-то сладко ёкнуло и потянуло, я судорожно вдохнула воздух.

— Знаешь, я тут подумала, может пойти к моему особняку, найти Кармайла, он нам поможет.

— Того гнома? — Ирбис был удивлён, — С чего ему нам помогать?

— Он обязан мне жизнью.

— Интересно же ты жила, что гном обязан тебе жизнью.

Я улыбнулась. О да, шикарная жизнь. Не на что жаловаться.

Я решительно встала из-за стола, оправила платье:

— Идём, нам предстоят великие дела, — я рассмеялась, озвучив любимую фразу моей бабушки и предчувствуя приключения и прекрасную жизнь впереди. В груди теплилось что-то тёплое и нежное, но ещё слишком хрупкое, чтобы начать начально верить в это. Одно я понимала точно, с этим мужчиной я не пропаду.

Глава 19. Конец и вновь начало

Чем дальше в лес, тем чуднее чудеса... Вот уж точно. Чем дальше продолжалось наше путешествие, тем больше я поражалась и радовалась Ирбису. Или Саймону. Я уже не знала, как его величать. Он заботился обо мне, просто заботился: кормил, поил, покупал вкусности и даже на одной из ярмарок купил леденец на палочке. Обновил одежду, выполнял мои пожелания, все делал сам. Я же проверяла его на прочность, давила на больное, иногда словно бы приникала к нему, в испуге ли, замёрзшая ли или просто так, пряча хитрые искры в глазах. Он стоял на своём. Он был уверен в себе и в своих действиях, старательно оберегал меня, однако ни разу ни в его движениях, ни в словах, ни в жестах не были ни собственнического, ни грубого, ни намёка на романтику. Каждый раз, когда моя проверка оказывалась удачной, внутри все полыхало радостью, вспыхивало, и я ликовала. Смог. Вынес. Вытерпел.

Одним из последних выходов была ссора, ни о чём и просто так. Что случаются как обычно. Я хотела его довести до белого каления, чтобы в нем проявилась вся его сущность, вылезла из-под масок и барьеров, и я углядела её. Но ссора не задалась. Ирбис банально не включился в неё, я швыряла предметы в него и вопила как ненормальная, мешая собственные эмоции с актёрским мастерством, он поднимал вещи и ставил на место, улыбался мне и просил «не нервничать». То ли у меня было плохо с актёрским мастерством, то ли меня раскусили, но в общем вывести на чистую воду его не удалось. Впрочем, в глубине души мне этого не особенно хотелось. Мне хотелось видеть его именно таким, добрым и заботливым.

Правда не все так гладко было в нашей компании, мои ценности и убеждения тоже деформировались и проверялись жёсткой проверке. Как не было мне хорошо, что Ирбис делал все за меня, от покупок еды до регулирования маршрута, иногда это давало сбои. Мне хотелось самой править своей жизнью, и я нагло вступалась в перебранку за свои права. И каждый раз проигрывала спокойному покровительственному тону, сообщавшему мне: «Пока ты под моей защитой и опекой, ты слушаешься меня. Так будет проще обоим». Это сообщалось мне в разных формах, словах и интонациях, но всегда спокойно и с полной уверенностью в своей правоте. Сначала я радовалась, что все так здорово, и я могу жить, просто бездельничая, но порой это было неприятно и слушаться категорически не хотелось. Однако после каждого проигрыша внутрь приходило умиротворение и... восхищение.

Разум нервно вырывал остатки волос на своей голове и взывал ко мне, сообщая, что я совсем потеряла голову и погружаюсь в какое-то розовое безумство, и что Ирбис совсем разойдётся и будет командовать мною и вертеть как хочет. А я останусь в дураках. Однако то сердце, где крепло что-то чудесное, что пока я не хотела называть любовью и старательно обходила этот участок в мыслях, было радо, что Ирбис выдерживал мои нервы, психи и слезы. Вконец успокоившись, я пришла к выводу, что это приятно. Я могла расслабиться, могла выдохнуть. Могла быть собой... сколько бы я не рассказывала Ирбису, что я уважаю и ценю себя и что я давно смирилась, что я тёмная, порой и меня грызли сомнения и страхи на этот счёт. До этого мне нужно было выживать постоянно. Сейчас с меня сняли все эти функции, мне не было необходимости заботиться о своей безопасности, защищаться, выживать. Был тот, кто все это делал вообще без напряжения. А я просто стояла с трудом

удерживая челюсть в захлопнутом состоянии. Прикинув сколько усилий пришлось бы приложить мне, чтобы сделать тоже самое, что Ирбис сделал буквально парой слов.

Да. Я восхищалась им. Я благоговела. Я млела от его силы, уверенности и... ощущения защищённости рядом с ним. Я могла пойти рядом с подозрительной компанией и больше не оглядываться, зная, что в случае чего рядом идёт тот, кто решит все мои проблемы. Это было так приятно. А все что требовалось от меня — это благодарность. Искренняя тёплая благодарность. Когда я поблагодарила его первый раз, я не могу до сих пор забыть эти глаза, словно я... словно я ему жизнь спасла. Он сразу отвернулся, собираясь с мыслями, но я уже поняла все.

И вот... послушание, благодарность, искренность. Три моих платы за рай, не так уж много, учитывая, что мне было хорошо в нем. Однако... я боялась. Боялась, что если сквозь мои барьеры прорвётся хоть капля моих чувств, если я ему скажу, что готова дать ему второй шанс, что если я доверюсь ему, то он станет таким же как и прежде, и все вернётся на круги своя.

Этого я бы определённо не пережила бы.

— Угадай, что у меня для тебя есть, — голос Ирбиса вырвал меня из-за задумчивости, я отошла от окна, приветствуя его тёплой улыбкой. Он молчал, сдерживая улыбку и видимо пытаясь намекнуть, что догадаться должна я сама.

— Я даже представить не могу... — Я задумалась, изображаю мыслительную деятельность всем своим видом. — Букет аллей?

— Нет.

— Петушок медовый? — Я сама смутилась от такого желания, и даже рассмеялась, но дождавшись отрицательного поворота головы Ирбиса, продолжила. — Пряник? Марципан?

— Ты что голодная? — Подозрительный взгляд в мою сторону.

Я снова рассмеялась.

— Я не знаю! Признавайся.

— Хорошо. — Он вытащил из-за спины руки, которые все это время держал там и протянул мне бумагу. Я удивлённо покосилась на него и прочитала. Там было имя: Леонард Прац, ниже адрес, кажется.

— И что это?

— Это человек из гильдии Артефакторов. — Я затаила дыхание и с нарастающим напряжением вслушивалась в каждое слово. — Мы встретимся с ним на следующей седмице, и он утроит тебя в гильдию и поможет устроить встречу с Эвианом Д'армэ (1). Тебе что-то говорит это имя?

Я судорожно вдохнула воздух, в голове все смешалось, я кивнула.

— Подожди... но он же глава Военной гильдии.

— Год назад Гильдию Артефакторов поглотила военная.

— Зачем? Да какая разница... — я подбежала к Ирбису и повисла на нем. До сих пор такого я не позволяла себе, но сейчас это было что-то сверх. — Как же я тебе благодарна... это просто чудо...

Я прошептала это куда-то в шею ему, вися на нем словно дивный фрукт, он сжимал меня в объятиях. Я так мечтала об этом, что я смогу поступить в академию, но чтобы так быстро и так сразу.

Я спрыгнула, голова стала работать:

— Но как же оплата? У нас сейчас нет столько денег...

— Не переживай об этом. Я буду работать и платить по частям.

Воздух словно высосали из лёгких, на глаза навернулись слезы, Ирбис стоял ко мне боком, раскладывая что-то на столе нашего маленького убогого номера на втором этаже таверны «Золотая русалка». Он был спокоен и уверен, что все получится, но... Ирбис заметил, что я плачу, только через пару минут после моего всхлипа и судорожного вздоха... он подошёл ко мне и взял мои руки в свои.

— В чем дело?..

— Ты так много делаешь для меня... как мне... отблагодарить тебя...

— Глупая, — сверкнув синими глазами, он погладил меня по волосам, другой рукой утирая слезы, улыбнулся тёплой солнечной улыбкой. Он улыбался часто сейчас. — Просто будь счастлива, и дай мне быть рядом с тобой в этот момент.

Я снова шмыгнула. Какой не логичный ответ... а кто же сделает его счастливым?

— Нам все-таки надо к Кармайлу.

— Зачем?

— Там у меня целый склад с артефактами, туда можно забраться и все продать, хватит и на дом нам, и на обучение, и на жизнь первое время.

Он замер, глядя в окно.

— Ты думаешь я не справлюсь?

— Я знаю, что ты справишься, — твёрдо ответила ему я, — но разве нам это не помешает?

Ирбис скрыл улыбку, выпуская мои руки и возвращаясь в прерванному делу.

— Если ты говоришь про тот склад, что был рядом с твоей спальней, то там ничего не осталось, все продали или унесли на склад в Логове.

— Есть ещё один... он в подвале дома, на чёрный день. Там гораздо меньше артефактов, но хоть что-то.

— Хорошо. Утром настроим портал и попробуем туда сходить.

Весь вечер я думала об этом, и не только об этом. О разном. О моем будущем, о его. Если он будет замарывать на жизнь и на учёбу, то, наверное, мы будем жить вместе? Жить вместе просто так — это довольно странно. У меня и у него должен быть какой-то статус. В каком качестве мы будем жить вместе? Как сейчас?... странные попутчики, относящиеся друг другу с теплотой и заботой, но ни намёком не выдающие чувства?

Утром, когда мы, одевшись, стояли посреди комнаты, и Ирбис настраивал портал, я положила свою руку на его. Он сначала посмотрел на мою руку и лишь потом поднял глаза на меня.

— Мы можем... сначала побывать на могиле моей мамы?

Он похлопал второй рукой по моей руке и ответил «конечно».

Так мы оказались на опушке леса. Такого до боли знакомого, я оступилась и прижала руку к сердцу. Внутри все сжалось от щемящей, почти невыносимой ностальгии. Все казалось таким маленьким, таким знакомым и чужим одновременно. Множество воспоминаний толпились в моей голове, всплывали одним за другим. А вот тут я закопала свой первый клад. А вот с этого дерева я упала и содрала кожу на колене так, что потом недели две ходила в повязке. А вот там мы с мальчишками собирали ягоду. А вот тут...

Я подошла в маминой могиле. Земля была сырой и холодной. Лёд застыл на каменной табличке, где было выгравировано её имя. Я присела на корточки, чувствуя, как подступают слезы. Во сне словно одновременно сидело на корточках тысячи воспоминаний, когда я

плакала, смеялась, рассказывала маме что-то, жаловалась на бабушку или просто рассказывала о себе. А ещё те моменты, когда я убеждала её и саму себя, что я уеду отсюда, вырвусь, стану знаменитой и буду жить в большом доме.

— Мама, у меня получилось... — Слезы скатились по щекам, когда я, дотронувшись до холодной плиты, сильным голосом произнесла эти слова. — Я смогла...

Над головой раздалась трель. Я резко встала. Преступив с ноги на ногу, когда закружилась голова. На дереве, под которым лежала мама, сидела птичка. В детстве бабушка, узнав, что, когда я разговариваю с могилой, туда прилетает птичка и поёт, говорила, что это мама в образе птички. Трель повторилась. Кажется, меня поздравили. Я улыбнулась. Спасибо, мама.

Следующей остановкой было пожарище. Я бы конечно с удовольствием сходила и на могилу к бабуле, но она просила сжечь её тело и развеять прах по ветру, что я и сделала. Так что могила бабушки ветер. Пожарище вызвало во мне противоречивые чувства. Чувство вины за то, что я сожгла свой родной дом, чувство утраты, что все это, родное, милое сердцу, теперь уничтожено и благодарности. За все, что было. Если бы я тогда не ушла... Не было бы меня такой, какая я есть, не было бы меня вообще тут.

Я прошла внутрь, касаясь остовов, стен, печи, пиная носками ботинок части мебели. Мда... какая она маленькая все-таки, эта избушка

— Все с этого и началось... — Раздался сзади задумчивый голос Ирбиса. Я обернулась к нему. Он стоял в бывшем проёме, как и тогда, он казался огромным по сравнению с этой избушкой. Я вздохнула. Лучше времени не найти... но как подобрать слова? Как сказать ему?

— Да, — я тянула время, — было дело... все такое маленькое... хм, а вот тут я спала, — я подошла к кровати. Точнее, к тому что от неё осталось, хотя мне видно было что тут была кровать, ведь её видела до пожара.

Я походила по комнатке, такой крохотной, что с трудом могла себе это представить теперь. Как это жить в таком маленьком помещении. Без помощников, без слуг... Вернулась в Ирбису, он стоял со странным выражением лица, в его глазах было... да, наверное, это тоже была ностальгия. И боль. Я взяла его за руку, и когда мы встретились глазами, он тихо произнёс:

— Я помню каждую минуту, проведённую тут, с тобой.

— Я тоже. Долгие годы эти воспоминания согревали меня.

— Тогда ты была моей...

Мне нечего было ответить на это, я сделала к нему шаг и уткнулась лицом в холодную одежду. Глаза горели от слез. Его руки обняли меня.

— Как бы я хотел доказать тебе, что я... что мне можно доверять. На меня можно положиться...

Я усмехнулась. Он все ещё хочет?.. после всего того, что он и так делает для меня? Чудак. Ну что ж. В голове засвербела идея. Яркая и оттого ещё более безумная. Внутри полыхнуло азартом и совсем в отдалении страхом: вдруг не получится?.. надо попробовать.

Я сделала грустные глаза и отняв голову, посмотрела вверх на лицо Ирбиса. Он улыбался печальной улыбкой мне. А если откажется? У меня есть только один шанс проверить это.

— Я... подумала... — он приподнял брови в недоумении, — ты можешь доказать.

— Что? — Воздух стал холоднее как мне показалось, и весь Ирбис словно закаменел, руки лицо и даже глаза застекленели. — Как?..

Я резко выдохнула и, закрыв глаза, произнесла:

— Тебе надо сделать мне такое предложение, чтобы я не могла отказаться от него.

После того, как я произнесла это вслух, абсурдность, двоякость и полная непонятность свалились на меня как лавина. О, боги... вот зачем я это сказала? Заберите мои слова обратно! Мне было страшно открывать глаза. Увидеть там насмешку, непонимание... хотя нет, скорее, увидеть понимание всех моих уловок, я боялась даже больше, чем неприятия Ирбиса. Я приоткрыла глаза. Мы так и стояли посреди пожарища в лесу, который заливало зимнее солнце, обнявшись и запрокинув головы. Я от того, чтобы смотреть на Ирбиса, который был намного выше меня, а он с задумчивым видом созерцал небо. Понял? Или нет? Ох, как сложно...

— Я могу подумать ещё? Этот сложная загадка.

— Да, конечно...

Внутри, мне хотелось ругаться, бесится и врезать ему хорошенько воооон тем пеньком около почерневшей печи. Чтобы у него мозги встали на место. Неужели я так заумно намекнула? Ох... да к чему вообще все эти намёки? Не могла что ли нормально сказать, чего я от него жду? Нет... это было бы принуждение и исполнение моего желания, без самостоятельности. Я бы хотела, чтобы он сделал это сам, чтобы это было его желание. Но если он догадается, это все равно будет принуждение, разве нет?..

Отодвигаясь с терпеливой улыбкой от Ирбиса и начиная ход обратно к portalу, я внутренне застонала от всех эти рвущих меня мыслей. И искренне подумывала над созданием артефакта, который вернёт меня в прошлое и заставит меня замолчать. Я шла впереди по тропинке, злясь на себя и громко вбивая эту злость в редкий снег и чахлую растительность. Ирбис все так же раздумывая шёл позади меня.

— Подожди, есть у меня идея одна... — Я замерла. Медленно повернулась к мужчине, он стоял посреди лес потирая подбородок и хмурился, потом он обратил на меня свои невозможные и синие глаза:

— Как на счёт предложения об огромном ящике с... допустим, медовыми петушками.

Признаюсь, в тот момент я не совладала с собой, на моем лице отразилось все разочарование, гнев и что-то ещё, не слишком приятное, а также все раздумья на тему умственных способностей Ирбиса. Неужели так сложно?.. почему он просто не понимает намёков? Я вернула лицу благожелательное выражение и покачала головой, снова развернулась и последовала дальше, все больше и больше втапывая ни в чем неповинные веточки и сухую замёрзшую траву в землю. До опушки было примерно ещё две попытки и каждый раз я готова была застонать на весь лес и расплакаться от бессилия. Когда мы подошли к portalу, я выдохнула, приняв тот факт, что он не понимает и не поймёт. Либо я сама создала такую репутацию, что он считает, что для меня предложение, от которого невозможно отказаться — это ящик петушков на палочке.

— Знаешь... — Пока он также в задумчивости настраивал портал на обратный путь, я решила закончить этот цирк. Нет, признаваться ему я не собиралась. Ни в коем разе. Но остановить этот поток следовало. — Это должно быть что-то серьёзное. Этот не еда и не платья и ничего такого.

— Я знаю, — невинно отметил Ирбис. Я моргнула.

— Что?

— Я знаю, мне просто нравилось наблюдать как разочарованно вытягивается твоё лицо, каждый раз слыша такие глупости.

Желание стукнуть его стало нестерпимым, я даже сжала кулаки.

— Ещё скажи, что ты знаешь, что я хотела бы услышать? — Проворчала я, решив, что кулаки надо спрятать в менее грозную позу, и сложила руки на груди. Мне хотелось плакать от обиды... да как так?!

— Знаю. — Его голос был очень тихим и проникновенным, Ирбис перестал возиться с порталом и внимательно смотрел мне в лицо. Этот голос в одну секунду вымел все обиды и злость из моей головы, оставив там пустоту и удивление. Знает?.. знает?!

— Тогда почему...

— Я боюсь ошибиться.

Ох... напряжение росло, я рассматривала его в поисках хоть одного намёка, что мы говорим об одном и том же, что сейчас не будет очередной неловкой сцены и непонимания. Внутри я взмолилась всем этим богам, чтобы сейчас как в сказке все сложилось. Мне хотелось подойти, обнять Ирбиса и в то же время убежать от него подальше. Так и мы и стояли на холодном воздухе, созерцая друг друга.

Наконец, Ирбис отвёл глаза и начал расстёгивать кафтан. Я пребывала в прострации. Зима и холод никак не вязались в моей голове с раздеванием. Однако он полез во внутренний карман. Сначала в один, потом, видимо, не найдя там ничего, во второй. Вот на лице отразилось просветление, и он вынул... конверт. Обычный бумажный конверт, который и протянул мне.

— Открой его.

Я стянула перчатки с рук и дрожащей рукой потянулась к конверту. Он был желтоватым и большим, без подписи. Запечатанный сургучом. Пальцы не слушались, но Ирбис не помогал мне, просто следил за тремя попытками открыть конверт. Четвертая оказалась удачной. Там был сложенный лист бумаги и что-то ещё. Оно шуршало на дне конверта. Я достала лист бумаги и заглянула внутрь конверта.

Сердце пропустило удар, второй, третий, я продолжала смотреть туда, затем, сглотнув, я развернула бумагу, ища там доказательства того, что я не сумасшедшая. Что мне не мерещится все это. Прочитала эти несколько слов, написанные ровным красивым мужским подчерком на таком большом для них листе... и зажмурилась. Я пыталась переварить это. Понять, осознать. Не получалось. Я открыла и прочитала ещё раз. Снова заглянула в конверт. И, наконец, обессиленно и с мольбой взглянула на Ирбиса.

— Я купил это для тебя ещё в Логове. Перед тем как расстаться с Лейлой. — Он уверенно взглянул в мои глаза. — Правда тогда это было куплено просто так. Я даже не знал, сделаю ли когда-нибудь это.

Слезы застлали мне глаза. Я снова прочитала слова на бумаге: «Ты станешь моей любимой и единственной женой один раз и на всю жизнь?». Затем вытряхнула на начавшую замерзать ладонь кольцо. С ярким золотым камнем.

— В цвет твоим потрясающим глазам.

Я держала в одной руке кольцо, во второй — лист бумаги, конверт упал в снег, и плакала, беспомощно глядя на Ирбиса. Я плакала, смотря на него и не зная, что делать, как реагировать на это счастье, неожиданно свалившееся на меня. Кажется, боги меня услышали и подарили все-таки мне сказку. Я всхлипнула.

— Твой ответ?

Ах да... ответ... я тут стою, реву от счастья, но он то не знает, что мой ответ по умолчанию «да». Я фыркнула сквозь слезы и подошла к Ирбису вплотную, прижимаясь лбом

к рубашке, проглядывающий сквозь расстёгнутый кафтан.

— Глупый... — я снова шмыгнула носом, — конечно, согласна.

В этот момент над моей головой раздался такой облегчённый вздох, что я даже оторвалась от увлечённого прижимания к Ирбису и подняла на него глаза. На его лице, с закрытыми глазами и блаженной улыбкой, отразилось удовлетворение.

— Ты согласна... — Предупреждая моя вопрос, произнёс он, сжимая меня в объятиях. — Согласна.

Когда он раскрыл глаза, они сияли нестерпимым синим счастьем, и всё его лицо отражало ликование и счастье. О, боги, совсем как тогда... как давно я не видела на его лице именно счастья, такого детского и безудержного.

— Моё сокровище...

Он снова сжал меня в объятиях и запечатлел на лбу тёплый поцелуй. Когда он произнёс это сакраментальное «моё сокровище», внутри всё наконец-то растаяло и уверилось, что все будет хорошо. Теперь-то точно. Я пискнула и подпрыгнув сжала его шею и чмокнула прямо в губы. Уже можно. Можно не сдерживаться и быть счастливой на полную катушку. Ирбис рассмеялся, начав кружить меня по зимнему лесу, я вторила ему своим смехом. Когда мы, запыхавшись, стояли и глядели с радостными улыбками друг другу в глаза, над нами раздалась трель. Та самая.

— Кажется, нас только что благословила моя мама, — тихим шёпотом пояснила я свой восторг. Ирбис удивлённо замер.

— Птица?

— Она всегда отвечала мне, когда я говорила с могилой мамы. Так что я привыкла считать, что это так мама говорит со мной.

— Вот как, ну тогда... — Он поднял меня на руки и кивнув птичке, громко сообщил. — Я забирая вашу дочь и собираюсь заботиться о ней до конца своих дней. Не переживайте, госпожа Либрэ, я сделаю её счастливой.

С этими словами он вошёл со мной в портал, вслед нам неслась птичья трель. Я ему верила, жмурясь от счастья и прижимаясь к такому тёплому и родному Ирбису.

Больше книг на сайте - Knigolub.net